

Роушин Мини

Лучшая неделя Мэй

Roisin Meaney

The Last Week of May

Copyright © THE LAST WEEK OF MAY 2007 by Roisin Meaney

© Деге М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

© GeniusKp / Shutterstock.com

События, описанные ниже, произошли в период между предпоследним понедельником и последним воскресеньем июня, невзрачного, каким обычно бывает июнь в Ирландии. Эти события были разбавлены короткими дождями и омыты лучами бледно-желтого солнца (в июне в Ирландии все выглядит именно так).

В нашей истории, случившейся в начале лета, приняли участие примерно двадцать действующих лиц, хотя, наверное, младенец не в счет. Некоторые участники почти все дни слонялись без дела, изредка появляясь и не меняя ход событий – за исключением, наверное, несчастного Бернарда. Но все случившееся с Бернардом свершится позже и, будем надеяться, закончится благополучно. Будем на это надеяться.

Познакомьтесь, это Мэй О'Каллахан – молодая женщина тридцати трех лет, вокруг которой и разворачиваются события нашей истории. Мэй – дочь Филипа, которую тот постоянно третирует, а также любимая племянница Хильды, лучшая подруга Ребекки, соседка Бернарда и Шона, работодатель Пэм – не волнуйтесь, очень скоро вы со всеми ними познакомитесь! – и (если бы только ее разбитое сердце об этом догадывалось) объект мечтаний Пэдди. Живя бок о бок с людьми, которые составят ей компанию на этой неделе, Мэй еще не догадывается, что в промежутке между понедельником и воскресеньем она совершит три важных открытия и кое-чему положит конец.

Итак, перед вами история последней недели июня... и последней недели Мэй.

Понедельник

В первой половине дня на всей территории ожидается дождь, в течение дня погода постепенно наладится. В ночное время ожидается сильный дождь. Температура воздуха поднимется до 14–16 градусов.

Звук трактора, вот на что это было похоже. Звук такой же раздражающий, хрипло гремящий, *вгрызающийся* в ее сон. Она открыла один глаз, часы на радио показывали 4:18. Каждый день оставлять стакан воды на его тумбочке – это просто пустая трата времени. Он никогда к нему не прикасается, предпочитая своим кашлем будить Мэй где-нибудь посреди ночи.

Мэй научилась не обращать на это внимания, смирилась с тем, что каждую ночь хотя бы один раз ей приходится просыпаться. *«Это то же самое, что жить в одном доме с младенцем»*, – мысль пронеслась в голове до того, как она смогла от нее отделаться, и Мэй почувствовала знакомый прилив грусти.

Сегодня утром, если дождь сбавит обороты – а Мэй слышала, как капли непрерывно колотили по крыше, – ее ждет работа в саду Пола и Франчески, которые живут всего лишь через два дома вниз по улице. Никакой стрижки газона, это подождет до более сухой погоды, а вот маки, которые уже отцвели, надо бы срезать, и большую цветочную клумбу под эркером неплохо было бы прополоть, а это Мэй делать любила, даже в дождь. Ей нравился аромат, исходившей от влажной почвы. И сорняки доставать легче. Выдергивать их – это же одно удовольствие.

Во второй половине дня Мэй ожидало мытье окон в другой части города, если ехать от дома Марджори, то это вверх по дороге. Возможно, Мэй заглянет к ней на обратном пути. Марджори всегда выглядела такой счастливой, когда могла с кем-нибудь поболтать, и ее так интересовали любые новости, которыми делилась Мэй. Возможно, причиной было то, что ее собственная дочь-подросток уделяла ей крайне мало времени – каждый раз, когда Мэй с ней пересекалась, Джуд казалась угрюмой и неразговорчивой. Бедная Марджори.

Завтра, а потом и в пятницу покраска стен для Кармел Гэннон – это хорошо, что появился новый клиент. Спасибо Пэм за то, что порекомендовала Мэй своей подруге.

Много работы, ей будет чем заняться. Прошло уже три года, а Мэй до сих пор удивлялась тому, как все сложилось после решения оставить офис доктора Тейлора. Не сказать что ей не нравилось там работать, отвечать на звонки и фиксировать время посещений, отправлять корреспонденцию и заполнять бланки – в общем, обеспечивать бесперебойную деятельность небольшого хирургического кабинета.

Но именно там, в офисе доктора Тейлора, она встретила Джерри, именно там все началось. И когда все закончилось, после того, как Джерри своим уходом просто уничтожил все то, что их связывало, после того, как Мэй смогла как-то собраться и начать выкарабкиваться, она осознала, что не может даже допустить мысль о том, чтобы продолжить работать в этом месте.

Ее решение было воспринято без радости. Доктор Тейлор не хотел, чтобы она уходила, и сделал все, что мог, чтобы уговорить ее остаться, но Мэй была непреклонна, и в конце концов у него не осталось выбора, кроме как отпустить ее, выплатив компенсацию за 2 недели и подарив симпатичный набор хрустальных бокалов, который, по-видимому, выбрала его жена.

Конечно, отец Мэй высказал массу опасений. «Ты только что купила дом и бросаешь постоянную работу? Ты с ума сошла? Как ты будешь выплачивать кредит?»

Как обычно, Эйдин оказалась более понимающей, но даже ей потребовалось время, чтобы принять решение дочери.

«Мэй, доченька, а вдруг ты не сможешь быстро найти новую работу? Как ты будешь оплачивать взносы за дом? Мы, конечно, тебе поможем, но...»

«Ма, ну правда, все в порядке. – Мэй улыбнулась. – Последние годы я жила очень экономно, у меня есть накопления». Она не стала уточнять, что накопления были

сделаны для того, чтобы оплатить расходы по свадьбе и медовому месяцу. Не стоило ворошить все снова. «Со мной все будет в порядке, правда. Подождите и увидите, что я очень скоро найду новую работу».

И Мэй знала, что Эйдин видит ее насквозь, видит, как сильно напугана дочь, как сильно Мэй боялась, что все пойдет не так и ей придется продать дом и искать другое место жительства – или даже на какое-то время вернуться к родителям и снова терпеть ворчание Филипа. Эта мысль часто не давала Мэй уснуть в собственной кровати в собственном свежевыкрашенном доме.

И в один прекрасный день, когда она просматривала раздел с объявлениями газеты «*Килпатрик Пост*» (три письма, в которых она откликнулась на вакансии секретаря, остались без ответа), Мэй прочла: «*Требуется уборщик*», а ниже – «*Требуется садовник для несложной работы в саду*», а в следующей колонке – «*Требуется маляр*» и в конце страницы – «*Требуется мойщик окон*».

И Мэй сказала себе: «*Я же умею все это делать*».

Она делала уборку в собственном доме, разве нет? Мыла окна и так далее. Так что она может сделать уборку где-то еще. И с уходом за садом тоже проблем не будет. Едва она стала достаточно взрослой, чтобы держаться за палец Хильды, Мэй всегда ковыляла вслед за своей тетей, когда они исследовали просторный сад позади дома, а Хильда свободной рукой показывала на цветы и рассказывала:

– Это называется душистый горошек, Мейзи. Понюхай, правда, приятно пахнет? Видишь те оранжевые цветочки, вон там? Это настурции. Их очень легко выращивать, посмотри, они могут расти прямо на стене. А видишь там большие цветы? Это люпины. Правда, они похожи на башню Рапунцель?

Мэй кивала и тянула свою детскую ручку к цветам, чтобы их погладить, а Хильда не запрещала трогать цветы. И каждый раз, когда Эйдин брала Мэй в гости к Хильде, Мэй требовала прогулки в саду. Хильда подарила Мэй на ее пятилетие пакетик с семенами разных цветов, которые они вместе и посадили в длинный темно-синий горшок.

Горшок стоял на подоконнике в спальне Мэй до тех пор, пока маленькие зеленые ростки не окрепли – теперь их можно было пересадить в грядку, которую Филип специально выкопал за домом, в дальней части поросшей мхом лужайки. И когда один за другим распустились цветы, Мэй притащила из кухни стул, водрузила его на густую траву, уселась перед цветами и начала читать им свои книжки с рассказами про Энн, Бена и их собаку Полли, которая вечно попадала в неприятности. «*Нет, Полли, нет*, – читала она. – *Плохая собака, Полли*».

И теперь, когда Мэй смотрела на цветы, она не переставала удивляться тому чуду, благодаря которому эти маленькие коричневые твердые катышки – так похожие на катышки грязи, которые мама собирала веником и бац – в костер, – превращаются в яркую, разноцветную, благоухающую красоту.

Всю свою жизнь Мэй обожала ухаживать за садом. Она узнала от Хильды все, что было можно, а после уже сама находила нужную информацию, если возникала такая необходимость. От выращивания цветов Мэй перешла к кустарникам и на свое десятилетие попросила в подарок две карликовые яблони, так как их сад был слишком мал для настоящих деревьев. Она привела в порядок лужайку, избавившись от мха и засеяв ее газонной травкой вперемешку с цветами ромашки, и, когда выдавался солнечный денек, растягивалась на лужайке лицом вниз, вдыхая сладкий аромат травы.

А малярные работы? Мэй умела красить. Разве не она только что целиком выкрасила свой новый дом? Ее спальня – в богатом бежевом цвете, тесная ванная комната – в бледно-голубом, напоминающем цвет утиного яйца, остальные части дома выкрашены в цвета, которыми Мэй любовалась в саду: лавандовый, белый, нежно-желтый, а также цвет розовой ракушки.

В общем, Мэй решила откликнуться на все подходящие вакансии. Она взяла ручку и подготовила пять отдельных откликов, а затем на всякий случай написала свое собственное объявление:

«Уход за садом, малярные работы, мытье окон, уборка в доме, любые другие предложения рассматриваются. Доброжелательный и надежный сервис, разумные цены».

И прежде чем успеть задуматься о том, действительно ли она хочет стать эдаким мастером на все руки, Мэй уже каждый понедельник работала в саду у Пола и Франчески, а на очереди стояли три дома, которые нужно было покрасить, и два сада, которые нужно было привести в порядок.

В течение последующих двух недель к ней обратились несколько человек, которые узнали про нее от своих друзей. А потом позвонила какая-то женщина и спросила, занимается ли Мэй выгулом собак, а какой-то мужчина поинтересовался, может ли она очистить сарай от мусора, а еще один искал кого-нибудь, кто будет помогать с глажкой.

Через шесть недель Мэй начала просто отказывать обратившимся к ней или объяснять, что в данный момент она занята под завязку, поэтому перезвонит чуть позже.

Зарабатывать она стала больше, чем у доктора Тейлора.

Ее рабочий день стал длиннее, так как приходилось по вечерам выгуливать собак, а иногда выпадала тяжелая работа – отскрести годами копившуюся грязь, разбирать завалы на пыльном чердаке и вытаскивать оттуда мусор, соскабливать бесконечные слои краски с затейливых кованых ворот, – но Мэй ни секунды не сожалела о своем решении уволиться из офиса доктора Тейлора.

Она ценила ощущение свободы, которое получила, начав работать на себя, она сама решала, на какую работу соглашаться, а на какую нет. Ей нравилось встречаться с новыми людьми и каждый день работать в разных местах. В один прекрасный день ей стало очевидно, что жить впроголодь или продавать свой дом не придется, она научилась даже получать удовольствие от неопределенности, от незнания того, что принесет ей следующая неделя. Мэй вложила деньги в покупку комплекта дорогих кистей, складной стремянки, которую можно было перевозить на велосипеде, и набор приспособлений для мытья окон.

У нее появились постоянные клиенты – каждый понедельник: утром – Пол и Франческа, а затем во второй половине дня – мытье окон в другой части города. Утро каждой среды было занято для уборки в доме Ребекки.

– Тебе не нужен уборщик – вас всего двое, ты и Брайан. – Мэй прекрасна знала, почему ее лучшая подруга просила сделать уборку. – Я понимаю, что ты стараешься мне помочь, но...

Ребекка оставалась непреклонной:

– Помоги, у меня нога. Мой дом как верхушка айсберга, ты же знаешь. Ты когда-нибудь видела, чтобы я делала уборку? А Брайан, храни его Господь, не отличит один конец пылесоса от другого. Если ты не будешь приходить, то либо будет приходить кто-то другой, либо мы утонем в бардаке.

Мэй сложила руки.

– Как так получилось, что раньше ты никогда не говорила о том, что тебе необходим уборщик? Как так получилось, что, как только я начала этим заниматься, он тебе внезапно понадобился?

Ребекка вздохнула:

– Спасибо моей работе, все теперь у меня вызывают подозрение; мне и в голову не могло прийти впустить в дом незнакомца, который будет рыться в моих шкафах. А ты же знаешь все мои грязные секретки, поэтому ты идеальный уборщик. Давай три часа в неделю на твоих условиях, и я обещаю выгнать тебя пинком под зад, если ты начнешь халтурить.

В конце концов Мэй согласилась и стала проводить утро каждой среды в доме Ребекки, разбирая бардак, который выглядел очень подозрительно – похоже, он был тщательно организован Ребеккой накануне.

А по утрам в четверг она шла в дом к Пэдди О'Брайен. Последние несколько месяцев она приходила в дом к мужчине, с которым ей до сих пор так и не удалось познакомиться. К мужчине, который пил кофе без кофеина, оставлял чашу с киви и сливами на столешнице за стопкой книг по кулинарии и который, судя по куче инструментов и досок, наваленных у запасного выхода, работал кем-то вроде плотника, а в ванной пользовался мылом с приятным яблочным ароматом.

Свой самый первый в жизни флакончик духов Мэй нашла под рождественской елкой в одиннадцать лет. Духи назывались «Фруктовый сад», а стеклянный флакончик был в форме яблока; она вытащила пробочку, капнула светло-зеленую жидкость на запястье и вдохнула. С того самого дня аромат яблок напоминал ей о Рождестве.

Довольно скоро появилось достаточно постоянных клиентов, чтобы денег хватало для оплаты основной части счетов. А в остальное время Мэй брала разовые заказы, которые продолжали появляться. Звонил телефон, и разговор начинался примерно так: «Вы меня не знаете, но недавно вы красили у моих друзей дом...»

Она улыбнулась в темноте. Не так уж и плохо все получилось. Потом она повернулась на другой бок и попыталась заснуть.

В последний момент перед тем, как проснуться и открыть глаза, он снова увидел ее. Она приходила к нему во сне каждое утро, всегда улыбаясь своими сладкими губами, которые он жаждал поцеловать. Ему стало интересно, как ей удается приходиться в тот самый момент, когда он еще не отошел ото сна, еще не сообразил, что «тик-так» – это тикают его часы на шатком прикроватном столике, не успел узнать теплый запах мягкой подушки и почувствовать, как скомкалась простыня под ним.

И когда он начал возвращаться в реальность, образ Мэй стал медленно растворяться, ее лицо, как мордочка Чеширского Кота, понемногу исчезало: сине-зеленые глаза пропали, карамельного цвета волосы растаяли, восхитительный смеющийся рот – все исчезло без следа, не осталось ничего, закрытые глаза Пэдди созерцали лишь темноту.

Она хоть когда-нибудь думала о нем? Задавалась ли она вопросом, встретятся ли они сегодня? Или она ни разу не подумала о Пэдди так, как он думал о ней?

В таком небольшом городишке, как Килпатрик, они могли пересечься в любой момент. Пэдди часто видел, как она проезжала мимо него на своем голубом велосипеде, а ее волосы развевались на ветру. Или сидела на корточках, склонившись над цветочной клумбой, или шла следом за газонокосилкой.

Забавно, что в то единственное утро, когда они точно не могли встретиться, Мэй вошла в его дом в качестве работника, нанятого для работы в саду с девяти утра до полудня. За последние восемь месяцев она превратила заросший кусок земли за домом в настоящий сад с кустарниками, цветочными клумбами и маленькой дорожкой, посыпанной гравием, которая начиналась от веранды и вела вверх, к японскому саду камней.

Мэй постепенно скрыла уродливую стену позади сада, пустив по ней какое-то ползущее растение, название которого Пэдди не мог вспомнить – он ничего не понимал в садоводстве, – а что-то, что она посадила рядом с запасным выходом, вечерами источало восхитительный аромат. Пэдди постепенно начал замечать бабочек около зацветшего фиолетовыми цветами кустарника, а не так давно в зарослях, которые он предположительно окрестил лавандой, начали жужжать пчелы.

Многие кустарники, которые она посадила, сейчас цвели разными цветами – золотисто-желтыми и светло-оранжевыми, нежно-розовыми и темно-алыми. Он взял за привычку выходить по вечерам, чтобы просто стоять, прислонившись к задней стене дома, и вдыхать наполненный ароматами воздух. Пора приобрести два шезлонга – или, может быть, смастерить деревянную садовую скамейку.

Ему было интересно, что подумала Мэй о столике для птиц, который он установил на лужайке на прошлой неделе. Пэдди был доволен тем, каким получился этот столик, и тем, что потратил на него столько времени. Правда, Пэдди продолжал забывать насыпать какой-нибудь корм – он даже и не предполагал, что птицы так высоко оценят симпатично собранный столик и горстку еды на нем.

Мэй никогда не брала ничего из холодильника Пэдди, никогда даже не делала себе чашку чая, несмотря на то что в самое первое утро он оставил ей соответствующую записку.

Он вытянул перед собой руку и взглянул на часы. Он никогда не заводил будильник, у Пэдди вообще никогда не было никакого приспособления, предназначенного для того, чтобы прерывать его сон. И зимой и летом он просыпался либо за пять минут до, или через пять минут после половины шестого утра. Сегодня часы показывали «после» – без двадцати пяти шесть, за окном виднелось дождливое, серое июньское утро. Пора вставать.

Пэдди отбросил простыню и одеяло, встал с кровати и почувствовал неровность коврика, который сделала своими руками его сестра, участвуя в проекте «Ремесла» в ее педагогическом колледже. Коврик был слеплен непрофессионально – Изольда была очень далека от любой формы ремесленных искусств. Красные, розовые, фиолетовые ленты неуверенно плутали по всей длине, то напоминая толстые огурцы, то вдруг становясь похожими на тоненькие карандашики; нити разных цветов путались между собой, бесовестно влезая на чужую территорию и непонятным образом прокладывая себе путь. Алая бахрома по краям была подрезана криво и походила на всклокоченную неровную челку на рисунке дошкольника, который изобразил свой автопортрет.

Но Пэдди коврик нравился. Ему была мила эта очаровательная нелепость, а на некоторые несовершенства он не обращал внимание. Главное, его сделала Изольда, которую он любил. Она сидела в крошечной сырой квартирке, в которой они тогда жили в Лимерике, ругалась, пытаясь проткнуть грубую ткань тупой иглой, и постоянно делала перерывы, чтобы быстро почесать лицо. «Я уже чешусь как ненормальная от этой проклятой работы». А потом она снова склонялась над недоделанным ковриком, который расплзлся цветным пятном на ее коленях.

Пэдди зевнул, снял с себя серую футболку и бросил ее на кровать. Потом подцепил большими пальцами рук резинку от шорт, стянул их с себя и оставил валяться на полу. После чего проследовал в ванную комнату, вытащил шланг от электрического душа и включил воду.

Пэдди стоял под теплыми потоками, позволяя им намочить и расплющить волосы на голове, чувствуя, как вода струится по груди, животу и стекает по ногам. Когда он потянулся за гелем для душа, ему вдруг показалось, что он услышал приглушенный крик. Пэдди замер, держа тубик в руке и высунув голову из потока воды.

Снова крики, одиночный длинный визг, скрежет тормозов и – ба-бах – звук взорвавшегося автомобиля. Все слишком драматично, чтобы исходить откуда-нибудь еще, кроме как из телевизора мистера Кеннеди, расположенного за стеной.

Пэдди выдавил на руку гель и взбил его в мыльную пену, которой принялся растереть шею, плечи, подмышки, грудь, живот, бедра и все, что было между ними.

Мэй О'Каллахан. Горячая вода продолжала литься. Ванная начала наполняться паром с нежным яблочным ароматом.

Он схватил деревянную ручку и начал трясти ее снова и снова. Дурацкий маленький колокольчик затренькал в его руке. Разве кто-то может это услышать?

– Мэй?

Где его завтрак? Она не должна заставлять его ждать, ведь он пожилой человек. Особенно если он уже давным-давно проснулся.

– Мэй?

Филип раздраженно закашлял и с трудом вылез из кровати. Эти подушки слишком плоские – как ему может быть удобно в кровати, если ему не на что опереться? Он неуклюже уперся в них локтем.

Открылась дверь, и появилась Мэй, неся поднос.

– Доброе утро. Как спалось?

Каждый раз с одним и тем же вопросом, каждый раз делает вид, будто ее интересует ответ. Филип заворчал и демонстративно посмотрел на поднос.

- Вот, пожалуйста. - Она поставила поднос на одеяло. - Поправить подушки?

Она подошла, чтобы их поправить, но он нетерпеливо отмахнулся.

- Все с ними нормально.

Снова вареное яйцо. Он надеялся, что на этот раз оно хотя бы не было сварено вкрутую, как в прошлый. И тост снова нарезан этими дурацкими узкими ломтиками, как будто он маленький мальчик.

Она налила чай из маленького чайника.

- Сегодня сыро.

Как будто он сам не слышал, что идет дождь, как будто он был не только старым и беспомощным, но еще и глухим. Он взял нож и срезал верхнюю часть яйца. На палец капнуло желтым - это хорошо. Он посмотрел на поднос, а потом взглянул на Мэй.

- Соль?

Она снова забыла. Такая простая вещь, а она никак не может запомнить. Он приложил все силы, чтобы сохранить спокойное выражение лица, и ему удалось сдержать вздох.

- Извини.

Филип слушал торопливый топот ее шагов на лестнице и с горечью вспоминал завтраки, которые ему готовила Эйдин. Нежная овсяная каша, сверху политая ложечкой джема из черной смородины. Каждое воскресенье - две жирные сосиски, которые он разрезал вдоль и ел вместе с толстыми кусками свежее испеченного, еще теплого, только что из печи, домашнего черного хлеба, сдобренного томатной пастой.

Или, как ни странно, селедка, восхитительно соленая, компанию которой на тарелке составлял жареный на гриле томат, разрезанный пополам.

Картофельная запеканка, запеченная до золотистой корочки, сверху - кусочек масла, немного соли и горчицы. От воспоминаний у Филипа потекли слюнки.

Он посмотрел вниз на маленькое белое яйцо, важно торчащее из фарфоровой патошницы, и издал тяжелый вздох. Достаточно громкий для того, чтобы Мэй, которая как раз заходила в комнату, его услышала.

Она убрала остатки завтрака, вытряхнула влажное кухонное полотенце и повесила его на ручку плиты. Потом выглянула в большое окно, находящееся над раковиной, как всегда внимательно изучила сад, но Одинокого Джорджа под дождем не оказалось, что было, в общем-то, ожидаемо. Собиралось ли небо проясниться?

По большому счету это не имело значения, у Мэй было все необходимое для любой погоды. С крючка на задней двери она сняла желтый дождевик и положила его поверх рюкзака, в котором находились зеленые резиновые сапоги и непромокаемые штаны, садовые перчатки, лопатка, садовая вилка, секатор и синяя пенка на тот случай, если придется работать, стоя на коленях.

Мэй намазала маслом два кусочка хлеба, положила между ними толстый ломоть ветчины и приправила майонезом. Смешно, конечно, не приходиться на обед домой, когда работаешь всего через два дома, но и одного приема пищи в компании его мрачной старой физиономии ей было более чем достаточно. Гораздо приятнее съесть сэндвич на ходу.

Она прикрыла веки и почувствовала сухость в глазах. Вода в стакане на тумбочке осталась нетронутой, как, впрочем, и всегда. Его не волнует то, что он заставляет ее бегать по лестнице туда-сюда, чтобы принести эту чертову соль, его не волнует то, что соль плохо влияет на его давление. Обслужи его правильно, если...

Нет, она не должна так думать; маме это не понравилось бы. Мэй почувствовала знакомый прилив грусти, когда вспомнила о матери, которую похоронила восемнадцать месяцев назад. Она дотронулась до маленькой молочно-белой ракушки на золотой цепочке, которую носила на шее. Каким-то образом это всегда успокаивало. Такая красивая вещица, такая нежная. В сотый раз Мэй захотелось узнать, кто же сделал ей этот подарок.

Она услышала звук поворачивающегося во входной двери ключа. Пэм, точно вовремя, как всегда.

- Привет, я пришла.

Голова Пэм появилась из-за кухонной двери.

- Доброе утро, Мэй. Ужасная погода. - Пэм сняла свой сухой пиджак и повесила его на спинку стула. - Убедись, что ты надежно упакована.

Мэй улыбнулась.

- Естественно, остальным же не так повезло, как тебе с твоим водителем.

Каждое утро муж Пэм, Джек, подвозил ее на работу.

- И то верно. - Пэм рылась в своей сумке. - Я принесла тебе рецепт лосося, про который рассказывала - изучи его, посмотрим, что ты скажешь.

- Отлично, спасибо.

Мэй без энтузиазма планировала на вечер предстоящего воскресенья ужин для Филипа. Он не заслуживал, а вероятно, и не хотел никакого празднования, но она не могла оставить незамеченным его восьмидесятилетие. Скромный ужин, только члены семьи - и Ребекка, которая обычно не нуждалась в приглашении на подобные мероприятия, - и, разумеется, Хильда, тетя Мэй, если та сможет. Хильда была одной из немногих, кому удавалось неплохо ладить со своим зятем.

Пэм, конечно, тоже будет присутствовать, поскольку поможет готовить ужин. Мэй умела многое, но вот готовка не была ее сильной стороной.

Она подняла рюкзак.

- Ну все, я ухожу. Удачи с брызгой.

Пэм улыбнулась.

- Все будет в порядке. Поговорим с тобой завтра.

Он нагнулся, поцеловал Шона в голову - какие шелковистые волосы - и провел тыльной стороной ладони по его небритому подбородку.

- Не перетрудишься сегодня - полегче с количеством слов.

- Ха-ха. - Шон бросил кусок банана себе в тарелку и потянулся за мандарином. - А ты не забудь купить пармезан. - Он произносил «пар-ме-заан», что, по секрету, забавляло Бернарда.

Проходя по тропинке через сад, Бернард заметил Мэй, которая выходила из ворот соседнего дома.

- Так, мисс О'Каллахан, какую шалость вы замышляете сегодня?

- Утром - работа в саду, а после обеда - мытье окон: как видишь, никаких шалостей. - Мэй посмотрела на небо. - Знаешь, я думаю, дождь прекращается. Как Шон?

- Такой же, как всегда - талантливый, эгоистичный и прекрасный, - и все еще влюбленный в меня, хвала небесам. Одинокий Джордж передает привет.

Мэй улыбнулась.

- В самом деле?

- Конечно, скучает по тебе как ненормальный. - Бернارد посмотрел на часы. - Ого, мне пора бежать, поболтаем позже. Если вечером ты ничем не занята - не считая, конечно, прогулки с этими твоими животными, - заскакивай на бокал вина. В полвосьмого.

- Думаю, у меня получится, спасибо, Бернارد.

Еще одна возможность отдохнуть от Филипа; Мэй готова была соглашаться на любые варианты, которые ей предлагались. А ее соседи были приятной компанией, они мило подшучивали над упрямством Филипа, дразнили Мэй по поводу того симпатичного почтальона, в которого она втюрилась и который, по мнению Шона, подходил ей просто идеально.

Она посмотрела вслед отъезжающему белому фургону и затем развернулась лицом к соседнему дому.

- Давай, дорогая, возьми свою коробочку для завтраков. Можешь ее достать?

Пол улыбнулся, когда Лючия встала на цыпочки, чтобы снять с кухонного стола желтую пластиковую коробку.

- Эй, да ты стала высокой.

Скрывшись за газетой, Франческа подумала: «Как твой отец». Она опустила газету и сказала:

- Поцелуйчик.

Лючия прижалась своим липким ротиком к ее щеке, и Франческа обняла ее за плечи, на которые уже был надет плащ.

- Веселись, детка. Увидимся позже. Не снимай плащ, покуда не зайдешь в школу.

- О'кей, чао, мама.

Пол наклонился и слегка коснулся своими губами губ Франчески.

- Встретимся около шести, хорошо?

Франческа снова подняла газету.

- Хорошо.

Франческа услышала их голоса на улице, услышала, как хлопнули двери машины. Как только двигатель завелся, она бросила газету, подошла к кофеварке и вновь наполнила чашку. Затем села за стол, достала тонкие коричневые сигареты, закурила и стала наблюдать за тем, как новая помощница по хозяйству загружает посудомоечную машину.

- Сначала сполоснуть, помнишь?

Он медленно ехал по подъездной дорожке, дворники бегали по стеклу. Когда машина повернула на основную дорогу, он сказал дочери:.

- Посмотри, дорогая, вон идет Мэй. Помаше ей ручкой.

Лючия подняла руку, и Мэй, которая только что свернула на дорожку, отправила ей воздушный поцелуй и подтянула повыше рюкзак, который висел у нее на плечах, задев маленькую застежку на тонкой золотой цепочке с ракушкой, из-за чего та расстегнулась.

Когда машина Пола исчезла за поворотом, расстегнутая цепочка начала медленно и неслышно сползать по складкам свободной серой кофты, съехала вниз по блеклым и испачканным краской джинсам и еле слышно плюхнулась на землю, угодив в мелкую лужицу, которая образовалась на тропинке прямо рядом с домом Пола и Франчески...

...Спустя пятнадцать минут Пол привел Лючию в классную комнату для самых маленьких учеников начальной школы, он снял с дочки мокрый плащ, осторожно пробрался сквозь рой двадцати семи других малышей четырех лет от роду и их родителей и повесил плащ на крючок, который был помечен именем Лючии. Пол знал наверняка, что за ним наблюдали.

После того как он повесил плащ на крючок, Кармел звонким голосом учительницы начальных классов сказала:

- Доброе утро.

Пол повернулся, улыбаясь.

- Доброе утро, мисс Гэннон. Как поживаете?

Уголкем глаза он видел парочку мамочек, топтавшихся рядом с дверью и смотревших в его сторону. Им было любопытно, о чем это он говорит с симпатичной учительницей. Или, возможно, им бы хотелось, чтобы вместо учительницы он поговорил с ними. Он расправил фиолетовые рукава непромокаемого плаща Лючии.

- Лучше, чем когда-либо. - Кармел понизила голос, продолжая улыбаться так же лучезарно. - Ты придешь?

- Ммммм. В четверг смогу. В четыре часа, хорошо?

Громкий плач заглушил общее жужжание голосов. Кармел быстро развернулась.

- Эй, что там происходит? - Она проложила путь сквозь скопище малышей туда, откуда доносился плач, оставив Пола прикидывать, что в четыре часа будет самое то.

На выходе он, минуя самую привлекательную мамочку, случайно споткнулся и на мгновение коснулся рукой ее груди. Он почувствовал, как под его прикосновением ее грудь немного напряглась.

- Мне *безумно* жаль - умоляю, простите меня.

Выходя из класса, он чувствовал на себе их взгляды.

Она обошла дом с задней стороны и помахала темноволосой девушке, которая работала рядом с раковиной на кухне - должно быть, новая помощница. Через секунду открылась дверь, и возникла Франческа, как всегда элегантная в своем ярком цветном платье и темно-бордовых шлепанцах. Струйка дыма поднималась вверх от тонкой коричневой сигареты, которую Франческа держала в левой руке. Все это сопровождалось ароматом кофе.

- Мэй, ты собираешься работать под дождем?

Мэй улыбнулась.

- Я немного проползу, а дальше посмотрим. Думаю, дождь заканчивается.

На фоне подчеркнуто женственного образа Франчески она терялась. Желтому дождевику явно не доставало гламура.

Франческа пожала плечами.

- Может, сначала выпьешь кофе?

- Нет, благодарю.

Мэй представила себя рядом с Франческой и по-думала, что на ее фоне будет выглядеть как большой желтый клоун.

- Я лучше начну.

...Через полчаса, когда дождь наконец-то закончился, Мэй услышала, как сзади открылись ворота, она оторвала взгляд от наполовину прополотой цветочной клумбы и

обернулась.

Это был он, он шел по садовой дорожке, неся в руке пачку конвертов.

Мэй улыбнулась.

- Доброе утро.

Сердце внезапно заколотилось – как это нелепо, в тридцать-то три. Ведет себя как какая-то влюбленная шестнадцатилетняя девчонка. Она надеялась, что Шон не наблюдал за ней из окна соседнего дома; иначе сегодня вечером он ей все выскажет.

- Доброе утро. – Почтальон улыбнулся ей в ответ, слегка покраснев. – Миленькая работа у вас тут, в грязи.

Мэй подумала: *«Я, должно быть, выгляжу как пугало»*.

- Меня все устраивает.

При снятом капюшоне ее волосы, наверное, торчали во все стороны.

- Это хорошо. Нет ничего лучше, чем немного испачкаться. – Он протолкнул письма в прорезь. – Вы навели здесь красоту.

Она смотрела ему вслед. У него были очень светлые волосы, почти белые. И карие глаза под темными бровями – это, по идее, должно было выглядеть неправильно, но не выглядело.

Скорее всего, у него, как у большинства мужчин его возраста, есть жена, которая ждет его дома.

«Вы навели здесь красоту». Мэй стало любопытно, а как же выглядит его сад.

Она добавила кусочек масла в миску с порезанной, только что сваренной морковью и теперь смотрела, как оно растекалось, оставляя за собой желтый след. Затем положила две ароматные картофелины на десертную тарелку, подошла к входной двери и позвала:

- Мистер О'Каллахан? Обед на столе.

Когда Пэм достала с решетки гриля второй кусок отбивной из баранины и положила на его тарелку, то услышала, что Филип медленно выползает из гостиной. Пэм изобразила улыбку на лице как раз в тот момент, когда он добрался до кухни.

- Вот, пожалуйста. На этот раз вышло хорошо.

Она поставила тарелку на стол и пододвинула Филипу стул.

Филип бросил свою палочку и с трудом начал взбираться на стул. Пэм стояла позади, но не помогала. Она подождала несколько секунд, пока он двигал стул ближе к столу, а потом сказала:

- Все в порядке?

Он что-то пробурчал в ответ, и она наклонилась, чтобы поднять его палочку и прислонить ее к соседнему стулу. Пэм быстро перепроверила, все ли стоит на столе: соль, соус, масло, стакан воды.

- Я пойду приберусь наверху, если вам ничего не нужно.

Он разломил вилок одной картофелину, но, как только начал ее чистить, она развалилась на мелкие кусочки, которые выскользнули из рук и шлепнулись на десертную тарелку. *Шмяк*.

Пэм повернулась к кастрюле.

- У меня есть еще.

Но он ответил:

- Нет, нет, *не суетись*, не нужно, - и принялся собирать дымящиеся кусочки и перекладывать их один за другим на свою тарелку. - Не нужно готовить лишнее - это просто перевод продуктов.

Он подцепил ложкой морковку, положил в свою тарелку и, не глядя на Пэм, взял соусник.

- Я подумала, что Мэй захочет обжарить парочку вечером.

Филип не ответил, он отрезал кусочек от отбивной, положил ее вместе с несколькими кусочками моркови в рот и начал громко пережевывать. Пэм развернулась и пошла через гостиную по направлению к лестнице.

О господи, он все время такой раздраженный. Как Мэй удавалось его выносить? По крайней мере, Пэм в три часа уходила домой, и основную часть времени ей не приходилось с ним общаться - и, к счастью, он не путался у нее под ногами, когда она делала уборку и готовила ему еду.

Она открыла дверь в спальню и задержала дыхание - в нос ударил затхлый воздух. Пэм оставила дверь широко открытой и распахнула окно - дождь к этому времени как раз прекратился. Она сняла одеяло и верхнюю простыню и убрала бутылку с водой, которая была еще теплой. От кровати несло запахом несвежести с примесью мочи.

Дыша ртом, Пэм расправила простыню и стряхнула маленькие крупинки песка, которые скопились в изножье кровати. Она взбила три подушки и перестелила простыню и одеяло. Вытряхнула его пижаму - почему он не разрешает ей менять пижаму чаще одного раза в неделю? - и небрежно свернула ее, прежде чем положить под подушки. Потом прошлась по поверхности тумбочки, стирая пыль, взяла стакан и бутылку, отнесла в ванную и вылила воду. Затем она пошла за пылесосом.

Пришлось тащить пылесос в его комнату левой рукой, что было неудобно и непривычно, правой Пэм поддерживала шланг. Рука не болела, она просто немного затекла. Завтра и следа не останется.

Джек не хотел причинить ей боль, конечно, нет. Его просто немного занесло, он просто не так все понял, вот и все. Вспомни, каким виноватым он выглядел, когда появились синяки, причем появились так быстро. Никогда не подумаешь, что такие синяки могут появиться от того, что он ее просто крепко схватил. Он так нежно потом держал ее руку и целовал каждое пятнышко. Так мило, он иногда был очень милым.

Просто он слишком сильно любил ее.

Думая об этом сейчас, Пэм могла понять, почему он так расстроился, могла представить, как он воспринял то, что симпатичный мужчина подвез его жену из магазина домой, шутил и смеялся, когда нес ее сумки к входной двери. И сумки-то не были очень тяжелыми - Пэм легко могла донести их сама.

Идя по дорожке обратно к машине, он крикнул: «До встречи, Пэм», да так, что все его слышали, а потом уехал. Это может расстроить любого мужа, разве нет?

Джек не слушал, когда Пэм сказала:

- Но это же Шон. Он живет по соседству с Мэй, он гей.

Он не слушал, а только крепко сжимал ее руку, его лицо было напряжено, а потом Пэм тихо сказала:

- Джек, пожалуйста, мне больно.

Он не ослабил хватку. Он изучающе смотрел на ее лицо.

- Ты с ним близко знакома?

Пэм осторожно покачала головой.

- Я едва его знаю. Однажды случайно увидела, как он выходил из дверей соседнего дома, когда я была у Мэй, вот и все.

- Но тогда откуда тебе известно, что он педик?

Его лицо выражало недоверие.

Пэм посмотрела прямо на него.

- Что? - Ее пальцы уже болели. - Пожалуйста, Джек...

- Откуда ты знаешь, что он гомосексуалист, - его рот скривился, когда он произнес это слово, - если ты видела его только однажды, когда он выходил из двери соседнего дома? Он вовсе не похож на гея.

Пэм сморщилась.

- Пожалуйста, любимый... Наверное, Мэй как-то об этом обмолвилась, я не помню...

Ни в коем случае сейчас нельзя было признаться, что она частенько болтала с Шоном через забор, когда выбрасывала мусор или вешала белье. Джеку это бы очень не понравилось.

- Значит, ты ее спросила. Тебе понравилась его внешность, и ты стала о нем расспрашивать. - Он резко дернул ее руку, и Пэм закусил губу. - Так?

- Пожалуйста, Джек, пожалуйста... ты скандалишь на пустом месте.

- На пустом месте? Моя жена шутит и смеется с каким-то типом, вылитым Бредом Питтом, и это называется «на пустом месте»?

Если бы кто-нибудь другой сравнил Шона с Бредом Питтом, Пэм рассмеялась бы.

- Джек, Шон - гей, я клянусь. Он живет со своим парнем, Бернардом. Я встретила Шона в супермаркете, и он предложил мне помощь, потому что собирался дождь...

Джек выглянул в окно.

- По мне, так погода хорошая.

Но он наконец отпустил ее руку, Пэм закатала рукав и увидела красные следы, которые оставили его пальцы, осторожно потрогала их и почувствовала боль.

Произошло то, чего она так боялась. То, что однажды должно было произойти.

Джек смотрел на нее, не меняя выражения лица.

- Я не хочу, чтобы ты принимала помощь от мужчин, ясно?

Пэм, взглянув на него, поняла, что он примет только один ответ, и дала ему именно этот ответ:

- Хорошо, я не буду.

Никакой помощи от мужчин. Никаких топиков или платьев с декольте. Никаких вечеринок или походов в пабы с подружками. Макияж можно только тогда, когда она выходит куда-то вместе с Джеком. Список запретов становился все длиннее.

Потом она отошла от него и прошла через кухню, обставленную дизайнерской мебелью, которую он купил ей прошлым летом. К тому моменту, когда подошло время вынимать из духовки фирмы Стенли пирог с ветчиной и яйцами, на руке проявился ряд сероватых отметин, и Джек изменился до неузнаваемости.

Он вошел на кухню, неся джин с тоником, которые с робкой улыбкой протянул Пэм.

- Прости меня, дорогая, я знаю, что иногда перегибаю палку, просто я так боюсь тебя потерять.

Он открыл стальную дверцу большого холодильника, достал баночку «Гиннеса» и наполнил один из тех хрустальных бокалов, которые они купили во время январской распродажи.

Джек посмотрел на Пэм поверх дверцы, ожидая, когда осядет пена.

- Ты в порядке?

Когда Пэм ничего не ответила, он поставил стакан на столешницу и взял ее руку, произнеся: «Шшшш». Пэм вздрогнула и попыталась отодвинуться. Джек аккуратно приподнял ее рукав и покачал головой, когда увидел синяки.

- Господи, прости меня.

Джек прикоснулся губами к ее руке и начал целовать каждый синяк, при этом глядя большим пальцем ее запястье. Потом он поднял голову, и Пэм увидела слезы у него в глазах.

- Я чудовище. Ты сможешь простить меня?

- Да, - сказала она, повторив все предыдущие «да», сказанные ею ранее. «Да, я прощаю тебя за то, что ты настоял на том, чтобы мы ушли из ресторана, в котором отмечали нашу годовщину, потому что тебе показалось, что я смотрела на какого-то мужчину в другом конце зала. Я прощаю тебя за то, что ты не впустил меня в дом, когда я поздно вернулась после похода в кино с Кармел. Я прощаю тебя за то, что ты бросил в меня бутылку пива, когда я начала с тобой спорить по поводу помады. Я прощаю тебя за то, что ты сжег мой любимый топ, так как, по твоему мнению, он выглядел вызывающе. Да, я прощаю тебя за то, что ты поставил на мне клеймо своими пальцами. Я прощаю тебя. Я тебя прощаю».

Пэм поставила пылесос на место и спустилась вниз, чтобы убрать со стола, со страхом пытаясь вспомнить, что ей нужно было купить по пути домой.

Сегодня Марджори выглядела такой уставшей и измученной - эти темные круги под глазами. Никогда не подумаешь, что ей всего сорок семь.

Мэй помнила истории, на ходу придуманные Марджори и рассказанные ей и мальчишкам, когда Марджори была их няней, истории про поющих свинок и фиолетовых слонов. Она помнила песни, которые Марджори мгновенно сочиняла, и танцы с играми, которые она придумывала.

Она была такой жизнерадостной, когда встретила с Эйдин в клубе любителей горных прогулок, в тот момент Эйдин, беременная Уильямом, искала себе помощницу для присмотра за четырехлетней Мэй и двухлетним Каталом.

Марджори была одной из первых, кто позвонил Мэй, когда та оказалась в одиночестве. «Я встретила на улице твою маму, она мне рассказала про тебя, и я хочу спросить, не могла бы ты помочь мне как-нибудь с уборкой - если мы будем все делать вместе, это займет пару часов».

Так они договорились, что Мэй придет к Марджори в ближайший выходной день. Состояние ужасной запущенности и убогости, в котором находился маленький домик Марджори, шокировало Мэй. Она старалась не выдать своего ужаса, когда Марджори показывала ей маленькие, тесные комнатки и темный, узкий холл. Воздух был спертым, как будто окна в этом доме открывали очень редко, и Мэй почувствовала запах лука и грязных носков.

Марджори не могла скрыть своего смущения. «Боюсь, я все тут немного подзапустила, Мэй. Дом нуждается в том, чтобы его хорошенько оттерли, а у меня нет возможности этим заняться. Но, я думаю, если сегодня мы сможем справиться с самой сложной частью, потом мне будет проще поддерживать дом в приличном состоянии».

Казалось, она живет одна. Не было никакого намека на то, что в доме жил кто-то еще, пока они не подошли к закрытой двери на втором этаже.

«Это комната Джуди - она нас не впустит, поэтому мы можем не обращать на эту

комнату внимания». Марджори говорила шепотом, и Мэй, идя за ней по лестничной площадке, задумалась о том, почему дочь Марджори никак не помогает матери по хозяйству.

Три часа они чистили, драили и терли, и в итоге маленький домик стал выглядеть и пахнуть значительно лучше. Пол и окна сияли, кухня была вымыта и приведена в порядок, старая ванна блестела, даже выдавшая виды мебель, которую Мэй протерла и отполировала, стала выглядеть чуть менее убого.

И за все эти три часа ни одного звука из-за закрытой двери и ни одного признака присутствия дочери Марджори.

За чаем, на котором настояла Марджори, Мэй узнала, что Джуди так и не устроилась на работу, больше двух лет назад окончив среднюю школу.

- Я переживаю за нее, Мэй, у нее нет никаких целей. Она почти весь день проводит в кровати, она до ужина не выходит из комнаты, а потом, вечером, идет гулять со своим парнем Кэтлингом и еще бог знает с кем и возвращается под утро.

Слушая рассказ няни, видя ее обеспокоенное лицо, Мэй испытывала огромную жалость к Марджори и свою полную беспомощность. Ну что она могла сделать? Что она могла предложить Марджори? Мэй с радостью убирала бы здесь регулярно, приходила хотя бы на час или на два, но она понимала, что с деньгами здесь туго, и была уверена, что если предложит свою помощь бесплатно или по более низким расценкам, то только смутит Марджори.

Но Мэй могла просто заходить в гости и слушать. Возможно, присутствие кого-то, с кем можно поделиться своими переживаниями, как-то поможет Марджори. Поэтому после своего первого визита Мэй взяла за правило раз или два в месяц заходить к Марджори, и та ей всегда очень радовалась.

Когда Мэй приходила, Джуд часто оказывалась дома, но встречались они редко - дверь комнаты Джуд оставалась плотно закрытой, иногда оттуда грохотала музыка.

И каждый раз Мэй, сидя за ветхим кухонным столом напротив женщины, которая пела ей колыбельные после приснившегося кошмара или учила песенке «Мой милый живет за океаном», узнавала о жизни Марджори все больше.

Марджори Грейс стала няней для детей О'Каллахан, будучи восемнадцатилетней, и проработала у них восемь лет, до тех пор, пока не познакомилась с Тони О'Ди - мужчиной, за которого через два года вышла замуж, находясь в интересном положении. Мужчиной, который сбежал, когда Джуди было всего восемь месяцев. Он прихватил из ночного клуба, где работал вышибалой, выручку и женщину, с которой там познакомился. Марджори осталась без гроша в кармане и без работы - в свое время Тони настоял на том, чтобы она бросила работу, так как нужно было растить Джуд и ухаживать за ним. Но спустя несколько недель после его исчезновения она нашла работу в большом супермаркете рядом с домом, где и работала по сей день, шесть дней в неделю, зарабатывая на жизнь для себя и Джуд.

Когда Мэй поделилась историей Марджори со своей мамой, Эйдин сказала, что она в курсе того, что произошло.

- В течение нескольких лет то тут, то там до меня долетали сплетни, но я не чувствовала себя вправе это обсуждать.

Мэй покачала головой.

- Бедная Марджори, ей пришлось нелегко. А ее дочь, кажется, просто пустое место.

- Я слышала разговоры о ней - похоже, она связалась с какими-то отморозками. Представляю, как это беспокоит Марджори.

Когда Эйдин скончалась, Марджори зашла к Мэй домой. Она принесла пакет с яблоками и апельсинами и успокаивала Мэй, убаюкивая ее так, как будто той снова было восемь и она плакала после стычки с одним из братьев.

Сегодня Марджори выглядела более уставшей и более утомленной, чем обычно, и Мэй снова захотелось что-нибудь сделать для нее.

- Итак. - Марджори подняла чайник и наполнила до краев две чашки. - Появился ли какой-нибудь приятный джентльмен за последнюю неделю?

Мэй подняла чашку и улыбнулась. *«Вы навели здесь красоту»*.

Нет, она не будет рассказывать про почтальона.

- Нет, никого. Я собираюсь уйти в монастырь, если меня, конечно, возьмут.

Марджори пододвинула к Мэй блюдо с печеньем.

- Даже и не мечтай. Ты слишком красивая. Мужчинам нужно проверить зрение.

Открылась дверь на кухню, и появилась голова Джуди.

- Когда ужин? - Она взглянула на свою мать, совершенно не обращая внимание на Мэй. Одна сторона ее носа была проколота и украшена золотой штангой, губы были темно-фиолетовыми, а каштановые волосы выглядели невымытыми.

Марджори спокойно посмотрела на нее.

- Через полчаса, доченька. Попей с нами чаю.

Но Джуд уже скрылась из виду.

- Нет, спасибо.

Хлопнула дверь, и Мэй услышала, как Джуд поднимается по лестнице. Марджори пожала плечами, и Мэй подумала, что, наверное, есть вещи и похуже, чем жизнь со старым ворчуном.

Она захлопнула ноутбук, дождавшись, пока погаснет экран. Затем взяла кипу листов, лежащих рядом с компьютером, и сложила их в аккуратную стопку. Краем глаза она заметила какое-то движение за окном, это был Бернارد, который отпирал ворота; он возвращался домой к своему прекрасному бойфренду, неся в руках оранжевые цветы, но Франческа не смогла разглядеть, какие именно.

Она положила стопку бумаг обратно на стол и прошла по комнате, направляясь к своему коврику для йоги, чтобы восстановить душевные силы, израсходованные за день. Она расстегнула пуговицы своего темно-фиолетового кашемирового кардигана, сняла его и бросила на полосатый матрас. Расстегнула молнию красной шерстяной юбки и стянула ее, та свалилась на пол, образовав бесформенную пирамиду вокруг ног Франчески. Шагнув за пределы этой пирамиды, Франческа подняла юбку и положила ее рядом с кардиганом. Затем сняла черные туфли, за ними последовали чулки и оставшаяся часть нижнего белья, после чего Франческа легла на коврик. Забавно, снять с себя всю одежду - это так просто, но это дает ощущение такой свободы.

Франческа закрыла глаза и начала глубоко дышать, представляя горячее солнце Италии, аромат базилика и жасмина, мягкие прикосновения волн Адриатического моря, теплый песок между пальчиками ног. Она медленно подняла руки над головой и полностью вытянулась, делая глубокие вдохи, чувствуя, как тянутся пальцы, руки, плечи, ребра, живот, бедра, ноги, лодыжки, пальцы ног, кости и оживают мышцы всего тела.

Франческа продолжала тянуться и три раза вздохнула медленно и глубоко. Затем расслабилась, перевернулась, оперлась на колени и медленно встала, чтобы принять позу «Приветствие солнцу».

Сорок пять минут спустя, свежая после душа и благоухающая, облаченная в зелено-розовое шелковое кимоно, Франческа вошла на кухню. Лючия за столом рисовала картинку, а Мариетта резала приятно пахнущий лук. Пучок тимьяна лежал на столешнице, рядом с ним - кусочки курицы, чеснок уже шипел на сковородке.

Увидев Франческу, Лючия бросила фломастер, схватила что-то, висящее на цепочке, и вытянула руку. «Посмотри, мама, что я нашла».

Франческа поднесла ладонь под маленькую ракушку и приподняла ее, чтобы лучше рассмотреть.

- Симпатичная.

Не больше, чем ноготок у ребенка, полупрозрачная розовая ракушка, без видимых недостатков, если не считать отверстия, в которое была вдеа цепочка.

- Где ты это нашла?

Лючия махнула рукой в сторону фасада.

- На улице, там. Можно я оставлю ее себе?

Франческа пожала плечами.

- Думаю, можно, мы же не знаем, кто ее потерял.

- Спасибо, мама. - Лючия захлопала в ладошки. - Я подарю ее мисс Гэннон.

Франческа отвернулась, чтобы скрыть свое недовольство. Мисс Гэннон то, мисс Гэннон се. Похоже, учительница Лючии все делала исключительно правильно. *«Мисс Гэннон говорит, что нужно чистить зубы вверх-вниз. Мисс Гэннон говорит, что черный хлеб полезнее белого. Мисс Гэннон рисует на доске чудесные рисунки. Мисс Гэннон может быстро-быстро назвать все буквы алфавита задом наперед. Мисс Гэннон смешная, когда рассказывает истории».*

И каждый день что-то новое. *«Мисс Гэннон рассердилась на Робби за то, что он разрисовал свою книжку. Мисс Гэннон подстригла волосы, и они стали золотиться. У мисс Гэннон дома нет детей, поэтому мы ее дети понарошку. Мисс Гэннон принесла нам булочки, которые сама испекла, а сверху посыпала желтым и оранжевым».*

Почти всегда Лючию в школу отвозил Пол, когда ехал на работу, но Франческа тоже несколько раз в течение года встречалась с Кармел. Невзрачное лицо, короткие рыжеватые волосы с неудачно выкрашенными в медный цвет отдельными прядями и мальчишеская фигура, никакого намека на женственные округлости. Плоская грудь, худые бедра, тощий зад.

Франческа гордилась своей пышной, упругой грудью и роскошными бедрами. Ей нравилось, как они, плотно обтянутые юбкой, которая подчеркивала все линии и округлости, покачивались при ходьбе. Она получала наслаждение от того, что чувствовала взгляды мужчин, обращенные на ее аппетитное тело, ей нравилось, как они сначала смотрели на ее лицо, а потом опускали взгляд ниже, следуя за плавными линиями туда, где начинался вырез кардигана и взору открывалась нежная, как атлас, кожа. Франческа знала, что они будут продолжать смотреть ей вслед, когда она пройдет мимо.

Похоже, учительница Лючии не была замужем: иначе зачем использовать в ее адрес обращение мисс? Тогда она вполне может оказаться лесбиянкой. Но это не то, о чем принято спрашивать учительницу своей дочери - и в любом случае Кармел Гэннон меньше всего интересовала Франческу. Она была вне интересов Франчески. Пусть Пол продолжает заниматься этим; он выглядел вполне довольным, отвозя Лючию в школу, и, безусловно, не был единственным представителем мужского рода, который с учетом современных реалий появлялся в классной комнате начальной школы.

Франческа почувствовала, что ее дергают за рукав.

- Мама, посмотри, это мальчик, который кричал: «Волк!», а это все его овечки...

Франческа склонилась над рисунком Лючии, а Мариетта в это время посыпала курицу и овощи, которые лежали в кастрюле, тимьяном. И вот это все - темные, блестящие, спадающие на стол волосы Франчески, ее гладкая, украшенная браслетом рука, обнимающая плечи Лючии, пока девочка болтала и показывала ей картинку, Мариетта,

возвышающаяся над плитой, дразнящий аромат трав и жареного чеснока, теплая кухня – все это ожидало Пола, когда он вошел в дом.

И за мгновение до того, как Франческа подняла голову и заметила его, до того, как Лючия сползла вниз со стула и помчалась к нему, он задался вопросом, почему всего этого ему недостаточно.

«Проклятие». Она не могла потеряться. Должно быть, она просто запуталась где-то в складках одежды. Мэй стянула с себя свитер и потрясла его, тщательно прощупав каждый рукав. Стоя на корточках, уткнувшись лицом в ковер, она обшарила весь пол. Потом сняла с себя белую футболку и встряхнула. Не может быть, чтобы ракушка потерялась. Расстегнула молнию на джинсах, Мэй сняла их и снова все встряхнула. Ключ от входной двери Кармел выпал из кармана джинсов и приземлился на ковер, издав еле слышный стук.

Мэй сидела на полу, а вокруг нее была разбросана одежда. Ракушка пропала, она действительно потерялась. Как Мэй могла ее потерять? Она не могла потеряться.

Мэй на коленях подползла к туалетному столику, выдвинула верхний ящик, пошарила под сложенными там джемперами и достала конверт. Совершенно обычный конверт, белый, на котором было написано только ее имя.

Было написано «Мэй». Хотя, когда она взглянула на конверт в первый раз, ей показалось, что было написано «Мея», так как почерк был неразборчив. Казалось, что отправитель – кто он? – очень торопился или очень волновался.

Она обнаружила конверт там, на полу прихожей, сразу за входной дверью, он лежал и ждал ее возвращения домой одним холодным февральским днем. Она почти наступила на него, практически поставила на него свой ботинок. Наклонилась, подняла, перевернула и прочла: «Мея».

Внутри объемного конверта вместо письма или записки она нашла пузырчатую пленку, замотанную в маленький комочек, под ней оказалась свернутая в несколько слоев салфетка, заклеенная скотчем. Очень легкая, почти невесомая. Было ли там что-то внутри? Или это шутка, кто-то пошутил, отправив ей свернутую салфетку? Но вдруг Мэй почувствовала что-то плотное, какую-то неровность. Там, внутри, что-то *было*. Мэй оторвала скотч и медленно развернула в руке салфетку, в самом центре которой и обнаружила ракушку.

Маленькая. Без изъянов. Висящая на милой золотой цепочке. Прекрасная, хрупкая, жемчужно-розовая ракушка на цепочке – и больше ничего. Ничего, что бы дало понять, кто отправитель. Ни какого-нибудь сообщения, ничего, кроме ее имени на конверте. *Мэй. Мея.*

И никакого почтового штампа. Кем бы он ни был, он пришел сюда сам. Прошел по дорожке, поднял крышку почтового ящика и бросил конверт.

Мея – эта необычная версия ее имени ей нравилась.

Это не могло быть подарком на день рождения – до него оставался почти месяц. И в любом случае ни Катал, ни Уильям не будут дарить ей ничего анонимно. Да и вряд ли ее братья или их жены подарят ей ракушку. Их подарки всегда были более практичными, например, что-нибудь для работы в саду: тележка, сеялка, решетка; либо что-нибудь для дома (после того, как Мэй его купила).

В тот год, когда она в третий раз провалила экзамен по вождению, окончательно отказалась от этой затеи и купила подержанный велосипед, Катал подарил ей велосипедный шлем и набор для ремонта шин. В прошлом году Уильям прислал ей подарочный сертификат местного магазина, торговавшего красками.

А отец на ее прошлый день рождения, уже после смерти мамы, подарил ей деньги. Именно Эйдin всегда выбирала для Мэй подарок от себя и отца – это мама много лет назад подарила ей на Рождество духи с ароматом зеленого яблока. И, сколько Мэй себя помнила, каждый раз текст на рождественском подарке «*Нашей дорогой и любимой Мэй*» был написан маминым округлым почерком.

Если бы Эйдин была жива, она могла бы подарить Мэй цепочку с ракушкой. Это был подарок из разряда тех, которые выбирают для самых любимых людей.

Но Эйдин умерла от рака полтора года назад, а из остальных, о ком могла подумать Мэй, никто не стал бы присылать ей просто так, без повода это прекрасное украшение.

И лишь несколько дней спустя, когда она совершенно для других целей сверялась с календарем, выяснилось, что украшение-то она получила 14 февраля, в День святого Валентина.

Когда Мэй показала украшение своей лучшей подруге, Ребекка задалась вопросом, почему никогда ничего подобного не происходило с ней.

- За всю свою жизнь я получила две валентинки, одну - от мамы, а вторую - от этого ублюдка, за десять дней до того, как он сбежал. Причем на валентинке был наклеен ценник, а мое имя было написано неправильно, с одной буквой «к». Очень романтично.

Ребекка Донеган забеременела семнадцать лет назад, в возрасте шестнадцати с половиной. Через неделю после того, как она сообщила радостную новость своему бойфренду, Деклану Гэйгену, с которым встречалась уже шесть месяцев, а жила по соседству всю жизнь, тот собрал свои вещи и первым же самолетом улетел в Англию. Когда Ребекка поняла, что он сбежал, она постучала в дверь его родителей и все им рассказала, но его мать обозвала Ребекку лгуньей и захлопнула перед ее лицом дверь.

Четыре месяца спустя, когда Ребекка получила школьный аттестат, к ней домой пришла убитая горем Пэтси Гэйген, которая сообщила, что Деклан наконец признался в своем отцовстве. И поэтому, сказала Пэтси, она и ее муж хотели бы участвовать в жизни внука и просят Ребекку их простить, если она сможет.

Она смогла. Когда через восемь недель родился Брайан, такой маленький, розовенький и абсолютно лысый, он стал центром вселенной для своих двух бабушек и двух дедушек.

- Мне даже не дают на него взглянуть, - жаловалась Ребекка своей подруге, - за исключением ночного сна.

Мэй не испытывала никакого сочувствия.

- Их можно понять. Он для каждого из них первый внук, а первых внуков всегда балуют.

Ребекка усмехнулась.

- Ты такая же, как и они. Тоже возишься с ним все время. Мне не нужно было предлагать тебя в крестные.

На самом деле она пережила период бессонных ночей и видела Брайана достаточно, чтобы позаботиться о его здоровье и правильном воспитании; когда он пошел в школу, она решила получить профессию, которая нравилась ее отцу и пугала мать.

Ребекка была лучшей подругой Мэй уже почти тридцать лет, с тех пор, как они познакомились в младшем классе монастырской школы Килпатрика. Ребекка была крупной и некрасивой, черты ее покрытого веснушками лица - грубыми, а тонкие светлые волосы не желали ни быть прямыми, ни виться как следует, плюс ко всему у нее были кривые зубы, которые она никогда не пробовала исправить. Деклан был первым бойфрендом Ребекки, после него было еще два потенциальных ухажера, но никто из них не задержался, узнав о существовании Брайана.

Однако Ребекка Донеган была боец. Какую бы неприятность ни насылала на нее судьба, Ребекке как-то удавалось смотреть вперед, находить свой путь и двигаться дальше. Она напоминала Мэй детские пластмассовые игрушки-неваляшки, с круглой утяжеленной нижней частью, благодаря которой они принимали вертикальное положение каждый раз, когда их толкали в сторону.

Вот Ребекка и была такой неваляшкой - в школе не обращала внимание на задир, которые дразнили ее из-за зубов, спокойно пережила свою беременность и лишь однажды, когда Деклан сбежал, плакала на плече у Мэй. Справилась Ребекка и с тем, что в течение долгих месяцев мать Деклана при виде нее демонстративно переходила на

другую сторону улицы.

И если Мэй оказывалась в беде, Ребекка всегда была рядом. Когда Мэй в третий раз провалила экзамен по вождению, Ребекка заявила с двумя бутылками каберне совиньон, и на середине второй бутылки они уже подсчитывали, сколько денег сэкономит Мэй в течение каждого «безмашинного» года. А на следующий день, когда похмелье отступило, они отправились за покупкой подержанного велосипеда.

Когда Мэй после разрыва с Джерри Сканлоном рыдала и говорила, что больше никогда в жизни не посмотрит на другого мужчину, Ребекка снова была рядом с ней, держала ее за руку и подтверждала, что, конечно же, все без исключения мужчины сволочи. Когда умерла Эйдин, Ребекка была с Мэй повсюду, отвечала на звонки, готовила сэндвичи, бегала в магазин за молоком.

И, конечно же, в радостные минуты она тоже была рядом – и искренне восхищалась, когда Мэй показала ей свое украшение.

– Ну у тебя должно быть хоть какое-то предположение, кто мог это прислать. – Ребекка держала цепочку и смотрела, как медленно вращалась висящая на ней ракушка. – Ты должна была понять, кто положил на тебя глаз.

Но Мэй лишь покачала головой.

– Честно, я понятия не имею. А если бы имела, ты бы уже все знала, ты умеешь вытягивать информацию из людей.

– Ну они сами мне все рассказывают. – Ребекка кивнула. – Это же еще круче – нам нужно выяснить, кто отправитель. Покажи еще раз конверт, а я применю свои блестящие способности в дедукции. – Она уставилась на три буквы, написанные на конверте. – Писал тот, кто пользуется дешевой шариковой ручкой.

Мэй засмеялась.

– Отличная работа – это нам очень поможет. – Она забрала у Ребекки цепочку и аккуратно взяла ракушку большим и указательным пальцами. – Кто-то, у кого дешевая шариковая ручка и прекрасный вкус.

Ракушка была прекрасна, и теперь она исчезла. Она, наверное, соскользнула с ее шеи в течение дня. Но Мэй ее найдет. Возможно, ее уже нашли. Утром Мэй заглянет к Полу – не стоит беспокоить его сейчас, а потом она заглянет в дом, где мыла окна, а потом, завтра вечером, по пути домой зайдет к Марджори.

Мэй сняла с крючка свой домашний халат, просунула руки в рукава и вышла, чтобы принять душ.

Он наклонил банку и вылил остатки «Гиннеса» в стакан, наблюдая за водоворотом из светло-коричневой жидкости, который постепенно замедлял темп и становился более темным. Пэдди наслаждался этими минутами – основная часть дня уже завершена, ужин на подходе, а после выпитого пива голодный желудок издает негромкое приятное урчание.

Пэдди достал из холодильника креветки и положил их на плиту; голос Кэтрин Дон Ланг доносился из CD-плеера и почти что заглушал звуки работающего у мистера Кеннеди телевизора. Сегодня не было слышно никаких выстрелов или криков, лишь спокойные голоса. Наверное, передача о природе или что-то посерьезнее, вроде шоу-викторины.

Сегодня Мэй, из-за дождя розовощекая и с капельками воды на лице, была похожа на маленькую девочку, завернутую в огромный дождевик.

Пэдди собирался бросить креветки на сковороду, но услышал, как кто-то колотит по входной двери.

– Это я.

Он выключил плиту и направился в прихожую.

- Подожди.

Светло-коричневые волосы Изольды были убраны в небрежный пучок и перевязаны чем-то, что Пэдди принял за красный носок. На ней была длинная темно-зеленая юбка и голубой кружевной кардиган, под которым виднелось что-то вызывающе-розовое, а на ногах красовались тряпичные ботинки. Вкус у его сестры был очень оригинальным.

- Просто заскочила проведать тебя. - Она прошла мимо него напрямиком на кухню. - Мммм, что готовишь?

Пэдди включил плиту и встряхнул сковороду.

- Да так, небольшая за жарка. - Он бросил на сковороду креветки, и они громко зашипели. - Думаю, ты не откажешься от бокала вина?

- Ха-ха. - Изольда открыла холодильник и заглянула внутрь. - Отлично, тут как раз есть начатое. - Она достала наполовину опустошенную бутылку. - Как ты выносишь этот непрекращающийся вой телевизора? - Изольда начала доставать пробку, и та скрипнула. - Он что, никогда его не выключает?

- Иногда. Меня это не напрягает.

Мистер Кеннеди был почти глухим стариком-пенсионером. При встрече с Пэдди он всегда неуверенно улыбался, как будто бы видел знакомое лицо, но никак не мог вспомнить, где они раньше встречались, а когда разговаривал, то орал так, будто глухим был Пэдди.

Пэдди привык к постоянным звукам телевизора, доносящимся из соседней квартиры, - иногда он им даже радовался, так как они напоминали, что через стену живет другая живая душа. О том, как звали мистера Кеннеди, Пэдди не имел ни малейшего представления.

Он поднял створку полки над головой и вручил Изольде бокал.

- Так. - Она зевнула, наполняя бокал. - Господи, я разваливаюсь на части. Твое здоровье. - Она подняла бокал и сделала большой глоток. - Мммм, хорошее вино. Напомни еще раз, сколько дней осталось до праздников?

- Четыре. - Пэдди улыбнулся, добавив немного кисло-сладкого соуса, из-за чего в сковородке все снова громко зашипело. - Тебя хватит? - Он поднял стакан с «Гиннесом» и отхлебнул.

- С трудом. Не знаю, пойду ли в четверг на вечеринку в честь завершения учебного года - не уверена, что останутся силы. - Изольда застонала, что-то вспомнив. - О господи, мне же еще в четверг к стоматологу. - Она сделала еще один глоток. - Ненавижу стоматологов.

Пэдди постарался принять сочувствующий вид.

- Бедная Иззи. Поход к стоматологу после такого долгого и трудного рабочего дня. - Он накрыл рис крышкой и снял его с плиты. - Что на этот раз? Опять целых три с половиной часа?

- Не начинай. - Изольда взболтала свой бокал и теперь наблюдала, как вино стекает вниз по стенкам. - Хотелось бы мне, чтобы ты денек проработал в классе. Очень скоро ты бы сбежал обратно к своей дурацкой работе. - Пока Пэдди промывал рис, она заглянула внутрь скворчащей сковородки. - Ммм, пахнет просто божественно.

- Может, останешься?

Изольда покачала головой.

- Благодарю, но я только что положила в духовку очень питательную замороженную пиццу. Своей готовкой ты застыдил меня окончательно.

Пэдди достал тарелку с нагретой полки над плитой и положил на нее рис.

- Это намного проще, чем ты думаешь.

- Ты постоянно это говоришь. - Изольда разглядывала его, смотря поверх своего бокала. - Когда же ты собираешься осчастливить какую-нибудь везучую женщину? Я не имею в виду осчастливить в спальне, так как ничего не знаю о твоих способностях в этом вопросе.

Пэдди усмехнулся и только успел открыть рот, как она спешно добавила:

- И у меня нет никакого желания об этом знать, старший братец.

Пэдди положил немного креветок поверх риса. Ему часто хотелось рассказать Изольде о своих чувствах к Мэй. Ему было интересно посмотреть на реакцию сестры.

- Серьезно, ты потрясающе готовишь. - Изольда подцепила из сковородки креветку и принялась жевать. - Умм. И к тому же ты неплохой человек. И стоишь тут, тридцатипятилетний и одинокий. Сколько прошло времени после твоего расставания с Хлое - год? - Изольда задумалась. - Пстой, даже больше - почти полтора. И ты продолжаешь жить отшельником.

Пэдди улыбнулся.

- Ты тоже пока не остепенилась.

- Пока нет, но я еще молода, и потом, я выхожу в люди гораздо чаще тебя. И у меня иногда случаются приятные моменты. - Изольда залпом допила то, что оставалось в бокале, затем изобразила отрыжку, ставя бокал в раковину. - Признак хороших манер на Ближнем Востоке или где там еще.

- Как мне повезло с младшей сестрой, она у меня настоящая леди.

- А еще живет через три дома и может присмотреть за своим старшим братцем. Все, мне пора. - Изольда обняла брата и потрепала по волосам. - Это так несправедливо, что старший брат - единственный в семье, кому достались светлые волосы. Сообщи, когда соберешься снова готовить такой ужин, только заранее.

На полпути к двери она развернулась, как будто ее осенило:

- Ой, кстати, мы тут собираемся в пятницу в китайский ресторан. Пойдешь с нами?

Пэдди посмотрел на нее с подозрением.

- Мы - это женская компания?

Она пожала плечами.

- Вообще-то будут только Триш и Кэт. И ты прекрасно знаешь, что Триш считает тебя милашкой.

Он улыбнулся и покачал головой.

- Извини, но в пятницу у меня неотложное дело. Закрой дверь, когда будешь уходить.

Изольда ушла, а Пэдди выглянул в окно. Мутное солнце уже садилось, небо было раскрашено в бледно-розовые и серо-синие тона. Завтра, может быть, распогодится. Он взял в руку вилку.

Ему нравилось готовить, нравилось экспериментировать с ароматами, находить удачные сочетания. Когда он жил вместе с Хлое, именно ему в основном приходилось готовить. Это было оправдано тем, что он возвращался домой раньше, но Пэдди подозревал, что, приходи он позже, ничего бы не поменялось. Хлое не интересовалась кулинарией, она считала бессмысленным тратить столько времени на приготовление того, что потом будет съедено так быстро. Однажды она ему сказала:

- Если бы я жила одна, меня бы полностью устраивала микроволновка. Максимум десять минут, и еда готова, для меня этого достаточно.

После этих слов Пэдди крепко схватил ее, зачерпнул ложкой немного томатного супа из кастрюли и поднес ложку к губам Хлое.

- Ты живешь не одна. Ты живешь со мной, и ты будешь есть нормальную еду, а не всякую дрянь из микроволновки. Теперь попробуй и скажи, не нужно ли добавить базилик.

- Решай сам.

Она подула на ложку и втянула содержимое в рот. Затем поцеловала Пэдди, и теплая жидкость оказалась у него во рту.

- Ммм. - Он проглотил и задумался. - Не могу понять. - Он облизал ее губы. - Может, попробуем еще разок?

А потом, спустя четыре года после знакомства, он решил сделать Хлое предложение и был так уверен, что она скажет «да», что отвез ее на выходные в Донегол, где снял коттедж на берегу реки. В первый вечер они поужинали в ресторане, но Пэдди решил дождаться второго вечера, сам приготовил свежельовленную скумбрию, обжарив ее на слабом огне, и открыл бутылку хорошего белого вина, которую тайком припрятал в холодильнике.

Хлое вернулась из ближайшего магазина и принесла мороженое «Магнум», которое предполагалось на десерт, и газету, чтобы почитать утром в кровати; они расположились за столом возле окна, Пэдди зажег свечу и разложил по тарелкам рыбу, кусочки печеного картофеля и мини-морковку. А потом, когда на столе остались недоеденный ужин и обертки от «Магнума», Пэдди достал маленькую бархатную коробочку и спросил Хлое, выйдет ли она за него замуж.

Она перевела взгляд с его лица на коробку. И даже не пошевелилась, чтобы взять ее.

- Это то, что я думаю?

Пэдди улыбнулся.

- Возможно.

Хлое продолжала сидеть, не прикасаясь к коробке. Тогда он открыл коробку и протянул ей.

- Если оно не такое, как ты хочешь, то мы можем его поменять. Я узнавал.

- Ах, Пэдди. - Хлое прикрыла рот рукой, потом убрала руку. - Зачем?

Он достал кольцо из белого золота, украшенное одиноким крупным бриллиантом, и потянулся к ее левой руке.

- Прекращай болтать, женщина, лучше надень его. Я знаю, что это твой размер - я измерил твое серебряное.

Но почему она не улыбалась?

Хлое отодвинула руку, не дав ему дотронуться.

- Подожди. Ты действительно... ты серьезно? Это не шутка?

- Шутка? Ты думаешь, это шутка? - Он почувствовал первый укол беспокойства. - Разве ты этого не хочешь?

Она молча смотрела на него.

Пэдди положил кольцо на стол, его начал сковывать страх.

- Хлое, уже почти четыре года. Мы не можем жить так вечно.

- Почему нет? - Она протянула руку, обхватила пальцами его запястье и крепко сжала. - Я думала, что мы счастливы. - Она посмотрела на кольцо, лежащее на столе и разделяющее их. - Я никогда... *Замужество* никогда не входило в мои планы. Я думала,

ты это знаешь, ты должен был это знать.

- Что ты имеешь в виду? Откуда я мог это знать? - Внутри он ощущал что-то леденяще-холодное. - Все женятся. Это нормально, когда любишь кого-то.

Она быстро затрясла головой, еще сильнее сжав его запястье.

- Пэдди, я действительно люблю тебя, ты это знаешь. Я просто не хочу... я терпеть не могу все эти свадебные штуки. Я никогда не представляла себе, что выхожу за кого-то замуж. Ты *знаешь* про моих родителей, как ужасно у них все...

- Но это же не значит...

- Послушай, разве у нас не все в порядке? Разве ты не будешь счастлив, если все останется так, как есть? - Она все еще сжимала его руку. Его пальцы уже были холодными.

Снаружи небо становилось все темнее. Внезапный порыв ветра дернул створку окна между ними. Пэдди аккуратно освободил запястье от рук Хлое, взял бутылку вина и собрался наполнить ее бокал. Когда она отказалась, покачав головой, Пэдди опустошил бутылку, вылив в свой бокал все, что там оставалось.

- Господи, помоги пережить этот момент. - Хлое поднесла руки к своему лицу и прижала ладони к щекам. Она глубоко вздохнула. - Прости меня, дорогой.

Пэдди поднял бокал и быстро осушил его. Вино оказалось кислым. Пэдди покачал головой.

- Ничего страшного. Это моя ошибка. Забудь. - Он убрал кольцо в коробку, захлопнул ее и положил обратно в карман.

Хлое посмотрела на него.

- Правда? Мы все еще вместе? Ты сможешь это забыть?

- Конечно, смогу.

Конечно, он не смог. Примерно месяц он притворялся, что все в порядке. Они продолжали жить как обычно - или просто так казалось тем, кто их знал. Продолжали вместе есть, вместе спать. Каждые выходные встречались с общими друзьями.

Но все изменилось. Все.

В один прекрасный день, спустя пять недель после поездки в Донегол, Пэдди вошел в кабинет своего начальника и, будто наблюдая со стороны, услышал, как объявляет о своем увольнении, а потом сообщил Хлое о решении уехать из Лимерика. Он собирался на какое-то время переехать в Килпатрик, где за два года до этого Изольда нашла работу учительницы. Она его поддержит, пока он будет решать, что делать дальше.

Хлое рыдала. Она умоляла его не уезжать. Говорила, что любит, что не может вынести и мысли о том, что будет жить без него. Говорила, что очень сожалеет о том, что случилось в Донеголе - при этом предусмотрительно не употребляла слова «брак» или «предложение», - но ей не под силу изменить себя. Она со слезами умоляла принять ее такой, какая она есть, и пусть все идет так, как идет.

А Пэдди слушал, и обнимал ее, пока она плакала, и чувствовал себя опустошенным при мысли, что никогда больше ее не увидит.

Отработав положенные две недели, он собрал вещи и съехал с их арендованной квартиры. В Килпатрике ему пришлось спать на диване в комнате Изольды - вторую комнату она сдавала, - пока удалось найти новую работу и новое жилье.

И с каждым днем ему становилось все легче удержаться от желания взять телефон и сказать Хлое, что он совершил ужасную ошибку.

Сначала он нашел работу, а потом, через неделю, и убогий домишко, который на протяжении четырех месяцев ему приходилось делить с двумя бухгалтерами, те

оставляли в раковине грязную посуду, а в холодильнике – пустые пакеты из-под молока. К тому моменту, когда дом по соседству с домом Изольды выставили на продажу, Пэдди окончательно решил остаться в Килпатрике. На оформление сделки ушло два месяца.

И с тех пор он жил здесь один. Он оберегал свое сердце, пытаясь всеми способами исцелить его. Держался на расстоянии от всех одиноких женщин, с которыми Изольда без усталости старалась его знакомить. Даже не смотрел на них. Даже не пробовал найти кого-то. До того момента, пока Изольда, сама не подозревая, не привела в его жизнь Мэй О'Каллахан, а случилось это восемь месяцев назад.

Он с удивлением слушал Изольду, которая пыталась обрисовать свой подарок на его тридцатипятилетие.

- Повтори, что она будет делать?

Изольда ткнула в сторону длинного и узкого прямоугольника, расположенного позади дома, поросшего непролазными сорняками и какими-то пожухлыми и желтеющими пучками непонятно чего, похожего на чьи-то жалкие попытки разбить лужайку, а может быть, таких попыток и не было вовсе, к которому Пэдди за все пять месяцев с момента переезда сюда ни разу не прикасался. Единственное, что сделал Пэдди, – это вбил в землю два столбика, между которыми протянул веревку для сушки одежды.

- Она собирается избавить тебя от этих джунглей. Я попросила ее все это расчистить, так что у тебя не останется оправданий, чтобы не посадить этой весной деревья.

Пэдди засмеялся.

- Я? Буду сажать деревья? Да ты шутишь, правда?

Изольда пожала плечами.

- Ну ладно, тогда тебе придется продлить ей работу и позволить сделать это за тебя. Я заплатила ей за месяц вперед, три часа в неделю, а после – решай сам. – Она снова выглянула в окно. – Вообще-то у меня не было выбора – ты позоришь своих соседей.

Личный садовник – эта идея его заинтриговала. Интересно, какая она, эта женщина? Он представил себе крупную, мужеподобную даму с соломенной шляпой на голове и добротными резиновыми сапогами на ногах, которая управляется с нагруженной тележкой так же легко, как другие женщины с детской коляской.

«Ее зовут Мэй О'Каллахан. Мне про нее в школе рассказала Кармел. Подруга Кармел помогает Мэй по дому, и, судя по всему, она очень востребована в нашей округе – я имею в виду Мэй. Похоже, что она умеет делать уйму всего. Нам повезло, что удалось с ней договориться».

Мэй О'Каллахан: имя звучало как перелив колокольчика.

- Ну и когда она приступает?

- Она будет приходить по четвергам с девяти до двенадцати. Если ты дашь мне ключ, я передам его Кармел.

Дом Пэдди был средним в ряду трех домов, соединенных общей террасой; Мэй придется пройти через весь дом, чтобы попасть на задний двор.

Так все и получилось. На следующее утро Пэдди разузнал, где живет Мэй О'Каллахан, а через два дня он впервые увидел ее, проезжающую мимо на велосипеде. Она поймала его взгляд и улыбнулась, и Пэдди быстренько изменил придуманный портрет своего подарка.

Она не была мужеподобной, как раз наоборот. На целых шесть дюймов ниже него, волосы цвета меда, глаза показались Пэдди зелеными, а нежный рот напомнил лук Купидона. Безразмерный желтый плащ скрыл от Пэдди ее фигуру, а хорошо поношенные рабочие ботинки смотрелись на ее ногах неуклюжими. Она напомнила ему маленькую девочку, которая для участия в школьной постановке вырядилась в одежду старшего брата.

Когда в следующий четверг он вернулся с работы домой, то обнаружил записку, которая была прислонена к чаше с фруктами:

«Привет, Пэдди, с днем рождения! Я надеюсь, тебе понравился подарок сестры и у тебя есть знакомые, у которых можно одолжить трейлер. Мэй».

Он прошел через дом в сад и обнаружил, что участок уже прилично расчищен, а у задней стены стояла батарея заполненных пластиковых пакетов. Должно быть, Мэй пришлось постараться.

По мере того как проходили недели, Пэдди начал замечать за собой странности. С приближением четверга, после которого следовала новая порция преобразений, с каждой случайной встречей с Мэй в течение недели – когда та или работала в чьем-то саду, или проезжала на своем синем велосипеде, или вечерами проходила мимо его дома, выгуливая различных собак, – он чувствовал, что внутри него все успокаивалось. Напряжение уходило, и он не мог объяснить причину. Впервые почти за год он почувствовал всплеск интереса к женщине, и этой женщиной была не Хлое. Образ Мэй начал посещать его в те моменты, когда он засыпал или когда пробуждался ото сна.

Наутро последнего, четвертого дня ее работы в саду, Пэдди оставил записку, так же прислонив ее к чаше с фруктами:

«Добрый день, Мэй, благодарю тебя за проделанную работу – ты смогла достичь значительных успехов. Могла бы ты и дальше приходить раз в неделю и делать то, что считаешь нужным, чтобы мой сад выглядел достойно? Я ничего не понимаю в растениях, поэтому буду рад предоставить тебе полную свободу действий. Покрою все понесенные в этой связи расходы, а также буду оплачивать работу по твоему текущему тарифу, если тебя устроит данное предложение».

Текст выглядел ужасно высокопарным и официальным, но это было лучшее, что он смог написать. Пэдди нацарапал внизу свое имя и принялся ждать ответа.

Она ответила так:

«Привет, Пэдди. Рада, что тебе понравился результат моей работы, хотя это только начало».

Господи, почему же его сердце так заколотилось?

«Я буду рада приходить к тебе по четвергам – тут еще много чего нужно расчистить. А через несколько недель погода начнет улучшаться, и мы сможем приступить к посадкам. Мы с тобой припозднились для посадки ранних растений, но есть еще много вариантов, чтобы украсить твой сад».

«Мы с тобой припозднились». Он уже давно не употреблял местоимение «мы». Он снова почувствовал это странное чувство легкости, представил ее лицо, представил, как она писала ему ответ, склонившись над листочком и время от времени убирая с лица прядь волос.

Когда наступил февраль и первые зеленые ростки пробились через взрыхленную почву, Пэдди понял, что пропал окончательно.

Когда она выходила из дома, зазвонил ее мобильный. Она плотно закрыла дверь и, спускаясь вниз по дорожке, нажала кнопку «Ответить».

– Это ты? Привет.

– Мне скучно. Ты чем занимаешься?

Мэй улыбнулась.

– Я направляюсь к соседям посплетничать и выпить по бокалу вина.

Ребекка громко вздохнула.

– О господи, хотелось бы мне тоже там оказаться, эти двое – главные сплетники. Ты в

чем?

- В своем голубом топе со шнуровкой по бокам и в белой юбке.

- Сойдет. А завтра вечером что делаешь?

Мэй задумалась, толкая калитку Бернарда.

- Иду в гости к тебе?

- Именно. И запомни все, что услышишь сегодня вечером, слово в слово. Брайан передает привет и напоминает о своем дне рождения на следующей неделе.

- Ма!

Мэй засмеялась, услышав возмущенный голос Брайана на заднем фоне.

- Передай ему, пусть не волнуется, я не забыла. Что бы я была за крестная, если бы забыла? - Она вдруг вспомнила. - О, представляешь, я потеряла свою цепочку с маленькой ракушкой.

- Что? Где ты ее видела в последний раз?

- Не помню. Я, как обычно, надела ее сегодня утром и заметила, что ее нет, совсем недавно, когда начала переодеваться, чтобы пойти в гости.

- Черт. Ты можешь заново посетить все места, где была сегодня?

- Смогу завтра утром. - Она дошла до двери и подняла руку, чтобы позвонить в звонок. - Ладно, я уже пришла. Встретимся в половине восьмого. Надеюсь, к этому времени я ее найду.

Когда она закончила разговор, в дверях появился Шон, а на руках у него возлежал Одинокий Джордж.

- Посмотри, кто к тебе пришел, Джордж.

Мэй улыбнулась и распростерла объятия.

А что же случилось с Пэм Трейси, которая сидит в одиннадцать двадцать ночи на краешке своей ванны и тихо плачет? И что это за белая кассета с голубым окошком, которая лежит на краю раковины? Неужели она не счастлива, что забеременела? Разве у нее нет комфортабельного дома и мужа, который постоянно уверяет, что любит ее, и разве они не зарабатывают достаточно, чтобы воспитывать двух или трех детей?

Что же с ней не так?

Пэм вытерла глаза клочком туалетной бумаги и крикнула «Минутку!» своему мужу, который уже начал спрашивать, что она так долго делает в ванной, почему не идет в кровать.

Она включила холодную воду и ополоснула лицо, взяла тест, коробочку и бумажку с инструкцией, положила это все в пластиковый пакет, в котором тест был доставлен, скрутила его и засунула в мусорное ведро, затолкнув вниз, спрятав под использованными салфетками, скомканными ватными дисками, втулками от туалетной бумаги, обрывками зубной нити и пустой бутылочкой из-под шампуня.

А потом Пэм пошла в кровать к своему мужу.

Вторник

В первой половине дня ясно, в районах Манстера и Лейнстера – солнечная погода. Фронт низкого давления движется с севера и к ночи достигнет всех областей. Температура 13-15 градусов.

Он забрался в свой фургон, когда Мэй вышла из дома, и, отъезжая, помахал ей. Бедная девочка, ей приходится выносить этого человека, который гоняет ее в ее же собственном доме – а еще он, как только переехал, потребовал, чтобы она избавилась от кота. Сказал, что, видите ли, боится об него споткнуться и упасть, а если он упадет и сломает шейку бедра, что она тогда будет чувствовать?

Когда Мэй рассказала все это Бернарду, когда она спросила, не возьмут ли они с Шоном Одинокого Джорджа себе, Бернард подумал, что будет не так уж и плохо, если Филип О'Каллахан действительно сломает себе шейку бедра – по крайней мере, Мэй сможет передохнуть за те пару недель, пока он будет лежать в больнице.

Хотя она, скорее всего, будет носиться как угорелая туда-сюда, чтобы почаще его навещать.

Естественно, они согласились взять себе Одинокого Джорджа. Они с Шоном обожали кошек, да и к тому же отказать Мэй было невозможно, она такая милая. Такая замечательная соседка, выносит их мусорный бак, когда они в отъезде, включает их уличное освещение, когда становится темно, поливает их цветы. Она была так приветлива с Шоном, когда тот переехал, в отличие от пары других соседей, которые предпочли просто игнорировать его. А отец Мэй, который перебрался сюда через пару месяцев после приезда Шона, оказался худшим из всех. Он бесстыдно пялился на них из окна своей спальни, а в те несколько раз, когда они случайно одновременно оказывались в саду, демонстративно отворачивался и смотрел в другую сторону.

Как Мэй хватало сил изо дня в день терпеть идиотизм этого старого дурака? Бегает вокруг него, по-дает ему то руку, то еду. Каждое утро – завтрак в постель, пока сама торопится на работу. Хорошо хоть, что у нее такие соседи, как Шон с Бернардом. Вчера они отлично посмеялись, пино гриджио сделало свое дело.

Вдобавок бедняжка Мэй была еще и одинока. Бедняжка Мэй и этот симпатичный почтальон до сих пор ни разу не сходили на свидание, вчера Шон предложил Мэй самой пригласить почтальона куда-нибудь, но она только засмеялась и покраснела.

– Ой, нет, я не могу. – Потом она потянулась к тарелке и взяла еще один треугольничек с кунжутном. – Лучше расскажите, как вы это приготовили, я передам рецепт Пэм и попрошу ее готовить такие вкусняшки хотя бы раз в неделю.

А Бернард, наблюдая, как сходит румянец с ее щек, задумался, что же такого произошло в жизни Мэй О'Каллахан, что она так боится открыть свое сердце.

Бернард миновал последний поворот и подъехал к цветочному магазину. Выключил двигатель, посмотрел на фасад магазина и произнес:

– Твою же мать.

Еще один визит правых экстремистов Килпатрика. На металлической защитной решетке большими черными буквами были написаны три слова: ГОЛУБОЙ, ПЕДИК и ГОМИК.

Так оригинально и без ошибок в правописании. По крайней мере, на этот раз они оставили в покое мусорные баки. Бернард глубоко вздохнул, вышел и резко захлопнул за собой дверцу фургона. Отпер решетку, поднял ее вверх, а затем вошел внутрь, чтобы взять ведро и бутылку с очистителем.

Никакого намека на украшение, ни позади дома, ни в садике перед домом, нигде. Она позвонила в звонок и стала ждать, через приличное время дверь открылась, и появилась новая помощница.

Мэй улыбнулась.

- Привет, я Мэй, живу через два дома отсюда. Я работаю в саду и была тут вчера. - Помощница внимательно смотрела на лицо Мэй, пока та говорила. - Я просто хотела бы узнать, не находил ли кто-нибудь тут вчера подвеску.

Помощница выглядела озадаченной:

- Подвеску?

Пальцем Мэй провела вокруг шеи, показывая, где висела цепочка.

- Маленькая ракушка на золотой цепочке. Я думаю, она могла соскочить, когда я здесь работала.

Помощница покачала головой.

- Мисс сейчас нет дома, простите. Мисс ушла. - Она начала медленно закрывать дверь. - Извините, зайдите позже.

Мэй сдалась - было ясно, что девушка ее совершенно не понимала. Но если бы Пол или Франческа что-нибудь нашли, они наверняка спросили бы Мэй, не она ли это потеряла. Ладно, поживем - увидим.

Тем временем она позвонила в дом, где вчера мыла окна. А еще она поищет подвеску вместе с Джоджо, собакой, которую выгуливает по вторникам.

Может, ракушка лежит где-то и ждет, пока Мэй ее найдет. Мэй развернулась к воротам, где стоял ее синий велосипед.

- Оно потрясающее. - Изольда пальцем дотронулась до цепочки. - Как думаешь, это настоящее золото?

- Да, тут есть проба, посмотри.

Изольда взглянула на маленькую застешку.

- Вау, вот это впечатляющий подарок. Должно быть, дорогой.

- Конечно. Это уже не соль для ванны, это уже совсем другой уровень.

Кармел прижала чайный пакетик к стенке своей чашки, потом взяла его за уголок и запустила через стол в мусорное ведро. Пакетик приземлился рядом со стеной, окрашенной в бежевый цвет, не долетев до ведерка сантиметров шесть. «Шмяк». Кармел даже не пошевелилась, чтобы его поднять.

Конечно, это Пол купил подвеску. Как это мило, что Лючия подарила ей цепочку с ракушкой в честь завершения учебного года. И ведь как придумал сделать так, чтобы Лючия случайно «нашла» подвеску и у Франчески не возникло никаких подозрений.

Кармел нужно подумать о том, как его отблагодарить в четверг вечером. От этой мысли у нее по коже побежали мурашки.

Изольда добавила молока себе в кофе.

- Тебе сегодня будут красить кухню?

Кармел отбросила свои мысли.

- Да, Мэй как раз сейчас должна этим заниматься. Она перекрашивает кухню в желтый цвет приятного глубокого оттенка, а в пятницу моя спальня будет покрашена в бледно-сиреневый.

- Мило. - Изольда подняла свою чашку. - Она все успевает, правда? Я имею в виду Мэй. Ты бы посмотрела, во что она превратила сад моего братца, на его фоне мой теперь просто позорище.

Кармел с удивлением взглянула на Изольду.

- Что? Я думала, ты заплатила ей только за месяц. Это же было сто лет назад.

- Ну да. - Изольда кивнула. - Но, когда он увидел, как она все преобразила, он решил ее оставить.

- А, понятно. - Кармел задумалась. - Может, между ними что-то завязалось?

Изольда засмеялась.

- Между Пэдди и Мэй? Нет, конечно, они даже ни разу не встречались - когда она приходит, он всегда на работе.

- Я удивлена, что ты не попробовала это как-то исправить. Разве ты не пытаешься пристроить своего брата?

- Ну нет. Я бы сказала, что Мэй совсем не в его вкусе. - Изольда многозначительно посмотрела на Кармел. - А как насчет тебя? Тебе бы не мешало иногда заходить ко мне в гости. А я сделаю так, что и он придет, и ничего не заподозрит.

В коридоре прозвонил звонок. В учительской началась привычная суэта, люди принялись собирать чашки и двигаться в сторону раковины.

- Ммм... да, пожалуй, я буду иногда заходить. - Кармел подняла чашку и допила чай, чувствуя, как лицо заливает румянец. Она никому не говорила о Поле, никому, кроме своей подруги Пэм, Кармел боялась, что все выйдет наружу.

Она, безусловно, и не собиралась рассказывать никому из учителей - Изольде еще куда ни шло, но Кармел четко понимала, как отреагируют остальные, особенно педагоги старшего возраста. Они категорически осудят учительницу, которая закрутила интрижку с отцом своего ученика, и неважно, с кем именно. Они даже могут решить, что необходимо обо всем сообщить директору - от этой мысли Кармел поежилась. Нет, безопасности ради лучше ничего не рассказывать. И потом, какое их дело, с кем она спит.

В этой связи и Изольда, и весь остальной педагогический состав младшей школы Килпатрика были озабочены тем, что Кармел Гэннон, девушке на выданье, просто необходима помощь в устройстве ее личной жизни и ей подойдет любой неженатый братец. Если бы они только знали! Она поставила свою чашку в раковину и проследовала за остальными к выходу, улыбаясь и теребя пальцем ракушку, которая висела у нее на шее.

Ну и что с того, что у нее роман с Полом? Они никому не причиняют вреда. Они оба взрослые люди, оба прекрасно знают, что делают. И если они будут вести себя осторожно, то их отношения могут продолжаться столько, сколько они захотят.

Она подошла к нестройной шеренге четырехлеток, которые ждали ее во дворе. Повеселимся в четверг. Маленькая учительница удивит Пола парочкой неожиданных трюков.

Держа порезанный палец под струей воды, она открыла стеклянную дверцу полки, висящей над раковиной. В тот момент, когда Мэй тянулась за пластырем, с полки упала голубая коробочка, и все ее содержимое вывалилось в раковину. Собирая выпавшие пачки, она прочла на них «Дюрекс. Двадцать ароматизированных латексных презервативов».

Итак, по-видимому, Кармел не страдала от одиночества; еще одна счастливая парочка. Похоже, Мэй была постоянно окружена счастливыми парочками. Пэм и Джек. Бернард и Шон. Пол и Франческа. Мэй разорвала пластиковую упаковку и наклеила пластырь на палец, а потом заметила серебряную цепочку, которая лежала на краю ванной.

Мэй снова вспомнила о подвеске с ракушкой. Сможет ли она вернуть свое украшение? Забавно, насколько потерянно и одиноко она чувствовала себя без него. Она положила на место упаковку пластырей и спустилась вниз, на кухню.

Когда Мэй закончила готовить себе сэндвич с помидорами, на этот раз аккуратнее обращаясь с ножом, то осмотрела комнату, стены которой были уже наполовину

покрашены. Такими темпами, если хватит краски, Мэй все закончит часам к трем. Ей оставалось покрасить самую большую стену, участки между дверями и кусок стены за холодильником, который не был встроен в кухонный гарнитур.

Перекусив, Мэй обмакнула кисть в краску и принялась за дело. Сама Мэй никогда бы не выбрала этот оттенок охры, которым изначально была выкрашена кухня – он был на пару тонов темнее, чем следовало для помещения с окнами на северную сторону, помещения, в которое никогда не проникали прямые солнечные лучи. Зато этот старый цвет был теплым, намного теплее нового, лимонно-желтого, который она сейчас наносила на стены. Все комнаты были выкрашены в белый, поэтому...

Вдруг зазвонил ее мобильный, и Мэй, не успев закончить мысль, положила кисть на край банки с краской, вытерла руки о джинсы и вытащила телефон из кармана. Хильда. Забавно, она никогда не звонит днем, всегда ждет вечера, когда Мэй заканчивает работу. Ее тетя жила у моря, сорок минут на машине от Килпатрика, и они с Мэй часто созванивались, не реже двух раз в неделю.

Она ответила на звонок.

– Привет, Хильда. Все в порядке?

– Мэй, рада, что дозвонилась до тебя.

Что-то случилось – Мэй это почувствовала.

– Что такое?

Хильда торопливо заговорила:

– Ничего плохого, дорогая, просто мне нужно тебе кое о чем сообщить, и я не хотела звонить, когда ты будешь дома, чтобы... – Голос Хильды затих, и Мэй подождала, пока та продолжит. – Ты можешь сейчас говорить, Мэйзи? Я имею в виду, ты не занята?

Мэй присела на край стула, который стоял на кухне.

– Нет, нет, я сейчас крашу, но все в порядке. Что такое, Хильда? Ты вся такая таинственная.

На другом конце провода Мэй услышала тяжелый вздох. Затем последовало:

– Мэйзи, это касается Терри.

Терри. Единственная дочь Хильды, двоюродная сестра Мэй, с которой та не виделась уже три года, с тех пор, как... Мэй прогнала эту мысль и заставила себя сконцентрироваться на том, что говорила Хильда.

– Мне сложно это произнести. – Хильда снова вздохнула. – Мейзи, она беременна. Прости, пожалуйста.

Мэй закрыла глаза.

– Но, Хильда, это же прекрасная новость. Ты станешь бабушкой. – Она крепко сжала телефон в руке. – Ты должна быть от этого в восторге. – Мэй зажмурила глаза, чтобы не просочилась ни одна слезинка.

– Мэйзи, дорогая, тебе не нужно...

Но Мэй ее перебила:

– Нет, Хильда, все хорошо, я в порядке. Не вини себя в том, что произошло. Все уже в прошлом, я это уже пережила и сейчас в норме, правда. – Ногтями свободной руки она впиалась в собственное запястье, ее глаза оставались закрытыми. – И когда ожидаете?

– В ноябре.

В ноябре. Через пять месяцев.

- Ну что же, прими мои поздравления. - А затем, так как у нее уже не осталось сил изображать радость, Мэй сменила тему разговора: - Честно говоря, Хильда, я сама собиралась позвонить тебе сегодня вечером. В воскресенье у папы день рождения, ему исполнится восемьдесят. И я тут подумала - мальчики собираются приехать на ужин с Габи и Долли, не планируется ничего помпезного, и мы бы хотели, чтобы ты тоже приехала.

Она почувствовала рассеянность Хильды. Все еще думает о случившемся, все еще чувствует себя виноватой. Никак не может смириться с тем, как ее дочь поступила с Мэй.

- Катал и Габи привезут с собой Фила, ты же его еще не видела, он просто великолепен. Давай, Хильда, приезжай. Я знаю, что папа тоже будет рад тебя видеть. Ты сможешь остаться на ночь. Я постелю тебе в отдельной комнате. И Ребекка придет.

«У нее в ноябре родится ребенок. Она носит ребенка Джерри».

После того, как они закончили разговор, после того, как Хильда согласилась приехать на ужин, после того, как они согласовали время, Мэй положила телефон обратно в карман и осталась сидеть на краешке стула посреди недокрашенной кухни.

Когда Мэй стукнуло двадцать семь и она уже начала сомневаться в том, удастся ли ей когда-нибудь найти того, кто захочет быть с ней дольше шести месяцев, Мэй О'Каллахан познакомилась с Джерри Сканлоном. Однажды вечером он вошел в приемную доктора Тейлора, Мэй уже проводила в кабинет доктора последнего пациента.

Она сложила журналы, выбросила все из корзины для бумаг и думала о том, что будет готовить себе на ужин. Либо спагетти с песто, которого осталось немного, но если подсобрать со стенок банки, то может хватить; либо по дороге домой прикупит немного яиц. А может, в холодильнике осталась треска в панировке? Готовка не интересовала Мэй; чем быстрее с ней закончишь и чем меньше времени на нее потратишь, тем лучше.

Открылась входная дверь, Мэй подняла глаза и увидела незнакомого мужчину. Синий пиджак, черные джинсы. Немного выше нее, совсем чуть-чуть. Красивые рыжеватые волосы длиной почти по плечи. Эта длина ему шла.

Мэй выпрямилась, продолжая держать пластиковый пакет, который достала из корзины для бумаг.

- Мне очень жаль, но мы уже закрываемся. - Не похоже было, что ему требовалась срочная помощь. - Не будете ли вы так любезны прийти завтра утром? Я могу вас записать.

Он посмотрел на свои часы.

- Сейчас только четверть пятого, и в очереди никого. На вывеске написано, что во второй половине дня хирургический кабинет работает с двух до пяти.

Мэй была и обескуражена, и раздражена его настойчивостью.

- Да, но последний пациент только что вошел, не думаю, что он выйдет раньше пяти.

Мэй надеялась, что мисс Данахер не решит раньше времени выйти из кабинета, выставив ее лгуньей. Хотя это было маловероятно, так как доктор Тейлор редко когда тратил менее пятнадцати минут на пациента, а уж тем более такого болтливую, как мисс Данахер.

Но мужчина не сдавался.

- А что, если я подожду пару минут? Если пациент не выйдет без пяти минут пять, я послушаюсь вас и приду завтра. Как вам такой вариант?

Мэй не могла с этим не согласиться - на вывеске *действительно* было написано: до пяти часов.

- Хорошо, но вам нужно заполнить бланк, если вы не были у нас раньше. - Мэй подошла

к своему столу, достала из верхнего ящика бланк и вручила ему. – Вам дать ручку?

– Благодарю.

Он взял бланк и принялся заполнять его прямо за ее столом, расположившись напротив. Мэй схватила первый попавшийся файл из шкафа, стоявшего у нее за спиной, и притворилась, что внимательно его изучает; к тому моменту, когда он вернул ей заполненный бланк, она уже знала его имя (Джерри Сканлон), возраст (двадцать пять, всего на год и девять месяцев младше нее), а также то, что у него не было врожденных заболеваний сердца, эпилепсии, аллергии или диабета.

А еще от него пахло мятными леденцами. И он не носил обручального кольца. А его руки были...

– Спасибо.

Она взяла бланк и взглянула на часы. Было почти без пяти пять – похоже, он еще вернется.

– Мне кажется, я вас знаю. – Он, слегка нахмурившись, изучающе смотрел на нее. – Вы, часом, не сестра Катала О’Каллахана?

– Сестра. А вы его друг?

Катал не жил в Килпатрике уже шесть лет, с тех пор, как поступил в колледж в Галвее и после окончания учебы нашел там работу. Вместе со своей девушкой по имени Габи он только что купил старый разваливающийся фермерский дом в Оранморе. Когда отец увидел этот дом, то предположил, что Каталу дали взятку, лишь бы сбавить ему эту развалюху.

– Мы вместе учились в школе. Я давно его не видел. Как он сейчас?

Когда пробило пять, Мэй продолжала рассказывать про своего брата, а мисс Данахер так и не вышла из кабинета, поэтому Мэй предложила Джерри Сканлону прийти на следующий день в десять часов утра.

Тем же вечером Мэй позвонила маме и посреди разговора, как бы случайно, сказала:

– Ой, кстати, я сегодня встретила одного парня, которого зовут Джерри Сканлон. Он учился в одном классе с Каталом – ты его помнишь?

Если Сканлон помнил Мэй, значит, Катал приводил его домой.

Эйдин задумалась.

– Не могу сказать, что это имя мне знакомо. Джерри Сканлон... Как он выглядит?

– Рыжеватые волосы, невысокий. – Мэй решила не упоминать о красивой улыбке или об отсутствии кольца. Она не хотела, чтобы у ее матери появились ненужные фантазии. – На самом деле он выглядит обычно. Он спрашивал про Катала, вот я и подумала...

Но на следующее утро она собиралась на работу дольше обычного. Подвела глаза, чего раньше днем никогда не делала, и надела красную юбку, от которой были в восторге ее соседки по квартире.

Джерри пришел без десяти десять. В приемной не было никого, кроме одинокого бледного подростка, которой сидел, тряс ногой в такт звукам музыки, едва слышной из его наушников, и часто сотрясался от сильного кашля.

Джерри Сканлон подошел к столу Мэй.

– Мне надо подать знак, или назвать пароль, или еще что-то?

Мэй улыбнулась. Ей было интересно, с чем он пришел к врачу – он выглядел совершенно здоровым.

– Просто садитесь.

- А можно я постою тут и поболтаю с вами? - Он посмотрел на ушедшего в себя подростка. - Не думаю, что там меня ждет разговорчивый собеседник.

Мэй старалась не показывать своей радости.

- Ну если хотите. - Она указала на ближайший стул. - Подвиньте его, а я постараюсь быть достаточно разговорчивым собеседником.

Джерри усмехнулся.

- Знаете, я тут кое-что про вас вспомнил. Я вспомнил, как однажды мы играли в мяч на вашем заднем дворе, а потом вы пришли и накинулись на нас из-за того, что мы потоптали то ли цветы, то ли еще что.

Мэй счастливо рассмеялась - он думал о ней.

- Неужели? Я не помню, но я всегда была очень увлечена садоводством, поэтому не удивлена. - Она попыталась представить, как она на них набросилась, полная негодования. Она, должно быть, была очень правильной маленькой мисс. - Приношу извинения за тот случай.

Он улыбнулся в ответ.

- Я думаю, вы уже прощены.

В этот момент открылась дверь кабинета доктора Тейлора и, когда пациент, вышедший из кабинета, подошел к столу Мэй, Джерри поднялся со своего места.

- Я исчезаю, но только на время, пока вы занимаетесь своими делами.

Он сел на стул у окна, но как только Мэй забрала у пациента чек, а доктор Тейлор выглянул из кабинета и пригласил кашляющего подростка, Джерри вернулся к ее столу.

У него была привычка поправлять волосы, которые постоянно падали ему на лоб. Цвет волос такой насыщенный. Ей стало интересно, как они пахнут.

К тому времени, когда страдающий от кашля подросток вышел, Мэй уже дала согласие на то, чтобы выпить с Джерри по бокалу после работы. Через шесть недель она уже оставалась на ночь в его маленькой съемной квартирке, расположенной над мясной лавкой в центре Килпатрика.

Мэй лежала, прижавшись к нему, слушая звуки захлопывающихся автомобильных дверей и шагов людей, проходящих мимо, - здесь было гораздо шумнее, чем в ее квартире, которая находилась в тихом переулке и которую она делила с двумя соседями. Их вещи, которые они бросили на стул или оставили валяться на полу, казались оранжевыми в свете уличных фонарей, проникавшем в комнату через дешевые занавески вместе с лучами автомобильных фар, когда какая-нибудь машина проезжала мимо.

Его волосы пахли кокосом, его глаза были серыми, и он нежно играл с ее косичкой, пока Мэй не отодвигала голову, а потом он прижимался своими губами к ее шее. А Мэй закрывала глаза и пальцами проводила по его блестящим волосам.

Через шесть месяцев она отправила соседей по квартире в паб и пригласила Джерри и своих родителей на ужин, и он обращался к Филипу «сэр», что доставляло Филипу удовольствие. Мэй впервые увидела Джерри в костюме, а еще он принес букет желтых анютиных глазок для Эйдin и бутылку вина для запеченного тунца, которого Мэй готовила весь день. В рецепте было сказано: *«Подготовка ингредиентов займет двадцать минут, запекать в течение тридцати минут»*. Мэй решила, что книга была предназначена тем, кто действительно умеет готовить, кто знает, что означает «припущенный лук» и умеет натереть панировочные сухари, да так, чтобы при этом не лишиться пальцев.

Иногда, если Джерри удавалось уйти с работы пораньше - он работал в аналитическом департаменте крупного молочного завода в пригороде Килпатрика, - он заезжал за ней, и они ехали на выходные к морю, гуляли у подножия утеса, иногда собирали на пляже

водоросли для сада родителей Мэй, за которым она продолжала ухаживать, и часто заезжали к Хильде, тете Мэй.

Однажды Мэй налила в ванную горячей воды, бросила туда горсть водорослей и села в воду, но когда он решил к ней присоединить и обнаружил болтающиеся на поверхности воды листья, то сказал:

- Они похожи на мерзких морских гадов, - и предпочел дожждаться ее в кровати.

Через два года и три месяца после первого визита Джерри к доктору Тейлору - он, как выяснилось, хотел проверить родинку на груди - они обручились и сообщили об этом своим родителям, а Мэй настояла на том, чтобы они еще съездили к Хильде.

- Я должна сказать ей лично.

А когда они приехали к Хильде, там оказалась ее двадцатидвухлетняя дочь Терри, которая только что вернулась домой после окончания учебы в дублинском колледже. Мать и дочь поздравили Мэй и Джерри, он немного пошутил, как здорово рифмуются его имя и имя Терри, а по дороге домой Мэй озвучила идею попросить Терри стать подружкой невесты на свадьбе.

Ничего не изменилось за один день. В течение следующих нескольких месяцев все было как обычно. Они согласовали дату бракосочетания, 15 сентября, и Мэй забронировала отель, переговорила с отцом Мерфи о его участии в церемонии и начала иногда посматривать на окно агентства недвижимости, на котором были наклеены объявления о продаже домов.

Теперь каждый раз, когда они приезжали к Хильде, их всегда встречала Терри. Она нашла работу в местном ремесленном магазине и копила деньги на кругосветное путешествие, в которое собиралась отправиться предстоящей осенью.

- Если я это не сделаю в ближайшее время, то потом у меня точно не будет шанса.

Она вернулась в дом матери и откладывала столько денег, сколько могла.

У нее не было парня.

Когда Мэй впервые поняла, что только она носится с организацией свадьбы? Когда она начала замечать, что Джерри постоянно находит причины, чтобы не пойти на просмотр дома, выставленного на продажу?

- Сходи сама или возьми с собой за компанию какую-нибудь подружку, ты лучше меня знаешь, что тебе нужно.

Что тебе нужно, а не что *нам* нужно.

Эйдин не видела в этом проблемы.

- Мужчины обычно не разбираются в этих вещах, - сказала она Мэй. - Для них нормально не принимать в этом участия. Я бы на твоём месте не переживала.

Потом он перестал заезжать за Мэй после работы, ссылаясь на занятость, на то, что ему приходится задерживаться дольше обычного. Бывало, когда она с ним разговаривала, он сидел с отсутствующим видом и не слышал ее, а ей приходилось махать рукой, чтобы привлечь его внимание.

Ребекка предположила, что причина этому - предсвадебный мандраж.

- Кто сказал, что перед свадьбой волнуются только невесты? Он тоже имеет право понервничать. После свадьбы все устаканится, вот увидишь.

Мэй убедила себя в том, что Ребекка и ее мать правы - ей не о чем беспокоиться.

А потом, за две недели до свадьбы, Джерри, как раньше, зашел за ней на работу. Когда он вошел в дверь, Мэй улыбнулась.

- Эй, я тебя не ждала. Я почти готова.

Она закончила собирать журналы и уже очистила корзину для бумаг.

- Не торопись. - Он стоял у двери, поигрывая ключами от машины. - Я подумал, что мы немного прокатимся.

- Отлично.

Мэй закончила приготовления, собрала свои вещи, попрощалась с доктором Тейлором и вслед за Джерри вышла к машине. На улице моросил теплый августовский дождь.

Джерри взял курс на пригород и, как только Килпатрик остался позади, остановил автомобиль на обочине. Когда Мэй открыла рот, чтобы спросить, зачем они остановились здесь, на обочине дороги, он повернулся к ней и сказал:

- Есть кое-то, чего ты не знаешь.

И, пока машину Джерри немного покачивало от проезжающих мимо автомобилей, пока дождь барабанил по ветровому стеклу, он рассказал Мэй о том, что влюбился в ее двоюродную сестру Терри и поедет с ней в кругосветное путешествие. И что ему очень-очень жаль, и он ненавидит себя за ту боль, которую причиняет Мэй, но он просто не знает, что еще он может сделать.

Мэй ничего не ответила, только сидела и смотрела перед собой, замечая, как капли дождя на лобовом стекле размывают очертания деревьев, дороги и телеграфных столбов. Интересно, каково это - почувствовать себя размытой? Мэй открыла дверь, вышла из машины и побрела в сторону города, подняв вверх голову и чувствуя, как ее лицо становится влажным.

Она услышала, как захлопнулась дверь со стороны пассажирского сиденья и как заработал двигатель, и приготовилась к тому, что сейчас Джерри развернет машину и подъедет к ней, а она ему ответит так:

- Спасибо, не нужно меня подвозить, я лучше прогуляюсь.

Но он не развернул машину, а поехал вперед, не меняя направления.

Он поехал туда, где находился дом Хильды, где жила Терри.

Бедная Хильда восприняла все произошедшее почти так же тяжело, как Мэй. На следующий день она, вся в слезах, появилась на пороге дома Мэй. Обняв племянницу, Хильда плакала, умоляя Мэй поверить в то, что она ничего не знала вплоть до вчерашнего вечера, когда Терри ей во всем призналась.

- Я не могу поверить, что она так с тобой поступила, Мэйзи, - рыдала Хильда. - Я просто не могу поверить, что она способна на такое. И он тоже. Это просто в голове не укладывается.

А оцепеневшая от горя Мэй, ощущая, как от всхлипываний сотрясается тело Хильды, удивлялась сама себе, удивлялась, почему она не плачет вместе с Хильдой.

Когда она наконец почувствовала в себе силы вернуться к обычной жизни, то, заручившись моральной поддержкой Ребекки, отнесла кольцо, подаренное на помолвку, обратно в ювелирный магазин Клинта, где Фергюс, который раз в две недели по четвергам играл с Филипом в гольф, отнесся к ней с пониманием и предложил Мэй за кольцо почти столько же, сколько Джерри восемь месяцев назад потратил на его покупку.

Вырученные деньги Мэй внесла в качестве аванса за дом, последний из тех, которые она просматривала и который все еще не был продан, а через шесть недель, накануне своего тридцатилетия, она переехала.

Через неделю ее навестила Хильда.

- У меня для тебя кое-что есть, вроде подарка на новоселье.

Она держала в руках коробку из-под обуви, в стенках которой были проделаны несколько

дырок.

– Заходи, не обращай внимания на беспорядок. – Мэй пробралась через завал из нераспечатанных коробок, сваленных в прихожей, в маленькую кухню с цементным полом, расположенную в задней части дома. – Подожди, я пока поставлю чайник.

Она была очень рада тому, что им с Хильдой удалось пережить случившееся, что Терри не разрушила и их отношения тоже. Мэй сделала вывод, что Терри с Джерри еще не вернулись из путешествия. Имя Терри, естественно, не упоминалось в разговорах, и Мэй, естественно, про нее не спрашивала. Хотя периодически между ней и Хильдой проскакивали моменты, когда они обе ощущали неловкость. А разве могло быть иначе?

Хильда положила коробку на стол и сняла крышку, а Мэй уставилась на комок рыжей шерсти, который сидел и внимательно смотрел на нее.

– Ой, Хильда, это же котенок. – Она поставила чайник на стол, достала рыжий комок и поднесла к своему лицу. Комок взглянул на нее, а затем громко и на удивление серьезно мяукнул. – О, он великолепен. – Мэй потерлась об него щекой, и он мяукнул еще раз.

Они налили молоко в картонную крышку из-под йогурта, которую Мэй достала из пакета, и котенок, уткнувшись туда носом, сначала стал захлебываться, но быстро научился лакать правильно; а после того, как все было съедено, он поднял свою мордочку и продемонстрировал усы, измазанные в молоке. Покачиваясь из стороны в сторону, он старался держать равновесие на трех лапах, умываясь четвертой.

Мэй назвала его Одиноким Джордж в честь черепахи, про которую она когда-то читала, – черепаха была последним представителем своего семейства и обитала где-то на пляже. Он очень быстро прибрал к лапкам дом, не обращал никакого внимания на корзину, которую Мэй приобрела специально для него в благотворительном магазине, спал, свернувшись в клубок, в углу ее темно-красного дивана или устраивался в ее тапке.

Он охотился за своим хвостом и пожирал папоротник, который разводила Мэй, точил свои маленькие клыки о ножки кухонных стульев и везде, где появлялся, оставлял за собой легкий слой рыжей шерсти. Когда он стал достаточно большим, чтобы запрыгивать на подоконник в гостиной, он проводил время, сидя там, наблюдая за тем, что происходит снаружи, издавая гортанные звуки при виде любой птички, которая решала примоститься на телеграфный провод, протянутый над садовой стеной.

Если Мэй хотела полежать на диване, он устраивался с закрытыми глазами у нее на животе, довольно мурлыкал и, если она начинала кашлять или чихать, поднимал голову и одаривал ее взглядом зеленых глаз. А Мэй гладила его мягкую шерсть, чувствовала его тяжесть и тепло и спрашивала себя, хватит ли ей когда-нибудь смелости снова влюбиться.

Через год после того, как Мэй переехала в свой собственный дом, произошли два события. В феврале у мамы был обнаружен рак легких, а Джерри и Терри, по возвращении из путешествия проживавшие в Лондоне, не устраивая шумного торжества, поженились.

Конечно, смерть Эйдin в начале июня, спустя лишь четыре месяца после постановки диагноза, была гораздо более сокрушительным событием. Потеря матери разбила сердце Мэй, мама всегда ее любила, любила безусловно, и всегда вставала между Филипом и детьми, смягчала его жесткость.

Но, когда Хильда сообщила ей другую новость, сообщила так аккуратно, как только могла, Мэй разразилась рыданиями, да такими, что Одиноким Джордж поспешил сбежать от нее на кухню, а Хильда, расплакавшись, снова принялась приносить извинения.

И теперь они ждали ребенка. По крайней мере, на этот раз Мэй не опозорилась, сумев сдержать слезы.

Она встала со стула, окунула кисточку в банку с краской и провела ею по стене кухни Кармел.

Жизнь продолжается. Интересно, будет ли ребенок похож на Джерри?

Он собрал в руку хлебные крошки с кухонного стола и выбросил их в корзину. Затем долил остатки кофе себе в чашку и поставил кофейник на место. Стыдно не воспользоваться возможностью побыть на солнце, ведь оно так редко появляется – он сейчас сядет и будет читать то, что написал сегодня утром, посмотрим, понравится ли ему написанное.

Шон снял пластиковый чехол с одного из четырех деревянных стульев с тканевыми зелеными сиденьями, которые они с Бернардом купили вместе вскоре после переезда Шона – это была их первая совместная покупка, – и, откинувшись назад, вдохнул свежий чистый воздух.

Как же здесь хорошо, когда прекращается дождь. Нет этой дикой влажности и жутких насекомых. Не так, как дома, где летом, стоит тебе только высунуть нос на улицу, его практически откусят, где приходится принимать душ трижды в день, чтобы избавиться от пота. Где тараканы всегда готовы оказать услугу поблизости. Конечно, здесь могло бы быть немного потеплее, но и так сойдет.

Он больше и не помышлял о том, чтобы вернуться в Бостон или вообще Штаты. Ирландия подходила ему: погода, еда, которая не была напичкана добавками и витаминами, дружелюбие и приветливость большинства людей.

Большинства, но не всех. Не тех идиотов, которые регулярно распыляли краску на фасад магазина Бернарда. Которые несколько недель назад попытались взломать замок защитной решетки. Которые выбросили все из мусорных баков, стоявших рядом с окном, раскидав по улице завядшие бутоны и использованные салфетки. Но идиотов везде хватает, не только в Килпатрике.

От ирландской полиции помощи было немного, но их нельзя было за это винить: им катастрофически не хватало средств. Вот пример – вы когда-нибудь слышали о полицейском без оружия? Они только сказали, что Бернарду нужно либо схватить злоумышленников на месте преступления, либо добыть достаточно исчерпывающие доказательства, чтобы можно было этих злоумышленников арестовать.

Интересно, чего полицейские ожидали? Что они с Бернардом устроят слежку, будут сидеть в машине, припаркованной на другой стороне улицы, пока не появятся эти придурки? А потом что? Попросят их улыбнуться и сделают фото? Вызовут на дуэль? Шон и допустить не мог возможности какого-либо физического противостояния, зная, что ни на кого не сможет поднять руку, если только от этого не будет зависеть его жизнь.

А если бы и смог, то дрался бы как девочка, да и Бернард наверняка тоже. Они были беспомощны против уличных хулиганов, даже таких, как в Килпатрике, которые и в подметки не годятся бандам наркоторговцев из крупных городов.

Поэтому Бернард разработал генеральный план.

– Я установлю на магазин две камеры наружного наблюдения.

Шон поднял брови.

– Ты? И во сколько это тебе обойдется?

Бернард скривился.

– Во много. Но оно того стоит, если при помощи камер мы сможем остановить этих идиотов.

– Ты думаешь, камера сможет их остановить? Разве они не могут просто надеть маски или что-то типа того?

Бернард пожал плечами.

– А тогда зачем люди платят деньги за эти камеры? Килпатрик – это не метрополис. У полиции наверняка есть какое-нибудь предположение о том, кто все это делает, даже если они нам не говорят, правильно?

Шон задумался.

- Возможно... наверное, да.

- Поэтому любой улики будет достаточно, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Их одежда, их фигуры – все что угодно.

Шон надеялся, что Бернард прав. Даже если и нет, камеры будут установлены на этой неделе. Возможно, после их установки все это дерьмо закончится.

Шон вернулся к страницам, лежавшим на ноутбуке, и начал читать. На этой неделе он затронул тему еды. Всегда найдется что рассказать о различиях между теми продуктами, которые выставлены на полках обычного ирландского супермаркета, и теми, которые вы можете купить в гастрономе в Бостоне.

Поражает, что, будучи нашим величайшим знаменателем (он уже использовал это выражение раньше), еда здесь совсем другая. Мы говорим на одном языке – более или менее; мы смотрим одинаковые фильмы. И все, что нас, по сути, разделяет – это вода, пусть ее и очень много. Но, если не брать в расчет фастфуд, который везде до боли одинаковый, что здесь, что в Бостоне, что в любом другом американском городке, остальная еда в Ирландии совсем не похожа на нашу.

В Килпатрике был всего один магазин, в котором можно было купить булочки, упакованные по шесть штук в коробку, и, как правило, это оказывались уже выдавшие виды булочки. Никто здесь даже не слышал о дрожжевом хлебе. Сливки-пополам-с-молоком тут тоже были неведомым зверем: если вам нужна смесь молока и сливок – а что же еще вы обычно добавляете в кофе? – то вам придется купить отдельно молоко, отдельно сливки и самостоятельно все смешать.

Не поймите меня превратно (он это написал, так как не желал, чтобы у бостонцев сложилось негативное отношение к населению Ирландии). Здесь тоже есть много чего вкусного, например, ммм, копченая и подсоленная грудинка, которую отваривают, режут на толстые куски и подают к ужину; картофель, который, примите мои извинения, на полкорпуса обходит своего собрата из Айдахо (не поверите, но они называют его «мучные шарики»); продукты домашнего приготовления, которые можно купить на рынке раз в неделю – яблочные пироги, фруктовые пирожные, содовый хлеб, – они ничего не знают о консервантах, а если бы кто-то осмелился добавить консервант, то был бы выгнан с позором. Все очень вкусное, но стоит немного дороговато. И все очень, очень сильно отличается от того, что я ел раньше.

Его колонка на две тысячи слов «Звезды, Полосы и Трилистник» тиражировалась полдюжиной газет на восточном побережье, а три часа в неделю, которые Шон на нее тратил, прекрасно покрывали его текущие расходы. В ней он подробно описывал то, с чем ежедневно сталкивается среднестатистический американец, живущий в начале второго тысячелетия в среднем городке на западе Ирландии: от покупок в супермаркете до поиска жилья, от особенностей местных пабов до принятых тем для разговора и местных речевых оборотов.

Шон вел эту колонку последние одиннадцать месяцев, начиная со своего переезда в Килпатрик, тогда ему удалось уговорить своего редактора в «*Бостон телеграф*» – своего вот-вот-бывшего-редактора, – что для полноты картины «*Телеграфу*» не хватает еженедельной колонки Шона о его жизни в Ирландии.

- Смотри, я все равно уезжаю – тебе даже не придется оплачивать мои дорожные расходы. Почему бы не установить срок в шесть месяцев и не посмотреть, пойдет ли дело?

В итоге редактор согласился, правда, этому предшествовало долгое ворчание на тему того, что он не понимает, зачем одному из его лучших репортеров приспичило переехать в какой-то захолустный городишко в Ирландии, о котором никто никогда и не слышал. К чему было *все это*?

Шон, конечно, мог бы объяснить, к чему это все, но он считал, что это его личное дело. Он не познакомил Бернарда ни с кем из своих коллег, и не потому, что они не знали, что

Шон гей – они все знали, а некоторые убедились в этом на личном опыте, – а потому, что он сам не был полностью уверен в том, что его решение не является верхом идиотизма.

Отказаться от зарплаты в 65 000 долларов в год, которая была у него в «Телеграфе», переехать за три тысячи километров к мужчине, с которым был едва знаком, к мужчине, который старше него на десять лет? Изложенная на бумаге, эта затея не выглядела разумной.

Бернард же считал все очень разумным.

– Ты сможешь написать роман. И не говори мне, что один из ведущих авторов «Телеграфа» никогда не мечтал о том, чтобы написать роман, который станет в Америке новым бестселлером.

Шон усмехнулся.

– Эй, ты что, еще и мысли читаешь?

Он часто задумывался о том, чтобы попробовать свои силы и написать книгу, но пока это были лишь мечты.

– Я буду тем, кем ты захочешь.

Пальцы Бернарда переплелись с пальцами Шона.

– В Килпатрике тебе гарантированы тишина и покой, и я буду в твоём распоряжении, а если тебе в перерыве между главами захочется чем-нибудь заняться, ты сможешь помогать мне в магазине.

Но Шону не нравилась идея работать в цветочном магазине – уж очень это типично для парочки геев, – поэтому он согласовал условия с редактором, собрал свои вещи и вслед за Бернардом уехал в Килпатрик, говоря себе, что, если что-то пойдет не так, он всегда сможет вернуться. И пусть сейчас редактор бесится из-за его отъезда, но завтра он снова примет его на работу на полную ставку, в этом Шон не сомневался.

После первых недель сомнений, когда ему стала очевидной нехватка кинотеатров, гей-баров и спортивных залов – и, о господи, приличных оливок днем с огнем не сыщешь, – когда его стало посещать осознание того, какую колоссальную ошибку он допустил, он уже собирался взять билет на ближайший рейс на запад, но постепенно жизнь начала налаживаться.

Семья итальянцев, во втором поколении живших здесь, открыла лавочку рядом с цветочным магазином, и появилась возможность покупать почти приличные оливки и очень недурной прошутто. Однажды, когда не было дождя, Шон достал из сарая велосипед Бернарда, и в ходе почти пятичасовой поездки в сторону побережья стало ясно, что крутить педали на свежем воздухе гораздо круче, чем все прошлые попытки сбросить вес в душном спортивном зале.

Шон научился мириться с тем, что его выбор состоит из двух или трех фильмов, которые шли в кинотеатре Килпатрика – все они были коммерческой ерундой, – ведь даже из этого маленького городка на западе Ирландии он мог заказывать DVD по интернету.

Бернард выдержал тяготы первых нескольких недель, мягко уговаривая Шона подождать еще немного, всего лишь до конца месяца. Разве им не хорошо вместе?

Им было хорошо. На удивление, им вроде бы удалось преодолеть трудности – еще бы, начать жить вместе после трехнедельного романчика, – и теперь, спустя одиннадцать месяцев, у Шона, слава богу, все было прекрасно. Каждый понедельник он выдавал положенные две тысячи слов, во вторник отправлял их по электронной почте, а остаток недели проводил за работой над «Замыслившим недоброе», собственным романом об американском аферисте, который промышленляет в гостиницах и мотелях в Ирландии. Он уже написал восемьдесят тысяч слов, и, по его расчетам, через пару месяцев будет готов первый черновик романа. Скоро Шону придется искать агентство, он начнет с американских, обзвонив прежде всего наиболее симпатичные.

Он закончил перечитывать свою статью. Пойдет. Для разнообразия на этой неделе он

добавил парочку рецептов, на которые наткнулся в кулинарной книге «Вкусы Ирландии», взятой в библиотеке Килпатрика: рецепт колканона (блюдо из капусты и картофеля) и ирландского чайного хлеба. Шону стало интересно, решится ли какой-нибудь читатель на приготовление этих блюд на своей американской кухне, оборудованной кондиционером.

Шон услышал, как открылась дверь, и обернулся. Из двери соседнего дома вышла Пэм, держа пластиковую корзину, полную влажного белья.

Шон положил страницы на стол и поставил на них свою чашку с кофе.

- Привет.

Пэм обернулась и улыбнулась.

- Привет, Шон. - Она выглядела уставшей, под глазами были темные круги. Она достала из корзины наволочку и принялась вешать ее на веревку. - Спасибо, что тогда помог.

- Без проблем. Классная у тебя кофта. - Розовая, с размытыми очертаниями зеленых и синих цветов. С длинными рукавами и застегнута наглухо. - Тебе бы расстегнуть пару верхних пуговиц, а то ты похожа на монашку в цветах.

Пэм рассмеялась, наклоняясь, чтобы достать из корзины рубашку.

- Посмотрите-ка на него! Я расскажу Бернарду, как ты уговаривал меня немного оголиться.

Когда Пэм подняла руку, чтобы повесить рубашку, рукав немного сполз. Шон увидел два маленьких темных пятна прямо над запястьем. Похоже на небольшие синяки. Он показал на них и спросил:

- Ты повредила руку?

Пэм быстро спустила рукав, а ее улыбка исчезла.

- Ничего страшного, я постоянно на что-нибудь натыкаюсь. - Она посмотрела на небо. - Как думаешь, погода продержится?

Шон пожал плечами.

- Здесь трудно загадывать. То дождь, а через минуту уже солнце. Я не слышал прогноз. - Он посмотрел, как она вытащила последнее полотенце. - Надеюсь, тебе повезет, и все успеет высохнуть.

Пэм кивнула и взяла пустую корзину.

- Ладно, я, пожалуй, пойду и приготовлю обед для мистера О'Каллахана.

Шон скривился.

- Да уж, с этим лучше поспешить. Увидимся.

Вот работка, обслуживать этого старого придурка. Шону стало интересно, чем занимается муж Пэм.

Потом он подумал о том, что из себя представляет муж Пэм.

На что нужно наткнуться, чтобы на руке остались два маленьких круглых синяка, один рядом с другим? Такие обычно появляются, если кто-то сильно хватает за руку.

И потом, это же очевидно, что Пэм поспешила сменить тему, когда Шон задал ей вопрос.

Подумав, он улыбнулся и встряхнул головой. Забавно, стоит только начать писать роман, так везде мерещатся драмы. Шон взял чашку, страницы и вернулся в дом.

Он дождался, пока внизу замолк шум пылесоса, потом вылез из кровати и начал расстегивать пуговицы на своей пижаме. Кропотливое это дело, пуговицы; он их просто

ненавидел. Почему не взять и не пришить к пижаме липучку? Было бы намного проще. Пальцы пугались, спускаясь ниже и расстегивая пижаму на выпирающем животе. Тощий и при этом пузатый старик, вот в кого он превратился.

Когда это все случилось? Без сомнений, пока Эйдин была жива, он не чувствовал себя таким старым, а ведь прошло всего полтора года. В четверг на прошлой неделе исполнилось ровно восемнадцать месяцев. Они с Мэй взяли такси, поехали на кладбище и положили на могилу букет цветов, который Мэй купила в магазине у этого гомика, а потом, как и каждый месяц в день смерти Эйдин, они произнесли молитву.

Филип до сих пор иногда забывает, что Эйдин больше нет, а когда вспоминает, ужасная боль потери накрывает его снова. Она ушла слишком быстро, вот в чем все дело. Да, он знает, что у некоторых нет и четырех минут, не говоря уже о четырех месяцах. Но, конечно, он не думал так в начале, когда кричал доктору Тейлору, что тот ошибся, что его диагноз наверняка неверный. У нее просто вирус.

- Слушай, ты, назначь ей что-нибудь. Выпиши свой чертов рецепт.

А Эйдин сидела рядом, лицо ее было белее снега, и она впервые не пыталась его остановить. Доктор Тейлор выписал рецепт, назначив обезболивающие и снотворное. А Филип ушел и, как тупоголовый идиот, каким он, в сущности, всегда и был, в течение следующего месяца отказывался верить в то, что случилось. Изо дня в день он ждал, что Эйдин, как всегда, встанет с кровати и приготовит ему завтрак, и неважно, беспокоит ее еще что-то в этот момент или нет.

В итоге она ушла быстро, посреди ужасной ночи, когда хлестал дождь, а окно в спальне дребезжало от ветра. Мэй, мальчики, Хильда – все стояли вместе с Филипом около кровати и не знали, как себя вести. Две снохи пытались занять себя хоть чем-нибудь на кухне, готовили чай, который никто не хотел пить, клали вещи не туда, куда нужно.

А Филипу наконец пришлось смириться с тем, что Эйдин действительно уходит от него и он бессилен что-то изменить, а все молитвы и проклятия, в которых он обращался к безжалостному богу, оказались бесполезны. Когда она ушла, он просидел всю ночь на стуле у ее кровати, накрыв своей рукой ее холодную руку. Он накричал на Мэй, чтобы та оставила его в покое, а затем, когда она выбежала из комнаты, принялся сожалеть об этом.

Филип просунул вторую руку в кардиган и натянул его на плечи. Еще больше чертовых пуговиц – в следующий раз он наденет другой, на молнии, если, конечно, этот следующий раз наступит. Когда он застегнул пуговицы, то направился к окну и увидел, как Пэм развешивает одежду и с кем-то разговаривает – Филип повернулся и увидел второго гомика, этого американца, который восседал на своем шикарном стуле и попивал свой шикарный кофе.

Филип был рад, что Эйдин не дожила до такого и не видит, как ему приходится жить по соседству с парочкой педиков. Все сейчас дозволено, никаких запретов. Предполагается, что при встрече с ними он им улыбнется и скажет «привет», как будто это в порядке вещей, что двое взрослых мужиков – он издал отвратительный звук – живут вместе и наверняка вместе спят. Мерзость какая. А вот Пэм стоит и болтает с одним из них, и Мэй, он сам слышал, всегда очень дружелюбна с ними. Ну уж нет, он скорее умрет, чем признает эту парочку содомитов.

Он сел на краю кровати и засунул сначала одну ногу, а потом вторую в тапки, на которых были изображены щенки и которые Мэй купила ему на Рождество. Тапки оказались вполне удобными, но цвет был выбран неверно – Филип ненавидел этот ужасный песочный оттенок. Ей нужно было купить или коричневые, или черные – обувь этих двух цветов он всегда предпочитал. Но у этих хотя бы нет идиотских шнурков, о которые он вечно спотыкается.

Филип встал, немного пошатываясь. Где его палочка?

Старый. Он чувствовал себя старым, и это его пугало.

Скоро, в конце недели, его день рождения – он уповал на Господа в надежде, что Мэй не будет ничего устраивать. Она ему ничего еще не говорила... Может, она и вовсе забыла.

Он никогда не был любителем веселья, а Эйдин всегда относилась к этому с пониманием.

Он дотянулся до палочки, которая стояла у стены, и осторожно вышел из спальни. Спускаясь по лестнице, он почувствовал запах лука. Разве эта женщина не знает, что его от лука пучит?

Филип тяжело вздохнул, медленно и осторожно проходя через прихожую в гостиную, где на маленьком столике его уже ждал номер «*Айриш индипендент*» – газеты, которую каждое утро приносила Пэм.

Она опустила в садовое кресло и подняла лицо вверх, чтобы почувствовать приятную жару, потом начала с наслаждением потягивать шею. Ей следует почаще делать упражнения, чтобы кости и мышцы не застывали, время-то идет. В следующем году ей уже будет семьдесят три, можете себе представить? На два года старше Эйдин. А больше, после всех неудачных беременностей мамы, у нее не было ни братьев, ни сестер.

Хильда сама смогла родить только одного ребенка. Терри, огромный подарок после одиннадцати лет брака, ее первый ребенок в сорок семь лет, чудо, о котором они с Джимом так молились. Хильда часто думала, что ребенок ей был послан для утешения после потери Джима, который погиб в аварии. Его машину занесло в кювет, когда Терри исполнилось всего три месяца.

Это было ужасное, мучительное время. Даже сейчас, спустя столько лет, Хильда не могла спокойно об этом вспоминать. Эйдин была так добра к ней, она приходила так часто, как только могла, оставляла мальчиков с няней Марджори, а Мэй, которой тогда было восемь, приводила с собой, чтобы та помогала присмотреть за малышкой, пока сестры сидели на кухне за чашками остывшего чая; Хильда рыдала, а Эйдин утешала ее и шептала: «Бедняжка» и «Я знаю, знаю, дорогая».

Достаточно воспоминаний. Хильда дотронулась пальцами до письма, которое лежало у нее на коленях, и провела по сгибу листка. Она была удивлена, когда увидела на конверте почерк Терри: с чего это дочь решила написать письмо, если они созваниваются каждые выходные? Хильда считала это расточительством – так часто звонить из Лондона, но Терри убеждала ее, что они могут это себе позволить, и потом, звонить из Англии намного дешевле.

Отбросив чувство легкого беспокойства – а почему бы Терри и не написать письмо ради разнообразия? – Хильда разорвала конверт и быстро просмотрела текст, написанный знакомым наклонным почерком, слова «*прекрасно*», «*беременная*», «*счастливы*» и «*ноябрь*» бросились ей в глаза. А потом она заставила себя успокоиться и начала читать с самого начала.

Я решила написать, потому что не хотела тебя ошарашить по телефону. Я подумала, что тебе потребуется много времени, чтобы все переварить. Джерри и я, мы абсолютно счастливы; надеюсь, что и ты разделишь наше счастье.

Дочери следовало добавить: «Когда свыкнешься с мыслью, что у меня будет ребенок от мужчины, которого я украла у Мэй. И если когда-нибудь ты сможешь меня за это простить».

Хильда вздохнула и снова подняла лицо к солнцу. Как это могло случиться? Почему злой рок распорядился так, что ее единственная дочь причинила столько горя другому дорогому для Хильды человеку? Разве потери Джима было недостаточно?

Когда у Эйдин и Филипа родилась Мэй, Хильда уже три года была замужем. Она держала в руках крошечную племянницу и гадала, когда же наступит ее очередь. Она приезжала так часто, как только могла, тратя на дорогу сорок минут, чтобы только познакомиться с малышкой, чтобы вдохнуть ее изумительный запах, чтобы почувствовать на груди тяжесть и тепло от ее тельца, чтобы ощутить ее нежное и частое дыхание на своей щеке.

«Она поможет мне научиться, – думала Хильда. – *Я сейчас научусь, а когда родятся мои дети, я уже буду все уметь*». А потом родился Катал, а следом – Уильям, но у Эйдин, а не у Хильды.

Чувство боли, почти физической, которую она испытывала, наблюдая, как сестра кормит своих детей, как поправляет носочек на их восхитительных пухленьких ножках, как нежно вытирает их подбородки, смешивалось с ощущением горечи, и на этом фундаменте стало возникать и расти чувство сумасшедшей привязанности, которое Хильда испытывала к своей племяннице. К Мэйзи.

Они были очень близки. И чем старше становилась Мэй, тем очевиднее для всех становилась ее привязанность к тете. Мэй и Хильда могли часами находиться в саду, занимаясь прополкой, посадкой, стрижкой газона и выдергиванием сорняков. Когда Мэй исполнилось пять, то ее стали каждый год отправлять на неделю в гости к Хильде и Джиму, и она топала по лестнице, таща свой чемоданчик вверх, напрямик в ту комнату, которую все называли «комната Мэйзи».

Когда, не веря своим глазам, Хильда обнаружила, что беременна, первой ее мыслью было: «Как к этому отнесется Мэй? Племяннице было уже семь, почти восемь, с самого рождения она была обожаема своей тетей, купалась в ее любви и внимании, которые не приходилось ни с кем делить. Не встревожит ли Мэй эта новость? Не изменятся ли теперь их отношения?»

Но, когда Эйдин все рассказала Мэй, та очень обрадовалась. Мысль о том, что она сможет ухаживать за малышом Хильды, завораживала Мэй.

- Но лучше, если это будет девочка, - сказала она своей маме. - У нас уже и так достаточно мальчиков, правда?

И Эйдин торжественно согласилась с тем, что мальчиков у них более чем достаточно.

Так что Терри ничего не оставалось, кроме как родиться девочкой, и Мэй суежилась около крошечной новорожденной двоюродной сестры столько, сколько ей разрешали. Она притаскивала ей свои старые куклы и игрушечные чайные сервизы, читала малышке те же книги, которые пару лет до этого читала своим цветам в саду.

- Посмотри, - говорила Мэй, показывая на картинку. - Видишь? Это мальчик. Смотри, вот его имя. Видишь? Тут написано Бен. Б-Е-Н, а теперь повтори. Скажи «Бен», - требовала Мэй, и Терри в ответ зевала и размахивала своими крошечными ручками, а в это время Эйдин и Хильда, сдерживая смех, наблюдали за ними.

А потом Джим погиб, и Мэй стала присматривать за Терри, пока Хильда старалась прийти в себя. Но прошли годы, и двоюродные сестры постепенно стали отдаляться друг от друга, у каждой началась своя собственная жизнь, и теперь они встречались лишь иногда: на серебряной свадьбе Филипа и Эйдин, на церемонии вручения награды Катулу за его научный проект, на вечеринке, организованной Эйдин в честь неожиданно подкравшегося шестидесятилетия Хильды, на выступлении Терри в постановке местного драмкружка.

В девятнадцать Терри уехала в Тринити изучать языки. А через три года она вернулась домой и познакомилась с Джерри Сканлоном, который только что обручился с Мэй.

При регистрации брака, которая прошла в Лондоне, все присутствующие чувствовали себя очень неловко. Они все старались, и Хильда старалась, и родители Джерри старались изо всех сил. После церемонии они поехали в чудесный отель на ужин, и отец Джерри подготовил небольшую речь, сказал, что Терри стала членом их семьи, и поднял тост за новобрачных. Терри чудесно выглядела в розовом брючном костюме, и было очевидно, что Джерри ее обожает и что он очень старается, чтобы понравиться Хильде.

Конечно, Хильда желала им счастья.

Но как же Мэйзи... она так рыдала от боли, когда Хильда ей все рассказала, трясла головой и пыталась просить у Хильды прощения за то, что не может остановить рыдания, которые вырвались наружу, когда она узнала про свадьбу. Как же Мэйзи...

И теперь эта новость. Хильда знала, что нужно позвонить Терри, знала, что дочь ждет ее звонка. Написать в ответ письмо - значит струсить, конечно, Хильда найдет в себе силы и позвонит.

Ну а вдруг на звонок ответит Джерри? Вдруг он тоже ждет, что она позвонит и

поздравит его? А вот этого Хильда сделать не сможет, просто не сможет. По крайней мере, не сейчас.

Она взяла свою шариковую ручку и открыла блокнот, который лежал на чугунном столике напротив. Она начала так: *«Моя дорогая Терри»*, затем остановилась. Немного подумав, она написала: *«Я только что получила твое письмо, и, конечно, я счастлива узнать такую новость. Поздравляю вас обоих»*.

Она закончила. Это выглядело так официально. Но она не могла заставить себя написать его имя. А ведь он будет отцом ее внука или внучки.

Хильда снова взяла ручку и добавила: *«Я буду рада встретиться с тобой, если тебе удастся приехать. Или, может быть, я сама приеду на пару дней»*.

И каждое слово причиняло ей боль.

Парикмахер поднял зеркало, а Франческа взглянула на свою новую стрижку и вежливо кивнула. А бывает ли так, чтобы кто-то поступил в подобной ситуации по-другому? Кто-нибудь, посмотрев в зеркало, сказал, например: *«Ой, нет, это совсем не то, что я хотел, разве я вас просил так меня подстричь?»* Вряд ли. Когда ножницы сделали свое дело, ничего уже не исправить.

- Благодарю.

Она подождала, пока парикмахер отстегнет сзади липучки, на которые была застегнута бесформенная цветастая накидка, и вытянула руки, чтобы помочь ее снять.

Наклонившись вперед, Франческа рассмотрела в зеркале свое лицо, поправила несколько выбившихся прядей, нанесла на губы красный блеск, а на кисти рук и на зону декольте - пару капель «Шанель № 5».

Выйдя на улицу, Франческа повернула налево. Подойдя к цветочному магазину соседней, которые жили через три дома от нее, она заметила ручьи воды, которые стекали по дорожке и образовывали грязную пенную лужу. Наверное, здесь недавно мыли окно. Бернард стоял за прилавком и разговаривал с покупателем. Франческа замедлила шаг, проходя мимо, пытаясь среди цветов, выставленных в корзинах на витрине, разглядеть лилии, но не увидела ни одной.

Она свернула в гастроном, который находился сразу за цветочным магазином, вошла и взяла корзинку для покупок. Чудовищно дорогое место, но другой альтернативы, если хочешь купить ту еду, которую хотела Франческа, в Килпатрике просто не было.

Она выбрала немного лимонов, две банки поджаренных красных перцев, кусочки *бискотти*, немного соленых артишоков, кофе, оливки и свежую пасту. У прилавка попросила полкило моцареллы буфалло, дольку фритатты, немного мортаделлы и кусочек горгонзоллы. Франческа знала, что молодой помощник продавца с нескрываемым интересом пялился на ее грудь, пока она рылась в своей сумочке в поисках мелких денег. И просто ради развлечения, выкладывая монетки на прилавок, она наклонилась чуть ниже, чем было нужно, чтобы блузка распахнулась чуть больше и розовый кружевной бюстгальтер стало видно чуть лучше.

Спустившись ниже по этой же улице, Франческа зашла в кафе и заказала эспрессо. Проходя через зал к своему столику в углу, она снова чувствовала, что все взгляды обращены на нее. Люди рассматривали ее, а она и не возражала.

«Два года и шесть месяцев», - подумала она, делая глоток чудесного темного кофе. Лючия тогда была двухлетним малышом, по-детски лепетавшим на итальянском, загоревшим до черноты от того, что бегала почти голой в большом, залитом солнцем саду дома в Пероле, принадлежащего семье Франчески. Лючия плакала, сидя на коленях матери, когда они два года и шесть месяцев тому назад вылетали вместе с Полом из аэропорта Чампино в Риме в аэропорт Шеннон в Ирландии.

Может быть, Лючия, как и все маленькие дети, чувствовала, что теперь все будет по-другому? Что новое назначение Пола, связанное с началом деятельности компании в Ирландии, означало, что им придется покинуть яркую, красочную, солнечную Италию ради серо-зеленого Килпатрика?

Сам Пол вырос в маленькой деревушке в десяти километрах от Килпатрика. Это он предложил основать новое подразделение итальянской компьютерной компании за пределами города, на свободном участке земли рядом с молочным заводом. Он сказал, что здесь ниже ставки за аренду. И уровень зарплат сотрудников ниже, чем в Дублине. При этом недалеко Галвей, где есть университет и, соответственно, выпускники, разбирающиеся в компьютерах, и аэропорт Шеннон, откуда у ирландской «Райанэйр» прямой рейс до Чампино. Его итальянские боссы дали согласие, но при условии, что Пол, будучи местным, сам займется организационными вопросами.

Он был так взволнован, когда Франческа и Лючия прилетели с ним в Ирландию, он так хотел, чтобы они чувствовали себя счастливыми на новом месте, что предпринял все усилия, поднял все старые связи в поисках агентства, которому были нужны переводчики с итальянского языка, и договорился о собеседовании для Франчески. Он старался и для Лючии – нашел няню, предшественницу нынешней помощницы, которая согласилась жить вместе с ними, чтобы у Франчески была возможность заниматься переводами.

И, если быть до конца честной, Франческа сама хотела переехать из Италии. Это место казалось ей спасением после всех ее молитв, здесь она сможет залечить все еще свежие раны и забыть свое горе или хотя бы научиться с ним справляться. Ей нужно было уехать туда, где ничто не напоминало о прошлом. Ей нужно было переждать до того момента, пока она не почувствует в себе силы вернуться. И снова быть счастливой в Пероле.

Когда они уезжали, план был именно таким. Год, максимум полтора, чтобы все заработало, а потом они смогут насовсем вернуться в Италию.

И даже когда все пошло не по плану, когда Пол начал жаловаться на поставщиков, которые нарушали сроки поставок или вообще не поставляли товар, на сотрудников, которые получали от конкурентов предложения с лучшими условиями и увольнялись или не соответствовали тому уровню квалификации, который указывали в резюме, на покупателей, которые требовали снизить цену, иначе они будут закупать продукцию у азиатов, – несмотря на все это, Франческа все равно продолжала надеяться, что когда-нибудь, пусть позже, чем хотели изначально, они вернуться в Перолу.

И чем дольше они жили в Ирландии, тем Перола казалась все дальше, а надежды Франчески казались все более глупыми. Сейчас Лючия начала ходить в школу и уже не хотела говорить с Франческой по-итальянски, ведь все ее друзья говорили по-английски. А те два отпуска, которые Франческа и Лючия провели в Пероле – Пол из-за занятости не смог поехать с ними, он вообще еще ни разу после отъезда не был в Италии, не считая единственной конференции, которая в марте прошла в Риме, – лишь усилили тоску Франчески по дому.

Но почему она чувствовала себя такой одинокой, у нее же есть Пол? Ведь ее тоска по Италии не должна быть такой сильной, когда здесь, в Ирландии, рядом с ней мужчина, который делает для нее и для Лючии все, что только может?

Она закончила пить эспрессо и взяла свою сумку. Может быть, этим летом они с Люцией поедут домой на месяц, а не на две недели, как изначально планировалось. Пол сможет приехать, а если и не сможет, то справится и без них. Марриетта будет ему готовить, ее стряпня уже стала более-менее съедобной – конечно, Франческа и близко не подпускала помощницу к тем продуктам, на которые только что потратила целое состояние. Она решила, что, вернувшись домой, проверит расписание рейсов «Райанэйр» на сайте авиакомпании. Она быстро прошла мимо столиков, на этот раз не обращая внимания на взгляды.

Едва она открыла дверь классной комнаты, из которой был выход прямо на школьный двор, начал моросить дождик. Обычная история. Кармел увидела стайку взрослых, ожидающих детей, и заставила себя улыбнуться – «Всем привет», – а затем начала сортировать детей, который шли за ней следом.

– Джеймс, иди сюда, мама тебя ждет. Робби, пожалуйста, возьми свой ланчбокс. Мэгс, папа ждет. Давай я застегну твою пальто, и не сердись больше на Робби, он больше так не будет, правда, Робби? Джо, поторопись. Ты что, все еще допиваешь молоко? Давай поспеши. Все надели капюшоны. Идет дождь, льет как из ведра, а старик храпит.

И все время, пока она говорила, Кармел краем глаза посматривала на Лючию, которая бегала около пришедшей за ней помощницей по хозяйству. Как ее? Марианна? Мариетта? Выглядела она молодо, ей вряд ли было больше девятнадцати или двадцати. Спит под одной крышей с Полом, может быть, даже в соседней комнате. Лежит ночью в кровати и, наверное, представляет себе, что Пол рядом с ней, а не со своей вульгарной женушкой.

Кармел смотрела, как помощница возилась с пуговицами на плаще Лючии. Она не красивая, даже не симпатичная. Унылая, с тусклыми черными волосами и широким приплюснутым носом. А еще эта дешевенькая стеганая куртка и эти ужасные ботинки.

Кармел потрогала пальцами подвеску. Ей не о чем беспокоиться, эта девушка совсем не в его вкусе. Кармел в последний раз проверила дворик, чтобы убедиться, что ни один ребенок не остался без присмотра, а потом закрыла дверь, дождь продолжал усиливаться.

Прижавшись к стеклу, она услышала, как по окну барабанят капли, и погрузилась в воспоминания о том дне, когда они с Полом встретились впервые. Это было спустя три или четыре дня после начала нового учебного года, Кармел ежедневно атаковали детскими слезами и истериками, да так, что к вечеру каждого такого сумасшедшего дня у нее не оставалось сил, чтобы выдать из себя хотя бы одну фразу. Именно в такой день Пол зашел в класс, ведя за руку Лючию.

Первое, на что Кармел обратила внимание, – был его рост; он возвышался над всеми остальными родителями и был сантиметров на тридцать выше самой Кармел. Она быстро кивнула ему поверх голов своих подопечных и пошла разнимать Фергуса и Робби, которые никак не могли поделить красный карандаш.

– Вижу, вы заняты. – Она посмотрела вверх и увидела Пола, он стоял и улыбался. – Подошел, чтобы представиться. Я – Пол Райан. Я привел Лючию.

Он протянул руку. Кармел взяла его ладонь, почувствовала аромат терпкого парфюма и обратила внимание на хорошо скроенный костюм.

– Кармел Гэннон, несчастная учительница.

Она поймала его взгляд, слыша, что за спиной спор между Фергусом и Робби не только не утихает, но становится все сильнее. Рука Пола была прохладной, а рукопожатие – приятно крепким. Ему, должно быть, около сорока, может, чуть больше. Бойфренду Кармел было двадцать два. Он был неплох в постели, но за ее пределами ничего из себя не представлял.

Пол опустил руку, и она заметила, что его глаза пробежались по ее фигуре – за мгновение до того, как он повернулся в сторону выхода.

Но и этого было достаточно. Бойфренд получил отлуп еще до наступления выходных, а через две недели его место в постели Кармел занял Пол Райан.

Кто сейчас скажет, кто из них сделал первый шаг? Они оба что-то почувствовали друг к другу, вот и все. А все остальное случилось быстро. У Кармел с этим никогда не было проблем.

Она отошла от двери и начала приводить в порядок хаос, царивший в классе. Дни тянулись очень медленно. У нее уже не хватало терпения дожидаться четверга.

– Мама!

Лючия выдернула свою руку из ладони Мариетты и побежала вниз по мокрой улице, капюшон начал понемногу сползать с ее головы.

– Подожди, Лючия. – Мариетта с трудом поспевала за девочкой.

Франческа как раз выходила из кафе, на ходу открывая зонтик. Она остановилась и повернулась, потом чуть присела и вытянула свободную руку, чтобы схватить Лючию, когда малышка до нее добежала.

- Чао, детка. Ты промокла? - Она натянула на голову Лючии капюшон и затем раскрыла зонтик. - Когда идет дождь, нужно надевать капюшон. Хорошо?

Помощница подбежала к ним как раз в тот момент, когда в голосе Франчески прозвучали нотки раздражения.

- Капюшон был надет, но он сполз, когда она бежала.

Франческа держала открытый зонтик над Лючией и над собой и смотрела на дорогу, даже не взглянув на Мариетту.

- Я поняла.

Франческа подняла руку, и появившееся на дороге такси немедленно подъехало к ним и, преодолев небольшую лужу, остановилось.

Франческа подвела Лючию к машине.

- Залезай, детка, - затем повернулась к Мариетте и с улыбкой взглянула на ее промокшие волосы. - Будь так добра, заberi, пожалуйста, одежду из химчистки. Ты помнишь, где она находится? Идешь до конца этой улицы, а потом поворачиваешь налево. - Она отдала Мариетте все еще открытый зонт. - Вот, это не даст тебе промокнуть, - потом порылась в сумочке и достала зеленую квитанцию и купюру в двадцать евро. - Этого должно хватить.

Когда такси отъехало, она повернулась к Лючии.

- А теперь, *cara*, расскажи мне, как прошел твой день.

И ни Франческа, ни Лючия даже не взглянули на Мариетту, насквозь промокшую, идущую по направлению к химчистке, держащую в одной руке зонт, а другой дрожащей от холода рукой сжимающую деньги и квитанцию.

Она раздраженно шлепала по лужам и не обращала внимания на то, что ее джинсы намокли уже до колен. И естественно, сегодня ей взбрело в голову выйти с распущенными волосами, хотя всем остальным было понятно, что снова пойдет дождь. Ну и пусть, пусть ее волосы свисают, как крысиные хвостики, это, в конце концов, ее личное дело. А дома ей еще придется целый час потратить на то, чтобы их высушить, придется позвонить Ребекке и все отменить.

Прекрасно. Великолепное завершение дерьмового дня.

И конечно, ей не хватило краски, чтобы закончить красить стену, не хватило совсем чуть-чуть. А это значит, что до пятницы придется зайти в хозяйственный магазин и купить целую банку краски этого ужасного цвета, чтобы закрасить оставшуюся часть стены.

За ужином отец снова жаловался на Пэм.

- Я уже говорил ей про лук, тысячу раз. Она это специально делает.

Мэй еле сдержалась, чтобы не взять тарелку с сосисками и не швырнуть прямо в него. А лучше не так, лучше разбить ее об его голову, а он пусть потом сам себя чистит.

Ее рука непроизвольно потянулась к шее, а там ничего не было. Глаза наполнились слезами. Как это глупо. Это была всего лишь подвеска, и Мэй даже не знала, кто ее прислал. Она со злостью вытерла слезы.

Джуд, неприветливая, как обычно, была уже дома. Нет, ее мама сегодня работает допоздна. Нет, она ничего не говорила о подвеске. Да, она ее спросит, когда та вернется. Розовая ракушка на золотой цепочке, все ясно. Их разговор на пороге дома длился около минуты, Джуд все это время что-то жевала, а ее взгляд остановился где-то на уровне подбородка Мэй. Джуд закрыла дверь раньше, чем Мэй успела развернуться. Какая невежа.

В доме, где Мэй мыла окна, никого не оказалось, а снаружи не было никаких следов

подвески.

Мэй потянула Джоджо за поводок, поскольку пес застрял сзади, увлеченно обнюхивая что-то.

- Давай поднажми.

Как могло так случиться, что Терри забеременела? Это было несправедливо. Это Мэй должна покупать крошечные вещи, выбирать имя, зачеркивать дни на календаре. *«На ее месте должна быть я»*. Еще больше слез полилось из глаз, она даже не пыталась их вытирать, они просто текли по ее лицу вперемешку с каплями дождя. *«Он любил меня, я это точно знаю. Если бы только она оставила нас в покое...»*

Она сердито топнула ногой по другой луже и вдруг из ниоткуда раздался мужской голос:

- Эй, аккуратнее.

Мэй подняла глаза, и голос превратился в черные ботинки, выцветшие джинсы, кожаную куртку с поднятым воротничком и мокрые светлые волосы, почти такие же мокрые, как волосы Мэй. В форме он выглядел иначе. На его ресницах блестели капельки воды. Поравнявшись с Мэй, он улыбнулся.

- Я уже и так достаточно промок, а тут еще вы меня окатили.

- Прощу прощения. - Она обнаружила, что улыбается в ответ, настроение у нее стремительно улучшалось. - Я не думала, что кого-то встречу.

Пожалуйста, пусть он не заметит слезы. Пусть он подумает, что это дождь.

- Я знаю, нам обоим не мешало проверить наши головы. - Джоджо обнюхивал его ноги, а он наклонился и погладил мокрую голову пса. - Эй, приятель, думаю, тебе пора отвести домой эту юную леди. Мы же не хотим, чтобы она подхватила воспаление легких, правда?

Капли свисали с кончиков его волос. Мэй почувствовала запах кожи.

Он выпрямился, а затем поднял руку.

- Берегите себя, Мэй.

И он ушел, быстро пройдя мимо нее и исчезнув за углом, пока она тянула Джоджо за поводок в противоположном направлении.

Впервые он назвал ее Мэй. А она понятия не имела, как зовут его. Ее кожа покрылась мурашками. Господи, она, наверное, выглядела как мокрая крыса. Каждый раз, когда они встречаются, она похожа надохлую мышшь.

«Мы же не хотим, чтобы она подхватила воспаление легких».

Ночь только начиналась. Если она поторопится домой, то у нее есть шанс успеть к Ребекке.

Она положила в корзинку бутылку бургундского и сверилась со списком. Шоколад в учительскую - ее очередь, утиный паштет и крекеры - а вот это уже было не для учительской. И, конечно, вино. И сыр, ей нужно купить бри, Пол его упомянул в прошлый раз.

И, возможно, немного темного шоколада, но это на потом.

Кармел так нравились перекрашенные стены на кухне, она была так рада, что послушала свой внутренний голос и выбрала этот оттенок охры вместо карамельного оттенка, который советовала Пэм. Жаль, что еще не все было завершено, но все равно Мэй отлично поработала, сделав все красиво и аккуратно.

Интересно, оценит ли ее выбор Пол или даже не заметит разницу? Мужчины зачастую такие невнимательные, и, кроме того, в четверг его голова будет занята совсем другим.

На кассе Кармел порылась в сумке, ища монетку в пятьдесят центов, она не хотела разменивать десятиевровую купюру, но потом, когда уже расплатилась, вспомнила, что забыла взять с собой сумку для продуктов, и ей все же пришлось разменять купюру, чтобы купить пластиковый пакет. Все это время кассирша смотрела на Кармел недовольным взглядом.

И возможно, от того, что в очереди за ней уже стояло три или четыре человека, или от того, что все ее мысли были только о предстоящем четверге, или от того, что ей не терпелось поскорее добраться до дома и снять туфли, а может, и от всего сразу она не заметила, как ее подарок соскочил с шеи и приземлился на пол рядом с кассой, превратившись в розово-золотистую кучку.

Лишь третий покупатель заметил эту кучку и передал ее Марджори О'Ди, которая стояла за кассой, а Марджори взяла ее и положила на полку, прикрыв своей сумкой. К этому времени машина Кармел, покинув парковку супермаркета, уже проделала большой путь.

И только поздно ночью, когда Кармел начала раздеваться, она обнаружила пропажу подвески. Кармел вытряхнула халат, обыскала комнату, потом лестницу, потом гостиную, где до этого читала газету, потом с фонариком прошарила всю машину. Черт, черт, черт.

Когда она видела подвеску в последний раз? Кармел вспомнила, как Изольда восхищалась цепочкой, это было в учительской... Господи, да подвеска же может быть в любом месте: в классе, в учительской, на школьном дворе, где угодно.

Черт. Пол захочет посмотреть на нее, когда утром приведет Лючию, а ее на Кармел не будет.

Супермаркет. Она могла потеряться там? Во сколько открывается магазин? Если подвеску нашли там, Кармел сможет ее забрать по дороге на работу. Если нет, то ей просто нужно обыскать все возможные помещения в школе. Она попросит детей поискать в классе, превратив это в игру. *Черт.*

Внезапно Кармел вспомнила, что после работы встречается с Пэм – это хорошо, к этому времени ей наверняка будет необходимо что-нибудь выпить. Кармел сняла халат и откинула покрывало.

Конечно, все это происходило намного позже того, как Марджори О'Ди вернулась домой после смены в супермаркете, открыла сумку и сказала Джуд, своей восемнадцатилетней безработной дочери:

- Посмотри, что я нашла сегодня на работе. Это тебе.

А она вспомнила, как сегодня, пока Ма была на работе, заходила женщина, которая убиралась у них дома. Джуд подумала: «Значит, она это не здесь потеряла. Странно, как так получилось, что Ма это нашла». Джуд протянула руку и сказала:

- Да, миленькая штучка.

Он протащил мусорный бак через весь дом, по заранее постеленным газетам, и поставил у выхода, чтобы утром его забрали. Мусорный бак мистера Кеннеди уже стоял наготове, а на нем кривыми, толстыми черными буквами было написано ТК. Том? Тимоти?

Пэдди вернулся в дом, стряхивая с волос капли воды. Диск группы «Хорслипс» закончился, поэтому Пэдди нажал кнопку «извлечь». На часах была половина одиннадцатого, а за окном – дождливая ночь вторника.

Он попробовал представить, чем сегодня вечером могла заниматься Хлое. Наверное, собирала дождевую воду. У нее была привычка мыть волосы дождевой водой, а потом ждать, пока они сами высохнут. И они всегда были восхитительно мягкие и пахли ароматом мятного шампуня, которым она пользовалась.

Забавно, он уже много месяцев не вспоминал о Хлое. Интересно, почему мысли о ней вернулись к нему именно сегодня.

У Мэй волосы были длиннее и гуще, чем у Хлое. А когда на них падали солнечные лучи, они по цвету становились похожи на ириски, иногда она заплетала их в толстую косу, а в остальное время носила распущенными, и они закрывали ее плечи.

Он достал из коробки диск Эрика Клэптона, поместил его в проигрыватель и включил музыку. Вернулся к дивану, взял газету с уже начатым кроссвордом.

Ему бы хотелось взять в руки волосы Мэй. Зачерпнуть целую горсть ее волос и зарыться в них лицом.

«Я стою на перекрестке, – пел Эрик Клэптон. – Пытаюсь прочитать знаки, чтобы понять, в какую сторону пойти, чтобы найти ответ».

«Не ты один, приятель», – подумал Пэдди.

– О нет, она не могла потеряться. – Она налила чай в обе чашки.

– Получается, могла. – Мэй добавила молоко. – И определенно, потерялась.

Она поднесла чашку к губам, отхлебнула светло-коричневую жидкость.

– Но где ты ее видела в последний раз?

– Я тебе уже сказала – когда надевала ее вчера утром. А заметила, что ее нет, только когда собралась лечь спать.

– Может, еще найдется. – Ребекка подула на чай, а потом сделала глоток. – Ты везде искала?

Мэй кивнула.

– Еще бы. Нигде нет. – Она снова отпила из чашки. – Слушай, а ты не забыла про воскресенье? Вечеринка в честь великого дня рождения.

– Господи, конечно, нет. – Ребекка макнула печенье в чай. – Но ты помнишь, что я работаю в воскресенье и не смогу прийти раньше шести вечера?

– И отлично. – Мэй подождала, пока поутихнет ее пульс, и затем сказала: – Угадай, с кем я сегодня столкнулась на улице, когда шла к тебе.

Печенье с капающим с него чаем застыло на полпути в воздухе.

– С кем?

– Угадай.

Ребекка задумалась.

– Поскольку ты покраснела, как свекла, речь, должно быть, идет о нашем любимом почтальоне. И он в этот момент, видимо, не выполнял свои служебные обязанности, так?

Мэй засмеялась.

– Да, он просто вышел погулять под дождем, так же как и я. – Она замешкалась. – Он назвал меня Мэй, впервые обратился ко мне по имени.

– Ну что же. – Ребекка прожевала свое печенье. – Колоссальный прорыв, я бы так это назвала.

Мэй взяла свою чашку.

– Я знаю, ты считаешь это нелепым...

– Именно так и считаю.

– ...и я знаю, что должна что-то с этим делать, но я просто не могу. Давай подождем и понаблюдаем, хорошо?

Ребекка хотела что-то сказать, но потом остановилась. Она снова окунула печенье в чай.

- Мэй, сколько времени прошло? Три года? Больше?

- Я знаю, знаю...

- Жизнь продолжается. - *Шмяк*, и намокший кусок печенья, не дотянув полдороги до ее рта, шлепнулся в чашку.

- Я это знаю, просто... - Мэй смотрела, как Ребекка вылавливает свое печенье, а потом, как будто только что вспомнив, добавила: - Чуть не забыла, у меня же есть новости про Джерри.

Среда

Сухая погода установилась почти на всей территории страны, особенно солнечно на западе, ночью будет сухо и тепло. Температура воздуха – от 18 до 22 градусов.

Эти ужасные громохания заставили его проснуться. Проклятые мусорщики, среди ночи развели шум, стук и грохот. Филип был уверен, что они нарочно так громко шумят, чтобы все в округе наверняка проснулись. Вот такое у них развлечение.

В старом доме, когда вывозили мусорные баки, не было слышно ни звука, ведь дом находился в узком тупике, где грузовику было не развернуться. Поэтому по четвергам жители сами выкатывали свои мусорные баки до дороги, а уж с этого расстояния ничто не тревожило их сон посреди ночи. Тут же совсем другая история – дом стоит на самой дороге, и грузовик останавливается прямо напротив.

Филип повернулся на другой бок, зная, что заснуть уже не получится. Когда он был моложе, у него был такой крепкий сон – Эйдин была уверена, что Филип притворялся, будто не слышал, как дети плакали по ночам. А теперь его будил малейший шум, а раз проснувшись, он уже и не пытался заснуть снова.

И еще, как обычно, у него замерзли ноги. За окном середина лета – хотя по погоде так не скажешь, – а его ступни холодные как лед.

Филип тяжело вздохнул. Столько испытаний приходится переносить. Какой сегодня день недели? Когда больше не работаешь и нет необходимости заранее составлять план на неделю, так сразу и необразишь. Не сказать что работа на государственной службе очень вдохновляла Филипа, но ему хотя бы не приходилось заглядывать в газету, чтобы определить, какой сегодня день недели.

Потом он вспомнил: день, когда собирают мусор. Среда.

Грузовик отъехал, грохот стал тише, и Филип стал прислушиваться, чтобы разобрать, стучит ли дождь по крыше. Вчера вечером лило так сильно. Мэй после прогулки с собакой вернулась домой вся мокрая, как водяная крыса. И все потому, что вышла на улицу без капюшона и без зонта. А потом, толком не дождавшись, пока высохнут волосы, помчалась на велосипеде к Ребекке. Как будто они не наговорились по телефону. Теперь Мэй наверняка простудится и сляжет на пару дней. Повезет, если не подхватит воспаление легких.

Филип не смог услышать ни малейшего стука по крыше – наверное, ночью дождь прекратился. Но на улице все равно еще сыро.

Его смущал образ жизни дочери, эти ее разнообразные работы. Что плохого в том, чтобы, как все нормальные люди, работать на одной работе? Зачем она решила стать чернорабочей, убираться в чужих домах, красить чужие стены, выдергивать чужие сорняки и выгуливать чужих собак? Женщина не должна так жить. И разве ей могло это нравиться?

По словам Мэй, ей-то это как раз нравилось. Когда Филип только к ней переехал, то не оставил без внимания тот факт, что у нее нет нормальной работы, и задал вопрос, не собирается ли она найти работу, похожую на ту, которая была у нее, когда она работала у доктора Тейлора. Но Мэй лишь рассмеялась и заверила, что ей нравится то, чем она занимается, что сейчас она зарабатывает больше и встречается с большим количеством людей, чем тогда, когда торчала в каком-то офисе. Однако Филипу это все равно показалось нелепым.

А потом, несколько месяцев назад, Мэй сказала, что у нее появилась новая работа. Сказала, что будет в течение месяца работать по четвергам в первой половине дня у какого-то мужчины, чей сад нужно привести в порядок.

– Меня ему на день рождения подарила его сестра, – объяснила Мэй. – Она мне заплатила за четыре недели вперед. Она говорит, что он совершенно не знает, что нужно делать с садом, и ни разу к нему не прикоснулся с тех пор, как купил дом.

По мнению Филипа, то, что кто-то заплатил Мэй за то, чтобы она стала чьим-то подарком

на день рождения, было просто ненормально.

- И что же он на это ответил?

- Полагаю, что он был в восторге. Я с ним еще не встречалась.

Больше к этой теме они не возвращались, и Филип уже успел все забыть, пока спустя время Мэй снова не сказала, что утром в четверг работает в саду.

Филип посмотрел на дочь.

- Ты сейчас не про тот сад, что был кому-то в виде подарка на день рождения? Ты же там уже не работаешь? Я думал, ты собиралась там работать лишь несколько недель.

Мэй кивнула.

- Вначале мы так и договорились. Но потом, когда месяц подошел к концу, он оставил мне записку, где попросил продолжить работу. Теперь он сам мне платит. - Она улыбнулась. - Изольда, его сестра, как раз на это и надеялась.

- И сколько лет этому мужчине? - Филип представил, что это мужчина в возрасте, может быть, даже вдовец, как и он сам.

Мэй подумала.

- Ему, наверное, как и мне, чуть больше тридцати. Я знаю, что Изольда младше него, а ей как раз около тридцати.

Филип нахмурился, перебарывая услышанное. Значит, какой-то незнакомый молодой мужчина платит Мэй за то, чтобы она каждую неделю приходила в его дом. Филип начал задумываться, насколько это все прилично.

- Этот мужчина, он что из себя представляет?

Мэй снова улыбнулась.

- Понятия не имею, я никогда с ним не встречалась. Когда я прихожу, его нет - он на работе. Он, кажется, плотник.

У этого парня хотя бы есть ремесло. И, когда она приходит, его никогда нет дома - значит, он не замышляет ничего коварного. Хотя все это, конечно, очень странно - несколько месяцев работать на того, с кем до сих пор ни разу не встречалась. Приходить к нему домой, каждую неделю ухаживать за его садом, брать у него деньги и никогда лично с ним не встречаться.

Жаль, что Мэй ни разу не была замужем. Из нее получилась бы хорошая жена, даже несмотря на то что ее стряпня и в подметки не годилась тем кушаньям, которые готовила ее мать. Но Мэй так не повезло связаться с этим сомнительным типом, который в итоге женился на дочери Хильды. Какой позор. Филип, когда приключилась вся эта история, так переживал за Мэй.

Он смотрел, как она плакала в объятиях матери, и старался держаться на расстоянии, он совершенно не знал, что нужно говорить, а что, наоборот, не нужно. Мужчины так беспомощны в подобных ситуациях. Ну или, по крайней мере, он беспомощен. Он никогда не умел рассуждать о чувствах, всегда испытывал неловкость, когда люди проявляли свои эмоции подобным образом. Он предпочитал действовать, а не разглагольствовать. И он, не задумываясь, разобрался бы с этим парнем.

Но Эйдин не позволила ему это сделать.

- Нравится нам или нет, но он выбрал Терри, - сказала она. - И Терри - член нашей семьи. Вспомни, как Хильда всегда хорошо относилась к Мэй. Поэтому давай просто оставим это и позаботимся о Мэй.

И Филип позаботился так, как мог, выплатив первоначальный взнос за дом Мэй. Январским днем, когда Мэй переехала, он с Ребеккой, каждый на своей машине, перевезли коробки и чемоданы из квартиры, которую Мэй снимала, в новый дом.

Когда все вещи были перевезены, Филип в комнате, которую Мэй выбрала под спальню, собрал для дочери новую кровать, а Ребекка в это время разбиралась с камином в гостиной, так как предыдущие хозяева не оставили ни грамма средства для его розжига.

Мэй мыла полы и разбирала коробки с теми вещами, которые ей потребуются в первое время, а Эйдин сражалась на кухне с походной газовой плиткой. А потом они все вчетвером сидели на раскладывающихся креслах у камина – красный диван к тому моменту еще не был куплен – и поднимали за переезд чашки с чаем и закусывали сосисками с фасолью.

– Прямо как в походе, – сказала Мэй, хотя они никогда не выбирались в походы. В свете камина она выглядела радостнее и гораздо счастливее, чем все последние недели, и Филип надеялся, что благодаря переезду у нее не останется времени думать обо всем, что произошло.

Сам он никогда бы не выбрал этот дом – такая узкая лестница, и ни одной ровной стены, что сразу бросалось в глаза. Три спальни, но третья такая крошечная, что там и для ребенка места мало. И нет ванны, только душ. Зачем тогда называть ванную комнату ванной комнатой, если там нет ванной? Может, для Мэй все это и было нормальным, но для Филипа – нет. Он никогда не любил принимать душ, считая это гадостью и дикостью. А стоять на скользком полу для человека в его возрасте просто опасно.

Хорошо, что он не умел предвидеть будущее. Хорошо, что никто тем вечером не отвел его в сторону и не сказал, что меньше чем через два года его жены не станет, а после ее смерти ему с каждым днем будет становиться все труднее жить одному.

И хорошо, что в тот момент он не догадывался, что очень скоро ему придется принять предложение Мэй и переехать жить в дом, который ему и даром был не нужен. Сначала он настаивал на том, что переедет в дом престарелых, хотя в душе очень этого боялся, но Мэй была непреклонна.

– Естественно, ты переезжаешь ко мне. У меня что, комнат недостаточно? Мы с тобой и встречаться не будем.

Достаточно комнат – в этом-то простеньком домишке, в котором ему никогда не нравилось. Но выбора не было, ему пришлось перебраться сюда и стать обузой для Мэй. Осознание этого факта приводило Филипа в дикую ярость.

Он повернулся к окну и увидел, как сквозь шторы проникает солнечный свет. Это солнце? Похоже на то. Хотя вчерашний день тоже хорошо начинался. Возможно, сегодня повезет больше и солнце продержится до обеда.

Филипу захотелось в туалет. Он сбросил одеяло, сел и с трудом выбрался из кровати, чтобы начать очередной бесполезный день.

Она сняла кастрюлю с плиты, ложкой достала из воды два коричневых яйца и поместила их в специальные стаканчики.

Джек зашел на кухню, когда она резала хлеб. Он плюхнулся на стул и погладил ту ее руку, в которой не было ножа.

– Ты хорошо спала сегодня? Мне показалось, ты ворочалась.

Пэм опустила на него взгляд – мужу не мешало бы подстричься.

– Нет, я спала прекрасно. Похоже, сегодня будет отличный денек.

Окно было залито лучами солнца, которые, отражаясь в лезвии ножа, превращались в солнечных зайчиков. Джек посмотрел, как она достала из тостера два готовых куска хлеба и положила туда два других.

– Спасибо, сладкая моя. – Он намазал один тост маслом и разрезал его по диагонали. Затем срезал верхнюю часть яйца, посолил его и окунул в желток уголок тоста. Принявшись есть, он поймал ее взгляд и подмигнул. Пэм улыбнулась в ответ, подняла чайник и налила чай им обоим.

Джек продолжил есть яйцо.

- Есть планы на вечер?

Повисла пауза, после чего Пэм ответила:

- Вообще-то я встречаюсь с Кармел, мы договорились выпить по чашечке кофе, поэтому не уверена, что вернусь домой раньше тебя.

Она принялась наливать себе в чай молоко, не отводя взгляда от тоненькой белой струйки.

Джек кивнул, продолжая жевать.

- Ясно, - затем, проглотив, сказал: - И где теперь в этом городе делают хороший кофе?

Он положил сахар в чашку и принялся его размешивать.

Пэм взглянула на мужа, ее рука все еще держала пакет молока.

- Я еще не знаю, мы встречаемся в супермаркете, а потом решим, куда пойдём.

Она отрезала кусок масла и начала намазывать его на тост.

- В «Теско»? - Джек все еще продолжал помешивать свой чай. Сахар должен был уже давно раствориться. - Вы встречаетесь в «Теско»?

Пэм кивнула. Тосты выскочили из тостера, и она быстро встала, вытащила их и положила оба на тарелку Джека.

- Скорее всего, я вернусь раньше тебя, просто на всякий случай предупредила.

Он откусил кусок тоста и начал жевать, не отвечая. Примерно через минуту он изрек:

- Раз уж ты собираешься в «Теско», купи мне там, пожалуйста, пену для бритья. Моя почти закончилась.

- Конечно.

Она очистила верхнюю часть яйца, но есть его не стала. Потом разрешила пополам свой тост, откусила крошечный кусочек и тоже не стала есть.

Джек это заметил.

- Почему ты ничего не ешь?

Она покачала головой.

- Просто не хочу. - Пэм взяла чашку и сделала глоток. - Ничего страшного. - Ее рука слегка подрагивала. На кухне воцарилась тишина.

Когда Джек ушел наверх, чтобы побриться, Пэм выбросила свой завтрак в мусорное ведро и застыла около раковины, глубоко дыша и стараясь побороть приступ тошноты. Напряжение, которое возникло в желудке, когда она солгала мужу, не проходило. Пэм легко могла представить его реакцию, если бы сказала, что встречается с Кармел в маленьком баре рядом со школой. Теперь ей из дома Мэй придется идти в «Теско», а это совершенно в другой стороне. Она, вероятно, опоздает на встречу с Кармел. Как минимум на десять минут.

Пэм не сообщила Джеку о ребенке. Она была беременна их первенцем и до сих пор не сообщила об этом мужу. Она ничего ему не сказала, потому что думала сделать аборт: она просто боялась принести ребенка в этот дом.

Полная отчаяния, она склонилась над раковиной и услышала, как Джек спускается по лестнице. Ради всего святого, что же ей делать...

Она сидела, подперев рукой подбородок, и наблюдала за тем, как пылинки танцуют в

солнечных лучах, проникших на кухню, а незаконченный список покупок лежал напротив нее на столе. Прекрасный день, настоящее начало лета. В следующие несколько месяцев предстоит много работы в саду. Она добавила в список *корм для птиц*. Не очень-то правильно поставить в своем саду красивый столик для птиц и ничего туда для них не класть...

В нижней части списка она набросала фигурку из палочек и сверху пририсовала фуражку почтальона. Ребекка была права: глупо ждать, что он сделает первый шаг. Но одна мысль о том, что ей нужно что-то предпринять, безумно пугала Мэй. Она добавила к списку сначала виски, а затем *джин*. Хильда любит джин. Мэй написала: *тоник* и лимон.

Сегодня утром папа был вполне сносным. Впервые она не забыла принести соль. Может быть, завтра для разнообразия он захочет хлопья. Мэй приготовит ему что-нибудь вкусное, с добавлением ягод. Она записала: *хлопья*.

Она услышала, как поворачивается ключ во входной двери, и, поднимаясь, крикнула:

- Доброе утро.

Пора бежать к Ребекке.

- Доброе утро, Мэй. - Пэм зашла, снимая на ходу пиджак. - Сегодня прекрасный день, не то что вчера.

- Замечательный. Я составляю список покупок для воскресного ужина. Включила в него лосось, по-моему, это отличная идея. Как думаешь, какие овощи сочетаются с лососем?

Мэй ехала на велосипеде к Ребекке и думала: «Пэм сегодня была бледной. Надеюсь, ей не слишком тяжело приходится с папой».

Мэй не представляла, что будет делать, если Пэм решит уйти. Возможность выходить каждый день из дома была спасением, а Пэм оказалась такой надежной и умелой.

Мэй надеялась, что муж Пэм, этот красавчик, понимает, как ему повезло.

Мама Лючии только что покинула магазин с букетом лилий. Бернард подумал о том, как же подходят элегантные бежевые цветы к не менее элегантной Франческе, и в этот момент зазвонил телефон. Бернард виновато улыбнулся женщине, которая только что вошла в магазин:

- Одну минутку, - и снял трубку. - Цветочный магазин «Власть цветов», чем могу помочь?

- Это ты, цветочный гомик? - Высокий голос звучал приглушенно, было трудно разобрать, что говорят.

Бернард подумал, что ослышался:

- Прошу прощения?

- Повторяю: это ты, грязный цветочный гомик? - Теперь уже не так приглушенно, слова были произнесены умышленно медленно, так обычно разговаривают с не очень сообразительными собеседниками. Каждый слог был произнесен оскорбительно четко. А на заднем плане слышался странный шум, похожий на сдвленный смех.

Бернард почувствовал, как внутри у него похолодело. Он отвернулся от покупательницы и тихо сказал:

- Кто это?

Он чувствовал, как бьется пульс в горле. Лицо покрылось потом.

- Это убийца гомиков, - монотонно произнес голос, - который придет за тобой. - Так дети обычно рассказывают стишок. - Ты, грязный *педик*.

Последнее слово было сказано с такой злобой, что это уже совсем не было похоже на

детский стишок.

- Ты, пидор, ты...

Бернард убрал трубку подальше от уха и прервал разговор, а затем выключил сам телефон. Потом он повернулся к покупательнице, моля бога, чтобы ему хватило сил устоять на ногах.

После того как женщина ушла – заметила ли она, что что-то случилось? – он повесил на входную дверь табличку с надписью «Вернусь через пять минут», повернул ключ и пошел в подсобку, где рухнул на потрепанный старый диван, закрыв голову руками. Кто это делал? Почему именно его выбрали жертвой? В этом голосе было столько злости – кто бы это ни был, этот человек его ненавидел. Бернарда трясло, руками он продолжал закрывать лицо, а пульс не переставал колотить в голове.

Шесть лет он управляет цветочным магазином, с тех пор, как его родители решили пораньше уйти на пенсию, и за все время, не считая двух последних месяцев, не было никаких проблем. Все его детство прошло в Килпатрике, а в магазине он начал подрабатывать, еще будучи подростком, поэтому он прекрасно знал многих своих покупателей, был он знаком и с парочкой людей, которые ни за что бы не пришли сюда за цветами, но раньше никто его так не доставал.

За последние несколько лет Килпатрик сильно преобразился. После того как рядом с городом проложили шоссе, стало доступно сообщение с Галвеем, и несколько крупных застройщиков начали строительство на окраине города, чтобы удовлетворить неожиданно возникший спрос.

Может, это кто-то из тех, кто недавно переехал в Килпатрик? Переехал, узнал про флориста-гея и решил над ним посмеяться?

В своем родном городе Бернард никогда открыто не демонстрировал свою ориентацию. Когда ему было чуть за двадцать, он обо всем рассказал родителям, и они отреагировали очень плохо, особенно мать, но в итоге им пришлось с этим как-то смириться. Он иногда задумывался о том, что, возможно, их решение так рано уйти на пенсию и оставить магазин сыну было как-то связано с его признанием. Теперь они виделись раз в месяц, когда он навещал их, разумеется, без Шона. После переезда Шона они вежливо отказывались приезжать в гости, и Бернард с уважением относился к их чувствам.

Бернард всегда старался не давать им лишних поводов для переживаний. Когда он жил вместе с ними, то ездил в Галвей и находил там все, что ему было нужно. И даже после переезда в свой собственный дом он продолжал оставаться очень осторожным, особенно если кто-то оставался у него на ночь. Но это было до появления Шона, чей переезд все изменил.

Бернард до сих пор улыбался, когда вспоминал, как они с Шоном познакомились в Бостоне. Как он сидел в ресторане и старался, чтобы никто не заметил, как он *пялится* на Шона, который, со своими прекрасными глазами, ленивой улыбкой, волосами и скулами, без сомнения, был самым красивым мужчиной, которого когда-либо встречал Бернард. Господи, почему одним достается все?

Шон был в компании мужчины и женщины, которые, очевидно, были парой. Так что красавчик был один. Накручивая на вилку пасту, Бернард заметил, как официант, принеший им какие-то напитки синего цвета, строит глазки Шону. Компания много смеялась. У Шона, естественно, были идеальные зубы и идеальные ямочки на щеках. Повинуясь импульсу, Бернард заказал еще одну бутылку белого вина. Что за черт? В конце концов, он в отпуске.

Минут через десять к троице присоединился четвертый – пожилой мужчина, который обнял каждого из этих троих и затем сел напротив Шона. Его кавалер. *Добренький сладенький папочка, который, наверное, за всех платит.*

Бернард почти угадал, окрестив его папочкой. Отец Шона встречался за ужином с сыном, дочерью и зятем. Как впоследствии выяснил Бернард, отец Шона совершенно спокойно относился к тому, что его единственный сын был геем.

К половине второй бутылки Бернард уже находился в состоянии приятного опьянения. Он оплатил счет и оставил достойные чаевые. Проходя мимо стола, за которым сидела четверка, он изо всех сил старался не смотреть в их сторону.

И он прошел бы мимо, если бы снова какой-то сумасшедший импульс – или просто последний выпитый бокал вина – не заставил остановиться и произнести:

– Простите за беспокойство, но мне хотелось спросить, что это за напиток синего цвета, который вы сейчас пили? Он выглядит очень необычно.

Говоря, Бернард старался не смотреть на Шона, а пытался по очереди обращаться к каждому из них, а они повернулись и смотрели на него.

– Вы ирландец.

Бернард увидел улыбку на прекрасном лице Шона. На Шоне была зеленая рубашка, которая идеально подходила к его глазам.

Бернард улыбнулся в ответ, стараясь вести себя непринужденно и надеясь, что его улыбка тоже выглядит естественной, а не похожа на свирепую гримасу.

– Именно так.

– Присоединяйтесь к нам. – Шон уже оттащил стул от соседнего столика. – И вы сможете тогда выпить напиток синего цвета.

Не обращая внимания на Бернарда, который начал: «Ой нет, не нужно, я просто...», Шон повернулся к пожилому мужчине:

– Пап? Повторить? – И когда отец кивнул, он подозвал проходившего мимо официанта и заказал четыре «Кюрасао» и сухой мартини.

Бернард сел за их столик, снова подумав: «Ну а что такого?» Он провел в Бостоне уже три недели, и если не считать два дня, потраченные на изучение картинной галереи и отдела уцененных товаров, то это пребывание начало ему порядком надоедать, и он уже подумывал о том, чтобы поменять обратный билет.

Вчетвером они провели в ресторане еще два часа, отец Шона ушел раньше, после того, как съел свою паэлью. Уходя, он пожал Бернарду руку, сказал, что ему было приятно с ним познакомиться, и пожелал хорошо провести время в Бостоне. Бернард очень старался говорить членораздельно, хотя его голова была занята мыслями о том, какой восхитительный аромат у лосьона после бритья, которым пользуется Шон.

Утром Бернард проснулся в одиночестве, он лежал в нижнем белье, голова его раскалывалась, мучила свирепая жажда. Он узнал бежевые стены своего гостиничного номера и попробовал воспроизвести события прошлой ночи.

Все было как в тумане. Бернард с трудом вспомнил, что пытался объяснить зятю Шона положение дел в Северной Ирландии... Кто-то упомянул группу «Ривердэнс»... Бернард рассказал им про цветочный магазин – его сестра вроде интересуется садоводством или нет? Или она любит собирать цветы?

А как он вообще попал сюда? Он приехал на такси? Это водитель что-то ему рассказывал про Камень Красноречия? Или кто-то другой?

Бернард осторожно повернул голову и увидел свои вещи, аккуратно сложенные на стуле. Он снял телефонную трубку и сделал заказ: две бутылки «перье», яйца с беконом, поджаренные ломтики ржаного хлеба и много кофе. А когда он осторожно вылез из ванной комнаты, то увидел записку, наполовину спрятанную под его рубашкой. *«Надеюсь, ты не возненавидел до конца жизни напитки синего цвета. Спасибо за то, что составил нам компанию. Было весело».* Записка была подписана именем Шон, еще там был указан телефонный номер. Значит, вчерашний красавчик был здесь, в этой комнате. А Бернард совсем ничего об этом не помнил.

Он заставил себя выждать три часа, в течение которых долго ел свой завтрак, принимал обжигающе горячую ванну и ходил бриться в парикмахерскую отеля, и в его случае это

вовсе не было расточительством, так как руки тряслись без остановки.

Когда он наконец набрался смелости, чтобы позвонить, то услышал на том конце радостный голос Шона, который произнес следующее: «Привет, к сожалению, я не могу ответить на ваш звонок, оставьте, пожалуйста, сообщение». Бернадд замешкался, так как был не готов к такому повороту. Что сказать? Может, предложить встретиться? А вдруг через автоответчик Шон намекает, что уже сожалеет об оставленном Бернадду номере?

Но потом он решил, что терять ему нечего: если Шон не перезвонит, то Бернадд просто больше никогда его не увидит. Через восемнадцать дней он вернется в Килпатрик, а прошлая ночь останется лишь приятным воспоминанием.

Кроме того, Шон все-таки *оставил* ему свой номер.

Бернард будет говорить запросто, без утайки.

- Привет, это Бернадд, мы познакомились вчера вечером в ресторане, я звоню, чтобы...

- Привет. - На другом конце сняли трубку. - Извини, я подстраховался. Столько чокнутых называются.

Бернард улыбнулся.

- Значит, я прошел проверку?

Он услышал восхитительный смех.

- Ну пока да. Но, думаю, мне понадобится больше времени, чтобы решить наверняка. Как голова?

Вот так все и закрутилось. Они встретились, когда Шон закончил работу в «*Бостон телеграф*», отправились поесть пиццу в крошечный итальянский ресторанчик, потом в каком-то парке слушали джаз, а затем заглянули в душный, переполненный бар, чтобы пропустить пару кружек холодного пива. А в завершение вечера они вернулись в гостиничный номер Бернадда.

И с этого все началось.

Бернард поднялся с дивана, подошел к телефону и включил его. Зачем потворствовать какому-то больному психу, которому нравится запугивать людей? С собой он такого не позволит. Если будет еще такой звонок, он просто повесит трубку. Сегодня вечером он все расскажет Шону, и они вместе посмеются над местными идиотами.

Камеры наружного наблюдения будут установлены до конца недели. Конечно, они не защитят от оскорбительных телефонных звонков, но, с другой стороны, что ему может сделать человек, звонящий по телефону?

Бернард снял табличку с надписью «Вернусь через пять минут», отпер входную дверь и принялся ждать покупателей, которые зайдут во время обеденного перерыва.

Она стянула с себя джемпер, почувствовав, что на футболке под мышками образовались влажные пятна. Такая жара сегодня - наверное, самый жаркий день в этом году. И то, что Пэм практически бегом пробежала расстояние в полкилометра между супермаркетом и пабом, ничуть не помогло.

На сколько она опоздала? Она перешла на шаг и взглянула на часы - без двадцати четыре, а она будет на месте через пять минут. Значит, на четверть часа, могло быть и хуже, к тому же Кармел никогда не приходит вовремя. Пэм всегда ее ждет, где бы они ни встречались.

Она порылась в кармане джинсов и достала оттуда помаду, замедлила шаг, снимая колпачок. Она уже в совершенстве освоила искусство нанесения макияжа без помощи зеркала - немного помады на нижнюю губу, затем губы плотно сомкнуть, и помада распределится более-менее правильно.

Убирая помаду обратно в карман, Пэм задумалась. *«Посмотрите на меня, я крашусь тайком, как будто мне тринадцать лет. И вру о том, где встречаюсь с подружкой».*

Как такое могло произойти? Что случилось с Джеком? Он стал совершенно другим, и она с трудом узнавала в нем прежнего Джека. Она вспомнила, как они познакомились: он приглашал ее на танец, а она подумала, что он разговаривает не с ней, а с девушкой, стоявшей сзади, потому что с чего вдруг сам Джек Трейси, который мог заполучить любую девушку на дискотеке – да что там, который мог заполучить любую девушку в Килпатрике, – с чего вдруг он заинтересуется скучной и немолодой Пэм МакКормак?

Она тайно грезилась о нем столько, сколько себя помнила. Он был на пять лет старше, восемнадцатилетний, мускулистый, с длинными темными волосами, он прохаживался по городу в выцветших джинсах и джинсовой куртке с таким видом, как будто весь город принадлежал ему, и не обращал никакого внимания на стеснительную маленькую светленькую девочку, чье тринадцатилетнее сердечко выскакивало из груди, когда он проходил мимо. Когда он одно лето работал спасателем в местном открытом бассейне, она лишь затем, чтобы быть рядом с ним целых два часа в неделю, посещала занятия по плаванию: ей было четырнадцать, ему – девятнадцать. Он дефилировал вдоль бассейна в плавках и солнцезащитных очках, а Пэм тайком посматривала на его широкую загорелую грудь, плоский живот, крепкие бедра. И на выпуклость под плавками.

Пэм представляла себе, как ее ногу сведет судорогой в самом центре самого глубокого участка бассейна, никто не заметит, как она начнет тонуть, кроме него. Она представляла, как он бросится в воду, вытащит ее из воды, потом склонится над ее безжизненным телом, с которого будут стекать капли, прижмет ее к ее рту и начнет вдыхать в нее жизнь. Пэм откроет глаза – ничто не нарушит эту романтическую сцену, – он в них посмотрит и внезапно осознает, насколько она прекрасна.

В следующем сентябре Джек уехал в колледж в Галвее, где начал изучать компьютерные технологии, и Пэм в течение последующих нескольких лет ничего о нем не слышала, лишь иногда встречала его на улице, когда он приезжал домой на каникулы. Она окончила школу, сменила нескольких кавалеров, а потом уехала в Корк учиться на медицинскую сестру. В конце концов у нее появилась постоянная работа в большой шумной больнице.

Если мысли о Джеке Трейси и посещали ее голову в течение спокойных ночных дежурств, то просто становилось интересно, что же стало с ее большой влюбленностью, а потом Пэм о нем просто забывала.

Когда ей исполнилось двадцать два, она приняла предложение о работе в новом доме престарелых в Килпатрике, написала заявление об увольнении из больницы в Корке и вернулась домой, чтобы жить вместе с недавно овдовевшей матерью и младшим братом на ферме, в шести километрах от Килпатрика. Через неделю после того, как она начала работать, друзья притащили ее на дискотеку, где в разгар вечеринки появился Джек Трейси и пригласил ее на танец.

Теперь его волосы были подстрижены коротко, он сменил свою джинсу на белую рубашку и слаксы, но глаза остались такими же темными и волнующими, белая рубашка плотно облегла грудь, а сердце двадцатидвухлетней Пэм МакКормак забило так же сильно, как тогда, когда ей было лишь тринадцать.

– Мне кажется, я тебя знаю. – Ему приходилось кричать ей в ухо, пока они пытались маневрировать по переполненному душному танцполу. – Твое лицо мне знакомо.

Пэм чуть не расхохоталась.

– Правда? – прокричала она в ответ. – Не думаю, что мы встречались.

Они представились друг другу и поразились тому, что оба выросли в Килпатрике, а до сегодняшнего дня ни разу не встретились. Он рассказал, что приехал домой на выходные из Галвея, где у него работа, а Пэм сказала, что только что переехала сюда из Корка. Через несколько минут он увел ее с танцпола, принес пива, она познакомила его со своими друзьями, а он познакомил их всех со своим братом.

Джек проводил ее до дома и, к великому сожалению, даже не попытался ее поцеловать,

но спросил, увидит ли ее снова. А в следующий раз, после кино и двух кружек пива, он пожелал ей спокойной ночи, наклонился и дотронулся своими губами до ее губ, она почувствовала его щетину на своей щеке, а потом его язык легко проник в ее приоткрытый рот, и Пэм едва дышала от возбуждения.

Она твердо решила не ложиться с ним в постель, так как не хотела стать просто очередной его победой, хотя иногда с трудом удавалось себя сдерживать. Его крепкое, мощное тело возбуждало ее безумно – она жаждала прикосновений его рук, она мечтала о том, как они окажутся вдвоем и он начнет медленно раздевать ее... одним словом, у нее были не самые невинные фантазии.

Она смогла продержаться четыре месяца. Они провели выходные в его квартире, окна которой выходили на Айр-сквер – не то чтобы они часто смотрели из окна, – и ее терпение было вознаграждено. После того, как все случилось, Пэм лежала в его объятиях, влажная от пота, и ее терзала мысль о том, что теперь Джек потеряет к ней всякий интерес.

Он не потерял. Спустя одиннадцать месяцев они поженились, обряд был проведен в католической церкви Килпатрика. Пэм было двадцать три, Джеку – почти двадцать девять. Они сняли дом в Килпатрике, в той его части, которая была ближе к Галвею. Дом располагался недалеко от дома престарелых, поэтому Пэм могла ходить до работы пешком, а Джеку было удобно каждый день ездить в Галвей.

Они решили немного подождать с рождением детей – зачем торопиться? У них еще много лет в запасе. Они хотели пожить для себя – им же было так хорошо вместе, они просто не могли друг другом насытиться.

Мысль о его обнаженном теле до сих пор возбуждала Пэм. Однажды в свой выходной она поехала вместе с Джеком в Галвей, чтобы походить по магазинам, и они договорились встретиться на обед в отеле. Перед его приходом она забронировала номер, поднялась наверх и сняла с себя всю одежду. Затем надела плащ, чулки и туфли и на лифте спустилась вниз, в фойе, где стала его ждать.

Когда он вошел, они сразу пошли в ресторан при отеле, и когда Джек наконец спросил, почему она не снимает плащ, то она взяла его руку и дала ему возможность самому обнаружить ответ на свой вопрос. К тому моменту, когда Джек покончил с салатом из холодной говядины, Пэм уже не могла терпеть. Они занялись этим почти на пороге своего номера, они бы занялись и раньше, но им помешала пожилая пара, с которой они вместе зашли в лифт.

Когда все началось? Самый первый звончок, который смогла вспомнить Пэм, хотя тогда она не придавала этому большого значения, прозвенел тогда, когда он начал жаловаться на ее частые встречи с подругами.

Пэм удивилась:

– Я встречаюсь с ними только по четвергам, ты же знаешь.

– Да, но... Мне не очень нравятся твои вечерние выходы с толпой девушек. Они все замужем?

– Ты сам знаешь, что нет. Ты со всеми знаком. – Пэм улыбнулась и сжала его руку. – Ты опасаясь, что они собьют меня с верного пути?

Джек не ответил и весь остаток ночи был с ней холоден. Когда в следующий четверг она переодевалась для встречи с подругами, он стоял в дверном проеме спальни и смотрел на нее.

– Ты собираешься это надеть?

– Ты имеешь в виду топ? – Пэм посмотрела на него. – Я думала, он тебе нравится.

Это был синий топ с глубоким V-образным вырезом.

– В этом-то и дело. – Лицо Джека оставалось серьезным. – Если он нравится мне, то понравится и другим мужчинам.

Пэм рассмеялась.

- Послушать тебя, так я просто какая-то секс-бомба, с которой каждый мужчина мечтает сорвать одежду.

- Я же так сделал. - Он скрестил руки.

Пэм подошла к нему и обняла за талию.

- Что происходит? Ты мне не доверяешь?

- Я не тебе не доверяю, я не доверяю другим мужчинам. Я знаю, что у них на уме.

- Но ты же знаешь, что я ни на кого другого никогда не смотрю. - Когда он не ответил, она добавила: - Ты же это знаешь, верно?

Он только пожал плечами.

Пэм опустила руки и взяла сумку.

- Это просто смешно. Я вернусь в одиннадцать.

В следующий четверг она надела менее открытый топ. Она была готова на все, чтобы не повторилось двухдневное молчание, которым закончился ее прошлый выход. Перед уходом она встала напротив Джека.

- Я нормально выгляжу?

Он обхватил руками ее голову и поцеловал в лоб.

- Прости. Я просто иногда испытываю страх, что когда-нибудь ты уйдешь и больше не вернешься.

Она прижалась к его груди, наслаждаясь тем, что он такой ранимый:

- Я никогда от тебя не уйду.

И на какое-то время у них воцарился мир. Чтобы убедить Джека в том, что ему не о чем беспокоиться, она сказала Кармел, что теперь будет встречаться с ней и другими девочками раз в две недели. Это была малая жертва с ее стороны, и Пэм была счастлива принести ее.

Когда их браку было уже почти три года, Джек получил работу в новой итальянской компьютерной компании, которой управлял Пол Райан и которая находилась в пригороде Килпатрика. Они с Пэм купили дом в городе, и Пэм начала подумывать о детях. Теперь, когда они обосновались и пустили корни, когда уже пожилы для себя, может быть, пришло время?

Но Джек не был в этом уверен.

- Эта компания только открылась, кто знает, как пойдет дело? Может, я снова потеряю работу. Давай подождем, пока все устаканится.

Пэм согласилась и продолжила принимать таблетки. А потом, спустя восемнадцать месяцев, когда Пэм обдумывала, как лучше снова поднять эту тему, она увидела объявление в «Килпатрик пост»: *«Требуется человек для ухода за пожилым джентльменом, который проживает в собственном доме, 5 часов в день с понедельника по пятницу. Легкая работа по дому, приготовление несложной еды. Достойная оплата».*

Пять часов в день вместо восьми, которые она сейчас проводила в доме престарелых, а если не хватало персонала, то бывало и больше. Джек был недоволен, если она возвращалась домой позже него, говорил, что дом без нее пустой, и ненавидел, если ей приходилось работать по выходным. И потом, Джек хорошо зарабатывал, поэтому ничего страшного, если ее зарплата станет немного меньше.

А когда Пэм забеременеет, то короткий рабочий день будет очень кстати.

Она поделилась информацией с Джеком, и ему понравилась идея о том, что Пэм будет работать меньше, но насчет ребенка он продолжил сопротивляться:

- Разве это плохо - быть только моей? Я не могу вынести мысли о том, что придется тебя делить. Я ужасный эгоист?

Да, хотела сказать она, но не смогла. Она была тронута его преданностью - кому же не приятно чувствовать к себе такое отношение? - но ее сердце ныло при мысли о том, что Джек может вообще никогда не захотеть детей. Пэм любила малышей и всегда хотела родить как минимум двоих. А ей ведь было уже двадцать семь, почти двадцать восемь.

Вскоре она начала ухаживать за отцом Мэй, а Джек снова начал жаловаться. Куда бы они вместе ни выходили, ему везде казалось, что Пэм строит мужчинам глазки. Он начал допрашивать ее, даже если она просто отлучалась в мясной магазин. Он требовал объяснений, почему она так долго стояла у ворот и разговаривала с почтальоном, а также хотел знать, о чем именно она с ним говорила. Он попросил ее перестать краситься, перестать принимать помощь. Он схватил ее за руку и так сильно сжал...

А потом не пришли месячные, хотя она продолжала принимать таблетки. И тест на беременность дал положительный результат.

С этого момента она не могла больше думать о чем-то другом.

Она увидела перед собой паб. Толкнула входную дверь и стала просматривать те немногочисленные столики, за которыми сидели посетители, пока не заметила Кармел, которая как раз опустошила стакан с чем-то золотистым.

- Я уже хотела на тебя забить. - Кармел не выглядела слишком расстроенной.

Они дружили уже двенадцать лет, с тех пор, как одно лето проработали горничными во второсортном отеле Килпатрика. Они немного знали друг друга со школы, но Пэм была на год старше Кармел, поэтому их дружба завязалась именно тогда, когда обе каждый день застилали кровати в номерах отеля.

Несмотря на то что они были очень разными - Пэм намного спокойнее, а Кармел постоянно была готова к новым авантюрам, - они быстро сдружились. Молчаливая Пэм завидовала тому, с какой легкостью Кармел общалась с мужчинами. Сама она никогда бы не смогла флиртовать так, как это делала ее подруга, никогда в жизни.

- Извини, мне нужно было кое-что прихватить по дороге. Долгая история. - Пэм показала на стакан Кармел. - Ты будешь еще один?

- Конечно, буду, это сидр. Мне же нужно чем-то утолить жажду в такую жару.

Когда Пэм принесла напитки, Кармел посмотрела на апельсиновый сок, который Пэм взяла себе.

- Ты не пьешь?

- О нет, для меня рановато. У меня же нет твоего здоровья. - Пэм бросила свитер, пиджак и сумку и плюхнулась на стул напротив Кармел, обмахиваясь подолом своей футболки. - Уфф. Зажарилась. Джеку понадобилась пена для бритья, и мне пришлось идти за ней в «Теско». - А потом, зная, что Кармел этого ждет, сказала: - Давай рассказывай, как продвигается твой роман.

Пэм категорически не одобряла выбор Кармел. Ее новый бойфренд был родителем одного из учеников, да еще и прилично старше. А так как он был несвободен, им приходилось встречаться тайком и только дома у Кармел, за исключением той мартовской недели, которую они провели в Италии.

Пэм была убеждена, что все это плохо закончится, но ей не хватало смелости убавить пыл своей подруги. И потом, как она могла кого-то осуждать, если ее собственный брак был далек от совершенства? Может, Кармел была права, пытаюсь брать от жизни все, что можно? Пэм с болью вспомнила, как волновалась при первой встрече с Джеком.

- Роман развивается чудесно. - Кармел хихикнула и взяла новый стакан. - Он нереально

крут в постели. Он придет в четверг после занятий, я уже вся горю.

Пэм улыбнулась.

- Будь осторожна, хорошо?

Апельсиновый сок с мякотью был изумительно холодным.

Кармел рассмеялась.

- Слушаюсь, мудрая замужняя женщина. Спорим, ты хотела бы оказаться на моем месте?

- Нет, не хотела бы. Напомни, как он выглядит?

- Высокий, стройный, светловолосый, носит очки. Похож на сексуального профессора. И мне нравится, что он старше.

Пэм снова улыбнулась и глотнула сока. Она наконец-то начала чувствовать прохладу.

- Можно много рассказать про мужчин постарше. - Кармел обернулась и взглянула через плечо. - Они знают, как доставить удовольствие женщине - и не только в кровати. - Она захихикала. - Мой кухонный стол, например, в последнее время повидал много чего интересного.

Пэм засмеялась.

- О господи, прямо как в фильме *«Почтальон всегда звонит дважды»*. По мне, так звучит не очень гигиенично.

- Слушай, опять ты за свое, мудрая женушка. Кстати, как поживает твой красавчик-муж? Давно его не видела.

- У него все в порядке. Много работы. - Пэм допила остатки сока, отчего кубики льда в ее стакане загремели. Затем она быстро проговорила: - Слушай, Кармел, на самом деле...

- Вот уж легок на помине! Посмотри, кто только что вошел. - Кармел улыбнулась кому-то за спиной Пэм. - Привет, незнакомец, каким ветром тебя сюда занесло?

- Я могу вам обоим задать тот же вопрос.

Голова Пэм резко повернулась, и Джек сказал:

- Привет, любимая. Не ожидал тебя здесь встретить. Был уверен, что ты где-то пьешь кофе.

Она спустилась вниз по лестнице и подошла к регистрационной стойке, почувствовала она себя при этом крайне мерзко. Казалось, что левая сторона ее рта увеличилась вдвое, а когда она потрогала ее рукой, то возникло ощущение, что она прикоснулась к чьей-то чужой безжизненной плоти.

Анестезия скоро должна отойти, у нее уже начали появляться легкие болезненные ощущения в том месте, где врач сверлил и тыкал в течение последних двадцати минут.

Джуд позвонила Ма и попросила ее принести домой немного лекарства.

Она подписала бланк, который эта наглая корова положила перед ней. Джуд просто вывело из себя то, что в этом шикарном месте они зачем-то собирают и хранят медицинские карты пациентов. Когда она закончила писать «Джуд О'Ди», причем писала она умышленно медленно, чтобы заставить эту стерву немного подождать, то подняла голову и спросила:

- Какое-нибудь обезболивающее есть?

- Подождите. - Секретарша выдвинула ящик стола и достала упаковку из двух таблеток. - Панадол подойдет?

- Нормально. - Джуд взяла таблетки и развернулась к выходу.

- Если хотите выпить их сейчас, то вода вон там. - Секретарша показала на фонтанчик в стороне от ее стола.

Джуд не остановилась.

- Все в порядке, я выпью их дома.

Чем дольше она тут проторчит, тем больше вероятность того, что эта сучка заметит, что Джуд не вернула ее шикарную ручку.

В автобусе она сидела и смотрела в окно, стараясь не обращать внимания на усиливающуюся боль в челюсти. Точно не получится выйти погулять сегодня вечером с Кэтлин. Это неважно, совсем скоро пятница. Сегодня вечером она посмотрит телик с Ма, притворится, что решила стать послушной маленькой девочкой.

Или найдет чем заняться. Она подумала про пятницу и почувствовала прилив возбуждения.

Джуд почти добралась до дома, когда обнаружила, что подвеска пропала; она потрогала шею рукой, а там ничего не оказалось. Тихо ругаясь, она обшарила пол автобуса вокруг себя. Подвеска могла свалиться где угодно, можно было бы, конечно, вернуться в стоматологическую клинику, но у Джуд не было никакого желания в ближайшее время возвращаться туда.

Она просто пожала плечами. Легко пришло, легко ушло. Скоро Ма найдет ей другую подвеску. Люди постоянно что-то теряют в супермаркете.

Следующая остановка была ее. Джуд встала и пошла в сторону выхода.

Шон быстро резал морковь, нож с огромной скоростью летал вверх-вниз.

Бернард наблюдал за тем, как по другую сторону от ножа ложились тонкие одинаковые дольки.

- Мне нравится, как ты ее режешь, прямо как шеф-повар.

Шон бросил взгляд на Бернарда.

- Что значит как шеф-повар? Я и *есть шеф-повар*.

Он расправился с морковью и бросил дольки в кастрюлю.

- Ну разумеется. - Бернард прекратил натирать пармезан. - Столько хватит?

Шон посмотрел на небольшую горку.

- Конечно. - Он вытащил из связки овощей пастернак и начал его чистить. - Ну, удалось повеселиться сегодня?

Бернард открыл холодильник и достал пластиковую упаковку макарон.

- Почти. Все было как обычно. Кроме одного... - он подцепил уголок пластиковой крышки и снял ее - ...одного мерзкого телефонного звонка. - Из-под столешницы Бернард достал кастрюлю и налил туда воду. - Наши друзья решили выйти на связь новым способом.

Шон смотрел на него.

- Что они сказали?

- А, какую-то чушь про то, что придут за мной. - Бернард включил конфорку, на которой стояла кастрюля. Он уже начал сожалеть о том, что рассказал про звонок, надо было просто оставить все как есть. Бернард снова открыл холодильник и потянулся за бутылкой вина. - В любом случае ничего запоминающегося.

- Господи. - Шон покачал головой. - Что за больной урод? Ты в порядке?

Бернард вкрутил штопор и начал осторожно доставать пробку.

- Я в порядке, хотя, честно говоря, после звонка меня немного потряхивало. - Он тихо рассмеялся, смутившись. - Сейчас, когда я говорю об этом вслух, все кажется нелепым. Просто какой-то debil, которому нечем заняться.

- Надо было мне позвонить. Ты знаешь, я бы примчался. - Шон снова покачал головой. - Ты сообщил полицейским?

Бернард наполнил бокал и дал его Шону.

- Нет. Может, и нужно было это сделать, но я сомневаюсь, что от них была бы какая-то помощь.

- Наверное, ты прав. - Шон сделал маленький глоток вина. - Мммм. Это, похоже, неплохое. - А затем принялся нарезать маленькими кубиками пастернак. - Когда привезут эти камеры наружного наблюдения?

Бернард поднял бокал и отпил глоток. Во вкусе вина чувствовались нотки ароматного прохладного крыжовника.

- Они сказали, что в конце недели. Я могу завтра позвонить и уточнить. - Он добавил соль в кипящую воду и положил туда макароны. - Кладу все, так?

Первое, что он сделает утром, - это позвонит и уточнит.

Она сказала:

- О, мне так жаль, - а затем, через несколько секунд: - Ничего, все в порядке, мы справимся, - а потом: - Хорошо, передай ей, чтобы поправлялась, и... - Снова тишина, и в конце: - Договорились, Джек, большое спасибо.

Она вернулась на кухню.

- Звонил муж Пэм.

Филип поднял глаза.

- Да?

Мэй снова взяла вилку и начала разламывать картошку.

- Она завтра не придет. Ей нездоровится.

- А-а. - Он глотнул молока. - Все верно. Думаю, мы справимся.

Мэй кивнула.

- Я в любом случае приду домой после того, как закончу работу в саду Пэдди.

Она всегда оставляла вторую половину четверга свободной для своих личных дел. Бедная Пэм, она действительно неважно выглядела сегодня утром. Мэй чувствовала, что нужно что-то сказать, чтобы нарушить тишину.

- Кстати, - она начала резать рыбную палочку, - а что бы ты хотел на свой день рождения?

Выражение смятения на его лице выглядело крайне комично.

- Ничего не нужно. Ты же знаешь, я не любитель вечеринок.

Именно это Мэй и ожидала от него услышать.

- Хорошо.

Ей стало интересно, понравится ли ему подарок, который она выбрала. Было очень

сложно определиться с тем, что же ему купить. На Рождество она попыталась угадать с тапками, но, как только отец достал подарок из коробки, Мэй поняла, что ему не понравился их бледный цвет. Даже несмотря на то что отец ничего не сказал – и часто их носил, – она была уверена, что промахнулась. Может, на этот раз она попадет в цель.

Наверное, ей стоило бы предупредить его о том, что вся семья приглашена на воскресный ужин. Но она не могла этого сделать: отец немедленно потребовал бы все отменить, а ей этого совсем не хотелось. В конце концов, не каждый день тебе исполняется восемьдесят. Она не могла оставить такое событие без внимания.

И разве ему не будет приятно, когда он увидит мальчишек и Филя, своего первого внука, названного в его честь? Они не видели Филя с самого Рождества, тогда он только учился сидеть. А сейчас он, наверное, уже ходит.

– Так, а чего бы тебе хотелось на завтрашний обед?

Она знала, что ответит отец – что ему все равно, он не привередливый. А еще она знала, что приготовит две свиные отбивные, потому что именно их он и хочет.

Он подождал, пока не услышал, что наверху выключили воду. Затем зашел в контакты телефона и на букву К выбрал *Кар*.

Он написал: «*Все в силе в 4?*», отправил и стал ждать. Через минуту телефон запищал, и Пол прочел: «*Жду с нетерпением. До встречи. К.*».

Он улыбнулся и удалил оба сообщения, затем положил телефон обратно в карман. Потом встал, потянулся и, прежде чем пойти к Франческе, достал из холодильника бутылку вина и взял два хрустальных бокала; поднимаясь по лестнице, Пол почувствовал пьянящий аромат эфирного масла.

Она перевернула подушку сухой и прохладной стороной вверх. Затем плотно прижала колени к груди и подхватила их снизу руками. Осторожно повернулась в кровати, а слезы снова полились из ее широко раскрытых глаз.

Ребенка больше нет. Ее ребенка больше нет. Его больше нет.

Почти в тот самый момент, когда его ладонь ударила по ее лицу, в ту самую секунду, когда его кожа соприкоснулась с ее, а голова резко дернулась в сторону, Пэм почувствовала ужасный толчок в животе, а сразу после того, как щека начала болеть и пульсировать, она ощутила внезапный, парализующий страх от того, что между ног стало мокро.

– Ох... – Она согнулась пополам, пытаясь удержать того, кто был в ней, пытаясь не дать ему уйти. Как только она могла помыслить о том, чтобы избавиться от него?

– О господи. – Еще один толчок, и снова из нее что-то вылилось. Она опустилась на колени, сжала живот, согнулась пополам, ее лицо было перекошено от боли.

Джек стоял и смотрел на нее сверху вниз, его лицо, искаженное от гнева, постепенно меняло свое выражение. Затем он увидел темные пятна крови на бежевом ковре.

– О черт, – и присел рядом с Пэм. – Давай поднимайся. – Он протянул к ней руку, но она шарахнулась от него, продолжая сжимать свой живот. – Давай, Пэм, тебе нужно встать. Давай обопрись об меня.

Джек взял ее под руки и приподнял, а у нее не было сил сопротивляться. И все то время, пока он помогал ей подняться, пока она снимала в ванной испачканную в крови одежду, пока он небрежно складывал одежду в корзину с грязным бельем, пока она, завернувшись в одеяло, наполняла ванну, все это время они молчали, и Пэм избегала смотреть на него.

Когда ванна была готова, Пэм произнесла не своим голосом, голосом, который сама не узнала:

– Пожалуйста, позвони Мэй и скажи ей, что я завтра не приду. Ее номер – в моей телефонной книге, книга – в моей сумке. – Она даже не повернула голову в его сторону.

Не говоря ни слова, Джек вышел из комнаты, а она заперла дверь. Через несколько минут, лежа в ванной, Пэм услышала, как он разговаривает внизу. Она закрыла глаза, почувствовала, как от тепла заболела щека, и прислушалась к легким всплескам воды. Спазмы в животе закончились; ее малыш был еще слишком крохотным, чтобы его уход длился долго.

Пэм лежала в горячей воде, вдыхала пар и старалась ни о чем не думать. Затем она начала медленно погружаться в воду, до тех пор, пока ее шея, подбородок, а потом и все лицо не оказались под водой. Несколько секунд она лежала так, не двигаясь, закрыв глаза и слыша только приглушенный стук. Здесь, под водой, так спокойно. Так безопасно. Ей захотелось там остаться.

Джек не присоединился к ней ночью. Она услышала, как он поднимается вверх, и вся напряглась в ожидании того, что вот-вот дверь откроется. Но он оставил Пэм в одиночестве – спустя несколько минут тихо закрылась дверь соседней комнаты.

Подушка снова стала горячей, а еще Пэм хотелось есть – она собиралась приготовить этим вечером пастуший пирог, поэтому утром, перед тем как уйти на работу, достала из холодильника фарш.

Она снова перевернула подушку. Пэм лежала в темноте, не моргая, а слезы, на которые она уже не обращала внимания, катились по лицу.

Он услышал, как где-то над ним распахнулось окно, а через секунду последовало:

- Это ты там внизу?

Не оборачиваясь, он крикнул в ответ:

- Как ни странно, да.

- Подожди. – Звук закрывающегося окна. Он встал, зашел внутрь и взял еще один бокал для вина, затем, прежде чем вернуться в сад, закрыл на щеколду входную дверь.

Появилась Изольда, которая была завернута в нечто напоминающее скатерть, эта скатерть была обмотана вокруг ее плеч, а на талии затянута ремешком, который поблескивал в свете луны.

- Это место выглядит таким заманчивым, я не смогла пройти мимо. – В руках она держала толстую зажженную свечу и открытую коробку шоколадок с мятной начинкой. Под мышкой у нее разместились две пухлые подушки. – Тебе здесь не помешали бы стулья. – Изольда бросила подушки на веранду.

- Я собираюсь сделать садовую скамейку. – Пэдди налил вино во второй бокал и дождался, пока она расположила подушки и разместила между ними свечу и шоколадки. – Что это за пакет у тебя на голове?

Изольда присела.

- Я нанесла на волосы смывку. Проследи, чтобы я держала ее не дольше восемнадцати минут.

- А что тогда случится? Они все выпадут? – Пэдди присел на вторую подушку. Пламя свечи сперва задергалось, но потом успокоилось.

- Нет, они просто станут оранжевыми. Твое здоровье. – Изольда чокнулась с ним и сделала глоток. – Разве тут не мило? Твой сад просто чудесный, а ароматы тут фантастические. Я теперь умираю от зависти.

Пэдди, наблюдая, как она в мягком свете свечи закидывает в рот шоколадку, улыбнулся. Хотя он и очень любил Изольду, но его младшая сестренка была не тем человеком, с кем бы он хотел сидеть в этом прекрасном саду, наслаждаться ароматами и при свечах попивать вино, впрочем, ее общество было отличной альтернативой.

Интересно, если ему когда-нибудь хватит смелости признаться Мэй О'Каллахан в своих чувствах, согласится ли она сидеть здесь с ним вместе?

Четверг

Более сухая погода, надвигающаяся с запада, установится на всей территории, в течение дня будет преимущественно солнечно, ожидается легкий юго-западный ветер. К вечеру усилится влажность. Температура – от 21 до 23 градусов.

– Послушай, ты правда слишком остро все воспринимаешь. – Он забрался в фургон и опустил стекло. – Я люблю твою заботу, но, в самом деле, что может со мной случиться посреди бела дня в самом центре Килпатрика?

Шон остановился, чтобы сказать «Привет» проходящему мимо почтальону – какие у него блестящие светлые волосы, Бернард понимал, почему Мэй так им увлечена, – а затем развернулся.

– Девять часов вечера – это уже не совсем белый день.

– Мы в Ирландии, и сейчас середина лета. Неделю назад был самый длинный день. – Бернард включил двигатель. – Слушай, если тебе от этого станет спокойнее, заходи за мной в девять, и, может, мы перекусим где-нибудь в городе, если, конечно, тебе хватит терпения столько ждать.

– Конечно, я позже пообедаю. А ты сегодня утром позвонишь в охранную фирму?

Бернард улыбнулся.

– Да, я им позвоню. А теперь мне, пожалуй, лучше поехать, а то будет нечего защищать. – Он наклонился вперед и слегка прикоснулся к руке Шона, они старались не демонстрировать на людях свои отношения. – Хорошего дня.

Было, конечно, мило, что Шон так беспокоится, но все вчерашние тревоги Бернарда сегодня утром полностью развеялись. Что, действительно, могут сделать один или два прикурка в центре самой оживленной улицы Килпатрика в такой летний денек? Он был готов поспорить, что они не собираются встречаться с ним лицом к лицу. Он был уверен, что имеет дело с трусами, которые горазды лишь написать посреди ночи пару слов, да и то с ошибками, или сделать глупый анонимный телефонный звонок.

В то же время звонок в охранную фирму займет лишь минуту. Плюс молоток, который его отец всегда держал под прилавком и от которого Бернард не стал избавляться, тоже можно расценивать как разумную меру предосторожности. Хотя Бернард был уверен, что ему никогда не придется прибегнуть к помощи этого молотка.

На этот раз никаких надписей на защитной решетке не было – это хорошо, ему не хотелось отмывать все заново. Он открыл решетку, затем распахнул дверь магазина и поднял разбросанную на полу корреспонденцию. Обычные счета и рекламные листовки. А это что такое? Он перевернул белый конверт. Ни имени, ни адреса, ни штампа. Бернард оглянулся, затем поддел пальцем клапан конверта и вытащил сложенный пополам лист бумаги.

Буквы были вырезаны из газеты или журнала, прямо как в лучшем детективном шоу. Наклеены криво, прописные буквы вперемешку со строчными. С первого взгляда прочитать надпись было трудно, но только с первого.

ВреМя ПриШлО ПедИк.

Вот и все, только эти три слова. Бернард смял листок, но потом передумал, расправил его и положил обратно в конверт.

Бернард подошел к телефону и набрал номер, указанный на карточке, прикрепленной к информационной доске. Ему сообщили, что установка камер наружного наблюдения будет произведена либо сегодня вечером (его адрес значится последним в списке), либо завтра утром, в этом случае он будет первым в очереди.

Бернард закончил разговор, пробежался по списку контактов и набрал другой номер. Ему ответил вежливый голос, и Бернард почувствовал себя глупо, когда начал объяснять цель своего звонка. Ему было рекомендовано избегать дальнейших анонимных писем, а

полученное письмо следовало при первой же возможности доставить в отделение полиции. Бернард убрал конверт под прилавок, задаваясь вопросом, сообщать ли о случившемся Шону. Отправителем, без сомнения, был тот же самый человек, который звонил вчера. И, что тоже не вызывает сомнений, тот самый, который разукрасил решетку надписями и перевернул мусорные баки.

Таким образом, кампания против Бернарда, если это можно так назвать, набирала обороты. Пришла пора установить камеры и, если повезет, убедить полицейских отнестись к делу серьезнее.

Входная дверь открылась, и сердце Бернарда бешено забилося, но это оказалась миссис Филпот.

Она подняла страничку календаря, который принесла из кухни: с 15 июля по - она подняла следующую страницу - 12 августа, полных четыре недели. Она внесла даты в компьютер, подождала, пока сайт гуанайг.com не сообщил ей о том, что на эти даты есть билеты, затем ввела необходимую информацию о себе и Лючии. Через пять минут все было готово: они вылетают из Дублина в аэропорт Чампино в Риме меньше чем через две недели и проведут целый месяц в Пероле у родителей Франчески.

Франческа подняла этот вопрос вчера, подождав, пока они с Полом устроятся в просторной ванной, держа в руках бокалы прохладного вина. Франческа села перед ним, ее бедра покоились между его ног, а спиной она прижалась к его груди. Ванная наполнилась паром с ароматом жасмина. Дюжина маленьких круглых свечей стояла рядом на низеньком столике.

- Сядь немного поровнее. - Пол увлажнил руки мылом и начал легко массировать плечи Франчески.

- Ммм, очень приятно. - Она отпила вина. Потом сказала: - Дорогой, я бы хотела провести больше времени в Пероле.

- Мм-хмм?

Его руки совершали круговые движения по ее спине, большие пальцы надавливали на кожу, спускаясь все ниже, под воду, и приближаясь к ее бедрам. Франческа стала дышать глубже, вдыхая аромат жасмина.

- Да... возможно, чуть больше времени. - Она снова сделала глоток и прижала бедра плотнее к его рукам, которые продолжали их гладить. - Может быть, три или четыре недели - что ты об этом думаешь?

- Я согласен на все, что ты хочешь. Ты же знаешь. - Он наклонился и поцеловал ее влажное мыльное плечо. - Но я буду ужасно по тебе скучать. - Его зубы слегка прикусили кожу на ее шее, а у Франчески перехватило дыхание. - Я буду ужасно скучать по этому. - Под водой его теплые руки погладили ее живот и, поднявшись выше, принялись чуть медленнее ласкать изгибы груди.

Франческа выгнула спину и довольно засмеялась, отдавая свое тело во власть его рук.

- Я тоже, дорогой.

И она действительно будет скучать. Пол удовлетворял Франческу, давал ее телу то, что ему было нужно, и у него это получалось так, как раньше получалось только у одного мужчины. Поэтому ей определенно будет по чему скучать в разлуке.

Но она жаждала вернуться в Перолу, иногда она чувствовала себя почти виноватой от того, что так рвалась домой. В ближайшем будущем они все равно туда переедут. Через несколько месяцев, максимум через год, но это произойдет. Она снова поднимет в разговоре с Полом эту тему, но уже после того, как они с Люцией вернутся из Италии.

А сейчас она нажала кнопку «печать» и стала ждать, пока из принтера не появится напечатанное черным по белому подтверждение того, что она скоро окажется дома.

- Подвеска не нашлась? - Говоря это, Изольда разворачивала что-то, завернутое в фольгу.

Кармел угрюмо покачала головой.

- Ни малейшего намека на то, где она может быть. Никто не находил ее в супермаркете, и я перевернула с ног на голову всю классную комнату.

Она зачерпнула ложкой йогурт и поняла, почему он продавался со скидкой.

- Очень плохо. - Изольда говорила со ртом, набитым сэндвичем с тунцом. - Надеюсь, некоторые родители не заметят, что ты ее не носишь.

- Ммм. - Кармел добавила в свой чай молоко и перемешала. Нужно будет рассказать об этом Полу, когда он придет, - вряд ли он будет обвинять ее в пропаже украшения. Если только не воспринимал подвеску как первый настоящий подарок, который он ей подарил. Кармел вздохнула, снова спрашивая себя, заметит ли он сегодня утром, что на ней нет украшения.

- Я вчера вечером зашла к Пэдди. Мне его так жаль, он такой несчастный. - Изольда подняла чашку.

Кармел потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто такой Пэдди.

- Почему?

- Ну он сидел один в своем прекрасном саду, который Мэй создала просто из ничего - жаль, что ты не видела, что там было раньше, - и всю эту красоту он мог разделить только со своей младшей сестрой. Там было так романтично: вино, свечи - и моя компания. Очень трогательно.

Было понятно, что Изольда снова пытается свести Кармел со своим братом.

- Ммм.

Но у Кармел не было никакого желания сидеть в саду какого-то брата, пить вино и вести беседы. Не сейчас, когда у нее такая захватывающая альтернатива.

Изольда взяла свой сэндвич.

- Господи, я совсем забыла, мне же сегодня после школы к стоматологу, буду дышать на него тунцом. Ну и ладно. - Она откусила еще кусок. - Ты собираешься на эту вечеринку сегодня?

- Какую вечеринку?

Изольда рассмеялась.

- Ну ты даешь. Кармел, ты с Луны свалилась? Вечеринка в честь окончания учебного года, разумеется.

- Да, точно. - У Кармел совершенно вылетело из головы сегодняшнее мероприятие, она была слишком занята Полом и попытками найти эту чертову подвеску. Сейчас Кармел задумалась. Пол должен прийти в четыре и, вероятно, не сможет остаться дольше, чем на пару часов. К шести она уже будет свободна, он вернется к своей Софи Лорен.

Да, Кармел, пожалуй, присоединится на пару коктейлей к другим учителям начальной школы Килпатрика. Почему нет?

- Да, думаю, я загляну ненадолго. А ты?

Изольда пожала плечами.

- Понятия не имею. Стоматолог у меня в четыре, поэтому все зависит от того, как буду себя чувствовать. Если к девяти заморозка отпустит, то, думаю, тоже зайду ненадолго.

Во дворе зазвонил звонок, и в учительской раздался общий стон.

Он направил курсор на «выключить компьютер» и кликнул мышкой. Затем встал и потянулся, сомкнув руки за головой. Сегодня у него не было настроения что-либо

писать, тем более что солнце светило так заманчиво. Лучше он сейчас приготовит себе что-нибудь перекусить, достанет велосипед и, пожалуй, отправится в сторону побережья. И, если океан не будет слишком холодным, даже немного поплавает.

На кухне Шон приготовил себе сэндвич с сыром и цельнозерновым хлебом, который они с Бернардом покупали на рынке каждую субботу, и съел его, стоя у окна и смотря на сад позади дома. После прогулки надо подстричь траву; а может быть, он сделает это завтра. Шон повернулся, чтобы посмотреть на аккуратную лужайку соседнего дома, которую Мэй подстригала раз в неделю. Сегодня не наблюдается никаких признаков присутствия Пэм.

Он хотел позвонить Бернаду, но решил этого не делать. Он не будет поднимать панику, он просто придет за ним к закрытию магазина, как они и договаривались. Шон вспомнил, какой нелепой показалась ему вывеска «Работаем допоздна», когда он только переехал сюда, – по четвергам пара магазинов, расположенных на главной улице Килпатрика, работали до девяти вечера.

В Бостоне даже самый маленький гастрономчик закрывался не раньше десяти вечера. Забавно, как быстро Шон привык к ирландскому ритму жизни, каким естественным теперь казалось ему то, что в полшестого почти ничего не работает. Он улыбнулся: *в полшестого* вместо *в пять тридцать*. Его акклиматизация, бесспорно, проходит успешно.

Он положил тарелку в раковину и посмотрел на часы: два десять. Ему предстоит путешествие примерно на четыре с половиной часа. Если на пляже он проведет не более часа, то по возвращении домой у него останется масса времени, чтобы привести себя в порядок и встретиться с Бернардом. Насвистывая, Шон направился в сарай, чтобы достать велосипед.

А вот и она, в саду перед домом, в розовых шортиках и маленькой маечке в оранжевую и синюю полоску, а на голове у нее цветная хлопковая панамка. Щеки покраснелись от солнца, а челка, которая вылезла из-под панамки, прилипла ко лбу влажными прядями. Сидя на корточках на лужайке рядом с клумбой, которую Мэй прополола во время дождя, Лючия с Мариеттой плели венок из ромашек, и, когда Шон, проезжая мимо на велосипеде, крикнул: «Привет, крошка», Лючия помахала ему рукой.

Мариетте нужно было зайти в дом, чтобы взять лекарство для своего больного горла, поэтому она попросила Лючию вести себя хорошо и не выходить на дорогу. Она вернется через минуту. Хорошо, малышка?

Лючии не понравилось, что Мариетта назвала ее «малышка». Она уже не малышка. Мисс Гэннон говорила им, что они уже большие и поэтому должны делиться друг с другом и не драться. Мама иногда называла Лючию «малышка», но ей можно, потому что она мама.

Лючия встала и направилась к столу, который стоял на веранде, взяла с тарелки крекер и начала его есть, но как раз в этот момент из-за зарослей алых цветов появился большой рыжий кот. Заметив Лючию, кот ускорил шаг.

– *Хороший котик.* – Лючия любила котиков. – *Подожди, котик.* – Побежав за ним, она вытянула вперед руку с крекером. – *Посмотри, это крекер. Подожди, я тебе его дам.*

Когда она оказалась на середине лужайки, кусочек крекера попал ей в горло и застрял. От боли она начала кашлять. Попыталась прокашляться и испугалась, потому что не могла вдохнуть. «*Мариетта. Я не могу.*» Но слова тоже застряли в горле. «*Мама.*»

Котик пролез под изгородью соседнего сада и скрылся из виду, а Лючия упала на траву. Губы начали синеть, Лючия затихла.

Вероника, секретарь на ресепшен в стоматологической клинике, подняла глаза, когда Изольда спускалась по лестнице.

– На этот раз все прошло быстро.

– Да, всего лишь одна маленькая пломба. Даже обезболивание не понадобилось. – Изольда отдала свою карту Веронике. – Но вы, вероятно, все равно заставите меня

заплатить бешеные деньги.

Вероника засмеялась.

- Я сделаю все возможное, чтобы этого избежать. - Она изучила карту и нажала несколько клавиш на компьютере. - Шестьдесят евро - не так уж и плохо на этот раз.

- Ммм. Бывало и хуже. - Изольда достала из бумажника две купюры по пятьдесят евро и вручила их Веронике. Пока секретарь собирала сдачу, Изольда заметила нечто, лежавшее на полке за стойкой. - Подождите, это подвеска?

Вероника обернулась туда, куда смотрела Изольда.

- Где? Ах да, я вчера нашла ее в комнате ожидания. Оставила ее здесь на тот случай, если кто-нибудь за ней вернется.

Изольда вытянула руку.

- Можно я на нее посмотрю? Мне кажется, я ее уже видела.

Это, без сомнения, была та подвеска, которую потеряла Кармел. Изольда была в этом уверена.

- Вероника, я знаю, чья она.

- Правда? Чья?

Изольда покачала головой.

- Эта женщина не является пациентом вашей клиники. По крайней мере, насколько я знаю, на этой неделе она не посещала стоматолога. Но она совершенно точно потеряла где-то эту подвеску. Наверное, кто-то ее нашел и надел перед тем, как прийти сюда.

Вероника с сомнением посмотрела на подвеску.

- Да, возможно...

- Послушайте, если хотите, я попрошу Кармел зайти, чтобы она могла посмотреть на нее сама. Но я совершенно уверена, что это ее подвеска. Она такая необычная. У вас есть мой номер телефона, это на случай, если кто-то еще придет за ней.

И так как Изольда уже не один год обслуживалась в этой клинике, а еще потому, что два человека подошли к стойке и у одного из них, похоже, была сильная боль, Вероника разрешила Изольде забрать эту красивую подвеску.

Электронные часы на радио, должно быть, показывали неправильное время - сейчас не могло быть 3:25. Она взяла свои наручные часы и посмотрела на циферблат, затем скинула одеяло и осторожно вылезла из кровати. Значит, она заснула сразу после того, как он ушел на работу - и это неудивительно, после такой ночи. Сейчас была самая середина дня, а он скоро закончит работу и снова вернется домой.

Пэм взяла свой халат, который висел за дверью, и быстро надела его, поскольку любое движение отдавало болью в нижней части живота. Нужно показаться врачу после выкидыша, пусть и случившегося на раннем сроке. Может быть, через неделю или около того она так и поступит, когда вернется в Корк.

Решение вернуться в Корк было принято ночью. Ей нравилось работать в больнице, несмотря на то что работа была напряженной, плюс там осталось немного друзей. Пэм попробует найти работу в доме престарелых - их там много. Ну или поищет какую-нибудь работу, связанную с помощью на дому, как у Мэй. Пэм было неприятно так внезапно бросать Мэй, но у нее не было другого выхода.

В холле Пэм сняла трубку телефона, набрала рабочий номер Джека и попросила секретаря соединить ее с мистером Трейси, сотрудником бухгалтерии. Да, это звонит его жена.

- Здравствуй. - Он говорил осторожно. Пэм не видела его сегодня утром. Когда дверь

спальни тихо открылась, она притворилась спящей и заставила себя дышать равномерно, дверь снова не закрылась.

Сейчас ее голос был спокоен, хотя пульс при этом бешено колотился.

- Купи, пожалуйста, немного молока и туалетной бумаги.

- Да, конечно. - Джек замолчал, и Пэм стала ждать, когда он наконец решится задать вопрос. Через секунду или две он сказал: - Как ты себя чувствуешь?

- Отвратительно. Хочу снова лечь.

Она повесила трубку до того, как он успел что-нибудь сказать. Это задержит его ненадолго. Даже если он уйдет из офиса в ближайшие пару минут, у нее в запасе, с учетом дороги и магазина, гарантированно оставались сорок пять минут.

Пэм набрала номер местной компании и заказала такси на четыре часа, уточнив, что собирается ехать на автобусную станцию. Наверняка в это время будет уезжать какой-нибудь автобус. Пэм пошла обратно наверх и быстро переделась в короткий синий топ и джинсы, которые Джек считал слишком обтягивающими. Затем она открыла их самый большой чемодан и сложила туда столько вещей, сколько чемодан мог вместить. Она не стала брать джемпер Polo, который Джек купил ей на рождественских распродажах, и длинную юбку, которая так ему нравилась.

Пэм побросала туфли и ботинки в другой чемодан, а в косметичку положила зубную щетку, зубную нить, шампунь, тампоны, увлажнитель, средство для очищения кожи, маникюрные ножницы, пилочки и ватные диски.

Когда все было упаковано, из-за шкафа Пэм вытащила маленькую розовую дамскую сумочку, которую Кармел ей подарила на последний день рождения и которая была битком набита косметикой. Косметикой ей было запрещено пользоваться. Затем Пэм села напротив туалетного столика и нанесла консилер на розовеющий след на левой щеке. Она добавила тональный крем, румяна, губную помаду и подвела глаза, затем нанесла на веки тени, а на ресницы - тушь. Забавно, женщина всегда помнит, как всем этим пользоваться.

Пара капель духов за уши, на запястья и в ложбинку на груди. Затем Пэм сложила все в сумочку и застегнула молнию чемодана. Ей придется оставить здесь свои книги и несколько дисков, которые она купила. Возможно, потом за ними заедет ее брат. А может быть, и нет - Пэм было абсолютно все равно.

Она отнесла все вниз и сложила перед входной дверью. Оставалось несколько минут до приезда такси.

В гостиной Джек попытался отмыть ковер от пятен крови. Но они все еще были заметны, хотя стали намного светлее. В комнате пахло антисептиком.

Пэм прошла на кухню и осмотрелась. Стол был пустой, но чашка, тарелка и испачканный в масле нож лежали рядом с раковиной. На тарелке остались крошки хлеба, а в чашке - недопитый за завтраком чай.

Джек сидел за столом, ел свой завтрак так, как будто ничего не произошло. Он не стал варить себе яйцо - видимо, слишком много усилий. Он сподобился лишь на то, чтобы положить хлеб в тостер.

И оставил грязную посуду, чтобы Пэм ее вымыла.

Пэм взяла тарелку и бросила ее в стену. Тарелка разбилась на три части и с грохотом упала на пол. Потом Пэм взяла чашку, запустила ее в том же направлении и посмотрела, как от стены, как будто после маленького взрыва, отлетают маленькие осколки. На стене осталось небольшое коричневое пятно, которое стало стекать на пол.

Пэм вернулась в прихожую и посмотрелась в зеркало. Она выглядела как женщина, которая не будет против, если какой-нибудь мужчина, любой мужчина предложит ей заняться сексом. Внезапно она подалась вперед и прижала свои красные губы к зеркалу, затем выпрямилась и улыбнулась. Этого Джек точно не пропустит. И это гораздо

красноречивее любой записки.

И лишь открыв свою сумку, чтобы проверить, нужно ли будет остановиться у банкомата по пути на станцию, Пэм обнаружила, что ее бумажник пуст, кредитная и дебетовая карты отсутствуют. Он ее обчистил, не оставил ей ничего, чтобы она не могла от него сбежать.

Снаружи просигналила машина. Пэм взяла самый большой чемодан и открыла входную дверь. Если ей придется ползти по-пластунски, чтобы уйти от Джека, она это сделает.

- ...и я не знаю, как это случилось, она, наверное, за что-то зацепилась.

Кармел приближалась к нему, держа в руках два бокала вина. Пол заставил себя не представлять обнаженной ее стройную мальчишескую фигуру, такую не похожую на чувственное тело Франчески, и сосредоточиться на том, что Кармел говорила. Что-то про какую-то цепочку, которую нашла Лючия?

- Мне так жаль, она мне правда очень понравилась, и я просто места себе не нахожу от того, что умудрилась так быстро потерять ее. - Кармел отдала ему один бокал и уселась на его колено. - Ты так умно придумал, сделал так, чтобы Лючия ее нашла. - Она нагнулась и слегка прикусила мочку его уха, именно так, как он ее научил.

Пол отхлебнул глоток вина и почувствовал, как оно стекло по стенкам горла. Сделал так, чтобы Лючия ее нашла? Похоже, Кармел действительно думала, что эта цепочка была его подарком, что он купил ее для Кармел. Просто прекрасно.

Ее язык начал его возбуждать. Пол просунул свободную руку под ее топ и почувствовал теплый плоский живот, выступающие ребра, едва различимые груди, маленькие, как у девочки, и на удивление крупные соски. Ощутил, как от его прикосновений участилось ее дыхание. Это хорошо, не придется тратить много времени, чтобы ее разогреть.

- Как же ты догадался, что она отдаст подвеску мне? - прошептала она ему на ухо, проводя большим пальцем по его губам и слегка раскачиваясь на его коленях. - Она же могла оставить подвеску себе.

Пол подхватил ее за бедра и прижал к себе.

- Ты как никто другой должна знать, как легко четырехлетки ведутся на предложения. Я просто сказал, что было бы здорово подарить подвеску тебе. Ты же знаешь, как она тебя обожает... - Он прикоснулся губами к ее шее. -...И у нее, как оказывается, прекрасный вкус.

Да, это действительно оказалось очень просто.

Кармел начала стягивать свой топик, когда зазвонил мобильный. Пол сделал недовольную гримасу и сказал:

- Извини, лучше я отвечу.

Он вытащил телефон из кармана. Кармел соскользнула с его колен и села напротив, наблюдая за Полом и медленно надевая топ обратно.

Пол сказал:

- Что? - затем встал и, продолжая слушать, развернулся в противоположную сторону от Кармел. Через секунду он спросил: - Она в порядке? - А потом: - Я еду, - и повесил трубку.

Он схватил свои ключи от машины и направился прямо к входной двери.

- Лючия, - бросил он через плечо. - Она в больнице.

- О господи, что случилось?

Но он уже ушел, захлопнув за собой дверь. Кармел замерла, закрыв рот рукой, а потом она услышала, как заработал двигатель его автомобиля и Пол уехал.

Ровно через четыре минуты раздался звонок в дверь, Кармел решила, что это вернулся он – просто этому негодяю захотелось так пошутить. Она резко распахнула дверь и обнаружила Пэм, которая при полном параде сидела на ступеньках у входа, а такси с включенным мотором ждало за воротами.

Он кинул ключи на телефонный столик, а потом замер, прислушиваясь. Посмотрел на лестницу и крикнул:

- Привет! – Тишина. – Пэм?

Ни звука. Наверное, Пэм снова легла спать.

Он вошел в пустую кухню и бросил на стол свою пластиковую сумку. Когда он развернулся, чтобы выйти, то заметил что-то белое на голубой плитке рядом с холодильником – лист бумаги? Нет. Джек подошел и поднял осколок, а потом увидел другие осколки. Это то, что осталось от тарелки? Потом Джек заметил отколовшуюся от чашки ручку и два тонких следа на белой стене. Он посмотрел выше и увидел на стене бледно-коричневое пятно, прямо на уровне его глаз.

Он сжал губы и вышел из кухни. Взбежав вверх по лестнице, он крикнул:

- Пэм?

Резко распахнул дверь спальни и, без особого удивления, увидел пустую незаправленную кровать. Ее тапочки, которые всегда стояли на коврик рядом с кроватью, отсутствовали. Туалетный столик выглядел гораздо менее захламленным. Джек заглянул в ее шкаф – пара юбок, джемпер и больше ничего, все остальное исчезло. Чего-то не хватало на верхней полке шкафа – чемоданов, которые там хранились.

Джек кинулся к двери ванной комнаты. Одинокая зубная щетка – его щетка – стояла в стаканчике в компании тюбика зубной пасты. Ее фен больше не висел на своем крючке. Он открыл дверцу шкафчика над раковиной. Меньше, гораздо меньше вещей, чем должно быть. Он захлопнул дверь и поймал свое отражение в зеркале. Напряженное, жесткое лицо. На лице – выражение гнева и красные пятна вокруг глаз и носа.

Джек помчался вниз и набрал домашний номер ее матери. Нет, ответил ему ее брат, они не видели Пэм. Что-то случилось? Джек повесил трубку, ничего не ответив на вопрос – *лгун*, – его внимание привлекло какое-то красное пятно, которое он заметил на зеркале напротив себя. Он подошел, встал перед зеркалом, подбоченившись, тяжело дыша и рассматривая отпечаток губ, который жена оставила ему на память.

Он нашел в телефонной книге имя Кармел и набрал ее номер. Ее голос показался рассеянным, нет, она не видела Пэм со вчерашнего дня, да, конечно, она обязательно сообщит Джеку, если что-то узнает, все в порядке? Он едва поборол желание ответить «ясное дело, ничего не в порядке» и только сказал, что они немного повздорили, «ты же знаешь, как это бывает», и добавил, что, без сомнения, Пэм скоро вернется. Он повесил трубку, не дожидаясь еще каких-нибудь идиотских вопросов, которые могла задать эта безмозглая сучка.

Отцу Мэй потребовалось больше времени, чтобы подойти к телефону, и, похоже, сначала он не очень понял, кто такой Джек. В конце концов он сказал, что Мэй нет дома, она ушла за покупками, и попросил Джека оставить номер. Даже когда Филип сообразил, что Джек был мужем Пэм, толку от него больше не стало.

- Ее здесь нет, она сегодня плохо себя чувствует. – Филипа, очевидно, рассердило то, что Джек не в курсе происходящего.

Джек процедил сквозь зубы:

- Я знаю, я просто уточняю, может быть, она звонила. Я... – он сочинял на ходу, -... сегодня задержусь на работе, а домашний телефон занят, и мне просто нужно знать, придет ли она к вам завтра.

Воцарилась тишина. Джек слышал, как Филип сопит на том конце провода. Потом старик сказал:

- Я ничего не знаю, а Мэй дома нет...

Джек перебил его:

- Хорошо, спасибо за помощь, - и повесил трубку.

Он повернулся лицом к зеркалу, а затем большим пальцем провел по оставленному следу, превращая его в размазанное на стекле красное пятно.

Пэм не могла далеко уйти, у нее не было ни денег, ни карточек. Он ее найдет.

Бах! Он потянул задний тормоз и резко остановился. Затем слез с велосипеда, чтобы проверить переднее колесо, надавил на шину и не почувствовал никакого сопротивления. Она была плоской как блин, а у него с собой ничего, чтобы ее заклеить. Шон посмотрел на часы: уже 7:25, а ему еще ехать добрую пару километров. Он поднял руку и вытер рукавом пот со лба. Господи, духота-то какая.

Шон достал свой мобильный и набрал номер цветочного магазина.

Голос Бернарда звучал удивленно.

- Так много выпало на долю моего рыцаря в сверкающих доспехах. Ты где сейчас?

Шон огляделся вокруг и не увидел ничего, кроме зелени и листьев.

- Я в самом центре непонятно чего, думаю, за пару часов я до тебя дойду пешком. Судя по всему, это единственный возможный вариант.

- Бедняжка. По крайней мере, погода хорошая. Если к тому моменту, когда я приеду домой, тебя там не окажется, я на машине поеду тебе навстречу. Хорошо?

- Отлично. Подожди секунду. - Шон подождал, пока мимо проедет грузовик, а затем сказал: - С тобой все в порядке?

- Лучше не бывает.

- Есть какие-то новости о камерах?

- Они пообещали установить их завтра.

- Хорошо. Думаю, еще один день ничего не решает. Поговорим позже.

Шон засунул мобильный обратно в рюкзак и покатил велосипед вдоль обочины.

Она распаковала сумки, зная, что Филип ее сейчас точно не застукнет - он заходил на кухню только тогда, когда еда уже ожидала его на столе. Она положила картофель на дно холодильника, две бутылки вина поставила на полку за холодильником, там же разместила виски, джин и тоник.

Торт уже был заказан, его нужно будет забрать в субботу, тогда же она купит рыбу и шпинат.

Мэй надеялась на то, что, каким бы ни был вирус, который подцепила Пэм, но к воскресенью он ее отпустит. Одна только мысль о том, что ей придется в одиночестве готовить все для ужина, безумно пугала. Мэй О'Каллахан не сильно преуспела в кулинарии. Заварной крем она всегда покупала готовым, тесто для тех редких случаев, когда она решала испечь яблочный пирог, брала замороженным в супермаркете, а соусы все были из пакетов или банок. И она никогда не готовила более чем на двух человек. Поэтому воскресный ужин на девятерых окажется для нее настоящим испытанием, которое будет трудно выдержать без помощника.

Но она может успеть, если все правильно организует. Ужин будет в шесть - лучше не изменять привычный распорядок Филипа, - значит, картофель, который нужно порезать дольками, обмазать маслом и запечь, должен отправиться в духовку сразу после пяти часов. Когда придут гости, а это произойдет в районе половины шестого, Мэй предложит им напитки и оставит развлекать папу, а сама подготовит все остальное.

Если Пэм не сможет прийти, то Мэй купит уже приготовленного лосося и замороженное тесто, останется только все нарезать и положить в духовку – проще простого. Нужно еще раз перечитать рецепт, чтобы уточнить, в какой последовательности готовить шпинат.

А чтобы сварить мини-морковь и цветную капусту, потребуется всего пара минут – Мэй это осилит. Потом она откроет упаковку с сырным соусом. На десерт – пирог, сама она его готовить точно не будет. Пусть это и звучит категорично, но зато не произойдет никаких неприятных неожиданностей.

Все равно она очень надеялась на то, что Пэм к воскресенью поправится. Попозже Мэй ей позвонит и поинтересуется, как она себя чувствует.

Филип сказал, что сегодня, пока Мэй не было дома, звонил муж Пэм. Но Мэй подумала, что Филип что-то напутал. Он сказал, что Джек, судя по всему, не знал, выйдет ли Пэм завтра на работу. Это было очень странно – естественно, Джек, живя вместе с Пэм, не мог этого не знать.

Видимо, папа действительно становится очень рассеянным.

Мэй вернулась мыслями к вечеру воскресенья. Достаточно ли напитков она купила? Она пробежалась взглядом по бутылкам – виски для Филипа и Катала, джин для Хильды. Жена Уильяма, Долли, будет пить вино, и жена Катала, Габи, наверное, тоже. Может быть, стоит прикупить еще пару бутылок, на тот случай, если никто ничего не принесет с собой. Уильям пить алкоголь не будет, он потом повезет всех назад в Орнамор, домой к Катулу и Габи. Лучше Мэй купит еще немного минеральной воды.

На полке стояла маленькая бутылка ликера «Бейлиз», который кто-то принес им на прошлое Рождество – его хорошо подать с кофе после ужина. А вдруг его выпьют раньше? Перед приходом гостей Мэй спрячет бутылку в холодильник.

И еще была почти полная бутылка бренди, наверное, она стояла тут вечно, Мэй даже не могла вспомнить, откуда эта бутылка взялась. Что ж, бренди с кофе – это будет очень шикарно.

Поскольку ужин будет рано, то и вся вечеринка вряд ли затянется допоздна. Филип не любитель долго засиживаться; Мэй не допустит, чтобы в девять вечера он сам сообщил всем о том, что собирается пойти спать.

Да и сама Мэй в эти дни не очень нуждалась в отвязных тусовках.

Она подумала о том, какие подарки приготовят Филипу мальчики. Наверное, что-то проверенное, например, новую рубашку (синюю или белую), размер воротничка тот же, как и все последние тридцать лет. Или бутылку портера, который отец всегда пил в Рождество, но к которому не притрагивался после смерти мамы.

А может быть, они втроем скинутся и купят один общий подарок. Эта мысль почему-то не приходила в голову Мэй раньше.

Она открыла полку рядом с холодильником, где обычно хранились только огнетушитель и чехлы для тушения огня, подаренные Уильямом и Долли на Рождество, положила туда подарок для Филипа и еще раз на него посмотрела. Она долго не могла решить, что купить, и до сих пор не была уверена, понравится отцу подарок или, наоборот, вызовет лишь раздражение.

Филип никогда не проявлял эмоции, даже когда Мэй и мальчики были маленькими. Это к маме они всегда бежали с расцарапанными коленками и с обидами, а к папе никогда. Но, справедливости ради, наверное, так во всех семьях. Наверное, из двух родителей мама всегда мягче. Филип же всегда сохранял самообладание – одного его резкого слова было достаточно, чтобы дети послушались.

Сколько помнила Мэй, он никогда не смеялся от души – максимум, на что можно было рассчитывать, это короткая усмешка. Мэй было интересно, каким он был в молодости, когда познакомился с Эйдин на свадьбе ее лучшей подруги и своего двоюродного брата. Мэй очень хотела бы посмотреть на отца тогдашнего – должно быть, он был очень счастлив, когда молоденькая темноволосая подружка невесты согласилась пойти с ним на свидание.

У Мэй не было никаких сомнений в том, что он любил маму. Они были вместе почти сорок лет, и, несмотря на тяжелый характер Филипа, Мэй не могла вспомнить случая, чтобы он и Эйдин серьезно поругались. Эйдин всегда знала, как с ним себя вести, как сглаживать его выпад.

А после ее смерти Филип изменился до неузнаваемости. Он ужасно постарел, с пугающей скоростью превратился в старика. Уставшего, капризного старика.

Он не хотел переезжать к ней, в этот дом, не хотел жить с Мэй. Он этого не скрывал, жил один, и это их очень пугало: он почти спалил свой дом, почти сломал бедро, почти отравился газом – и все это случилось одно за другим. В конце концов даже он понял, что не может больше жить самостоятельно, и Мэй собрала его вещи, хотя он настаивал на том, что хочет переехать в дом престарелых и что Мэй не нужно перевозить его к себе.

Но одна только мысль о том, что он будет сидеть в кресле в окружении таких же стариков и ждать смерти, была ужасна.

– Папа, я буду счастлива, если мы будем жить вместе, правда, – сказала она ему, надеясь, что для него это прозвучало убедительнее, чем для нее самой, а он в ответ ворчал, тряс головой и угрюмо сидел на заднем сиденье машины Катала всю дорогу, пока они ехали к дому Мэй.

Идея взять на работу Пэм принадлежала ему. Это он предложил оплачивать услуги человека, который будет за ним присматривать, пока Мэй нет дома.

– Это снимет с тебя нагрузку.

Он с вызовом посмотрел на Мэй, и она, хорошо его зная, не стала предлагать ему разделить эти расходы. Он мог их себе позволить, получив за Эйдина приличную выплату по договору страхования жизни, а еще у него была пенсия, и он получал деньги за сданный в аренду дом.

Дом не был выставлен на продажу – тут Филип был непреклонен.

– Это твоё наследство, твоё и мальчиков, – заявил он, после чего Мэй договорилась о сдаче дома с одним из агентств Килпатрика, занимавшихся недвижимостью. Когда Мэй сообщили о том, что дом сдан на длительный срок, она перестала появляться в том районе, избегала встреч с бывшими соседями, когда выгуливала собак, не хотела видеть, как чья-то чужая машина стоит припаркованная у ворот их дома.

Соседи, жившие рядом с домом родителей, предложили свои услуги в уходе за травой – они были готовы ее подстригать, чтобы участок не стал похожим на обычный заброшенный клочок земли вокруг дома, сданного в аренду, о котором никто не заботится...

В прихожей зазвонил телефон, и Мэй пошла, чтобы ответить на звонок.

– Алло?

– Мэй, это Пэм. – Она говорила быстро. – Извини, что я не связалась с тобой раньше.

– Ничего страшного, все в порядке, я сама собиралась позвонить тебе. Джек сегодня разговаривал с папой, но...

– Он звонил? Когда?

Значит, Пэм не в курсе? Разве она сейчас не дома?

– Э-э-э, примерно час назад. – Мэй помолчала, потом спросила: – Пэм, у тебя все хорошо?

Последовало долгое молчание, а после, когда Мэй уже собиралась продолжить разговор, Пэм ответила неожиданно слабым и дрожащим голосом:

– Нет, Мэй, у меня все плохо.

Он перенес букеты цветов назад в магазин, а после закатил внутрь подставки, на

которых цветы стояли на витрине. Солнце уже село, но воздух оставался очень тяжелым. Он перевернул табличку на двери, теперь там вместо «*Входите, мы открыты*» можно было прочесть «*Извините, мы закрыты*». Он был рад, что долгий двенадцатичасовой день подошел к концу.

Бернард взял с прилавка свою сумку, вышел на улицу и плотно закрыл за собой дверь.

В тот момент, когда он вставлял ключ в замочную скважину, кто-то положил руку ему на плечо.

- Попался, - произнес чей-то голос.

Она сидела на краю кровати и гладила волосы своей дочери. Лючия спала, как обычно, лежа на животе, ее лицо было повернуто к матери, а руки раскиданы по сторонам. Ее дыхание было частым, а на щеках играл легкий румянец. Рот был немного приоткрыт, так что виднелись кончики крошечных зубов.

Франческа бесшумно шевелила губами, повторяя молитвы, которые, как ей раньше казалось, она давным-давно позабыла. Пальцами она гладила голову Лючии, касалась ее маленькой щеки, проводила по шелковым волосам и трогала мягкую, нежную кожу на шее дочери. Франческа нащупала пульс Лючии, который был быстрым и четким. *Grazie, grazie.*

Франческа закрыла глаза, и к ней мгновенно вернулись воспоминания о пережитом кошмаре - подходя к воротам, она сначала не поняла, над чем в саду склонилась Мариетта... затем у нее перехватило дыхание, и она помчалась по тропинке, жестом показывая Мариетте, чтобы та убиралась с дороги, и крича:

- Звони 999, быстро, звони им, ты, идиотка. - Франческа в отчаянии упала на колени около Лючии и принялась нащупывать ее пульс, пока Мариетта рыдала в телефон:

- «Скорая», пожалуйста, быстрее.

Глаза Франчески широко распахнулись. Она заставила себя перестать думать о случившемся и вернуться в настоящее. Заставила не вспоминать о том, как делала Лючии искусственное дыхание, одновременно выдыхая и плача, убирая упавшие на лицо девочки волосы - свои и дочери, надавливая на ее грудную клетку, раз-два-три-четыре, снова вдох, ее слезы капали на лицо Лючии, она умоляла Лючию начать дышать - «*дыши, дыши, давай, пожалуйста, дыши*» - и кричала на врачей «*Скорой помощи*». «*Нет, нет, сделайте так, чтобы она дышала, вы обязаны это сделать*». И этот благословенный звук, когда Лючия начала кашлять, это чудо, когда она захныкала, и какое это было облегчение, когда она прошептала: «*Мама, мама*». А Франческа, держа ее на руках, сама отнесла дочь к карете «Скорой помощи» и крикнула Мариетте, чтобы та *позвонила Полу и все ему сообщила*. Всю дорогу до больницы, пока они мчались с включенными сиренами, Франческа сжимала руку Лючии, а фельдшер держал кислородную маску.

Сейчас она просто глубоко и тяжело вздохнула. Все закончилось. Лючия была жива, они уже вернулись домой, и дочка лежала в своей кроватке. Все закончилось. *Grazie*. Щеки Франчески были жесткими от засохшей соли.

Она услышала за спиной какой-то звук, обернулась и увидела Пола, который, потягиваясь, вставал с кресла.

- Вернусь через секунду.

Она смотрела на него, а рука продолжала гладить волосы Лючии. Если бы Франческа вернулась домой на несколько минут позже, все могло бы сложиться иначе, если бы...

Жужжание телефона испугало ее и прервало раздумья. Она посмотрела на кресло, откуда исходил этот звук. Телефон Пола, должно быть, он выпал из его кармана. Не раздумывая, она потянулась за ним свободной рукой, взяла и на дисплее увидела - «1 новое сообщение». Большим пальцем она нажала кнопку «открыть».

«*Она в порядке? К.*»

Имя отправителя было *Кар*.

Франческа уставилась на маленький экран. Она в порядке? Кто бы это ни был, речь шла о Лючии, в этом не было сомнений. Наверное, это кто-то с работы Пола, наверное, этот человек был рядом с Полом, когда тому позвонила Мариетта.

Но зачем коллеге по работе писать К. в конце сообщения?

Она попыталась вспомнить кого-нибудь, кого бы звали Кар или чье имя начиналось с Кар. Карл? Может быть, Картер? Личную помощницу Пола звали Стефани, а на ресепшен работала Джули.

Потом Франческа пожала плечами – какая по большому счету разница, кто это был? Раз они так переживают из-за произошедшего с Лючией, она им ответит. Она нажала кнопку «вызов».

Не успел пройти первый гудок, как на том конце сняли трубку. Женский голос затараторил:

– Пол, прости, я знаю, что ты запретил мне звонить, но мне необходимо знать: как она? Она...

Франческа прервала разговор, нажав кнопку «отменить», бросила телефон обратно на кресло, а сама снова села на кровать. Через минуту Пол вошел в комнату. Он встал позади жены и погладил ее руку.

– Ты что-нибудь хочешь? Чай, кофе? – Его голос был очень мягким.

Франческа покачала головой. Мариетта принесла им сэндвичи и кофе, поставила поднос на прикроватную тумбочку и, не говоря ни слова, вышла, всхлипывая. Франческа к еде не притронулась.

– Иди спать. Нет никакой необходимости находиться тут вдвоем. А я буду здесь.

– Ты уверена? – Когда она кивнула, он наклонился и поцеловал ее в лоб, а затем дотронулся рукой до щеки Лючии. – Спи. До встречи.

Проходя мимо кресла, он захватил свой телефон и положил его в карман.

Франческа подождала, пока он подойдет к двери.

– Кстати, – начала она, глядя ему в глаза, – когда Мариетта позвонила, ты все еще был в офисе?

Ей показалось, что он немного растерялся?

– Вообще-то нет, я уже ехал домой. – Он выглядел абсолютно невинным. – У меня немного разболелась голова, поэтому я отменил пару дел и поехал домой чуть раньше обычного. – Он улыбнулся. – А что?

Франческа пожала плечами.

– Просто спросила, ты приехал в больницу так быстро.

Когда он выходил из комнаты, она задумчиво смотрела на него, продолжая гладить волосы Лючии.

Кар, думала она. Голос показался ей знакомым.

И много позднее, когда она уже лежала, свернувшись рядом со спящей Лючией в душевой спальне, в памяти внезапно возникло имя *Кармел*.

Кармел Гэннон, учительница Лючии, которая, по всей видимости, не имела никакого отношения к представительницам сексуальных меньшинств.

Пятница

В течение дня во всех районах солнечно и туманно, к вечеру с запада начнет распространяться фронт низкого давления, который с большой вероятностью принесет с собой грозы и резкие порывы ветра, особенно в районах Манстера и Коннахта. Температура – от 16 до 21 градуса.

У нее не было никакого желания есть что-нибудь на завтрак, даже чашку кофе выпить она не смогла, а обычно кофе ей был необходим, чтобы начать день с малышней. Внутри все было напряжено, как будто завязано в один большой узел, и ей приходилось делать глубокие вдохи, чтобы избавиться от чувства нехватки воздуха.

Слава богу, Пэм не спустилась в кухню. Последнее, что Кармел было нужно этим утром, – это чьи-то чужие проблемы, когда у нее своих предостаточно. Это не значит, что она не проявила должного сочувствия прошлым вечером. Конечно, проявила, когда Пэм появилась так неожиданно, заикаясь и прося извинения.

Несмотря на то что Кармел сама была очень расстроена, она приложила все усилия, чтобы внимательно слушать, пока Пэм, которая, кстати, прекрасно выглядела, объясняла причины своего внезапного появления.

И конечно, было ужасно узнать то, что произошло между Пэм и Джеком – он всегда был так обходителен с Кармел, можно сказать, почти заигрывал с ней при каждой встрече. Подумать только, он ударил Пэм, и у нее случился выкидыш – самый настоящий кошмар.

Но в промежутках между приготовлением чая и разогреванием в духовке замороженной лазаньи, которая предназначалась им обоим, Кармел не могла перестать отчаянно думать о том, что в этот момент происходит в больнице. Может быть, с Лючией приключился какой-нибудь несчастный случай? Серьезно ли она пострадала? Разумеется, Кармел думала в первую очередь о Лючии – она сама и Пол отошли на второй план. Она сходила с ума от желания узнать, что происходит.

Но Пол был категорически против того, чтобы Кармел ему звонила или отправляла сообщения, пока он сам не выйдет с ней на связь. Поэтому у нее не было возможности выяснить, что, черт побери, происходит, и все, что она могла сделать, – это сконцентрировать свое внимание на том, что говорит ей несчастная Пэм.

К тому времени, когда удалось наконец уговорить Пэм пойти спать, терпение Кармел истощилось. Одно маленькое сообщение – какова вероятность, что Франческа его увидит? И когда через секунду зазвонил ее телефон и на экране Кармел увидела: *Пол*, она не раздумывая ответила на звонок и начала говорить, даже не убедившись, что позвонил действительно Пол.

А когда разговор внезапно оборвался, она просто не знала, что и думать. И не посмела перезвонить.

После всего этого она, разумеется, за всю ночь не сомкнула глаз.

А что, если это все-таки был не он? Кармел представила, как Франческа слушает по телефону ее голос, и вздрогнула от одной только мысли.

Но это целиком была вина Пола, он должен был поставить Кармел в известность. Конечно, он мог позвонить или отправить сообщение. С его стороны было несправедливо оставлять ее вот так, в полном неведении. Что ей еще оставалось делать в этой ситуации?

Кармел подняла голову и осмотрела затихший класс. Слава богу, сегодня короткий день, до конца занятий – час и сорок пять минут. Слава богу, что есть диск с мультфильмом «Мадагаскар», благодаря которому ее двадцать семь учеников сейчас сидят так тихо.

Двадцать семь, а не двадцать восемь. Кармел снова взглянула на пустующее место Лючии и снова задалась вопросом, жива ли девочка... От этой мысли свело пустой желудок. Нет ни Лючии, ни новостей, а нервы Кармел натянуты до предела, ее глаза болят от отсутствия сна, в итоге она не выдержала и накричала на Робби, когда тот вырвал из своего учебника страницу, она кричала на него так, как любят кричать

торговки на рынке, и как раз в этот момент в класс вошел директор школы – как вам это все?

Кармел снова положила голову на руки и закрыла глаза, пытаясь абстрагироваться ото всех звуков.

Она, конечно же, могла просто позвонить в школу. Сообщить им о том, что Лючия не придет, и кратко объяснить причину. Сегодня был последний учебный день, уроки закончатся раньше обычного, и никто бы не стал слишком беспокоиться, тем более что Лючия за целый год пропустила школу один или два раза.

Но Франческа и не думала звонить – она собиралась явиться лично. Она собиралась постучать в дверь класса начальной школы, посмотреть в глаза Кармел Гэннон и прочесть в них то, что там читалось.

Большую часть ночи Франческа пролежала без сна рядом с Лючией, думая об этих несчастных трех словах, которые прочла в смс-сообщении. У Пола был роман на стороне – в этом сомневаться не приходилось. Единственное, в чем Франческа не была целиком и полностью уверена, – так это в личности этой женщины. Все указывало на учительницу, но разве это могло быть правдой? Разве Пол мог увлечься такой неженственной особой?

Но кем бы ни была эта Кар, столкновение уже было неизбежно. Такие вещи Франческа не собиралась оставлять без внимания. Мысль о том, что она встретится лицом к лицу с женщиной, с которой Пол ей изменял, скорее раздражала, чем расстраивала: быть застигнутым врасплох в таком грязном деле – это так... *унизительно*.

Когда начало светать и первые бледные солнечные лучи проникли сквозь веселенькие шторы в спальне Лючии, Франческа услышала Пола – он собирался на работу. В этот момент она думала о том, какую жизнь они с Полом построили в этой стране. Она представила, что эта жизнь закончится, и поняла, ничуть при этом не удивившись, что такая перспектива ее совершенно не огорчает.

Услышав звук отъезжающей машины, Франческа встала, сварила для Лючии на завтрак яйцо всмятку, не обращая при этом никакого внимания на Мариетту, которая, совершенно потерянная, слонялась по кухне. Сидя рядом с дочерью и нарезая ей тонкими ломтиками тост, Франческа с удовлетворением заметила темные круги под глазами филиппинки. Было бы совершенно непростительно, если бы та спала ночью.

После завтрака Франческа сказала Мариетте, что отъедет на час.

– Пожалуйста, присматривай за Лючией и *не оставляй ее одну даже на секунду*. – Франческа говорила четко и кратко, одновременно надевая льняной пиджак лимонного цвета. У нее не было никаких сомнений в том, что на этот раз Лючия будет под присмотром: Мариетта была слишком напугана, чтобы оставить девочку одну.

Мариетта закивала головой, ее руки теребили кухонное полотенце.

– Конечно.

Франческа въехала на школьный двор, припарковалась между непонятно как наставленными машинами учителей и услышала из открытых окон различные звуки: где-то пели (правда, пение больше походило на кошачий хор), где-то повторяли таблицу умножения, откуда-то доносился детский смех.

Она повернула на себя зеркало заднего вида и открыла сумочку. Помада, подводка для глаз, тушь. Одним словом, боевой раскрас.

Резкий стук в дверь – два быстрых уверенных удара – напугал ее. Она слишком быстро поднялась, ей пришлось даже схватиться за край стола и подождать, пока рассеется темная пелена перед глазами. Идя к двери, Кармел молилась, чтобы это был кто угодно, но только не...

Перед ней стояла учительница Лючии, очень бледная. Она взглянула на Франческу и открыла рот, чтобы что-то сказать.

Франческа подождала, пока та начнет.

- Э-э-э, доброе утро. Я как раз думала, где же Лючия. - Пока Кармел говорила, ее шея и лицо покрылись отвратительными красными пятнами. Очень непривлекательно.

- Да. Мы получили вчера ваше сообщение. - Франческа холодно посмотрела на Кармел. - По крайней мере, я полагаю, что это были вы.

Только посмотрите, какая у нее плоская грудь - мужчине и подержаться-то не за что. Посмотрите, как она испугалась. Происходящее начало доставлять Франческе удовольствие.

Она ухватилась за дверной косяк и почувствовала прилив крови к лицу. Силы ее покинули. Ноги стали ватными - Кармел молилась, чтобы у нее хватило сил устоять на ногах.

Франческа стояла и ждала ответа, но Кармел не смогла ничего произнести. Что тут скажешь? За ее спиной продолжал идти мультфильм. Какой-то персонаж произнес: «О нет!» - и весь класс разразился смехом.

Франческа смахнула с плеча прядь волос, и Кармел почувствовала аромат ее духов.

- Да, кстати, я забираю свою дочь из этой школы. Я найду учителя получше, который не трахается со всеми подряд.

Она говорила громко и четко. За спиной Кармел несколько маленьких голов повернулись в сторону двери.

Она шла, не оборачиваясь. Ей была совершенно не интересна реакция этой глупой девицы. Кровь кипела, и это было хорошо. Франческа уверенно шагала по коридору, покачивая бедрами и распахивая перед собой двери. Какая-то женщина двигалась ей навстречу и улыбалась, и Франческа свернула к выходу.

Снаружи воздух был наполнен удивительными ароматами. Она села в машину и поехала прямо в офис Пола, напевая что-то по дороге.

Стефани подняла глаза, когда каблучки Франчески простучали по паркету в направлении ее стола, который находился у двери в кабинет Пола.

- О, привет, Франческа, он сейчас...

Франческа проскользнула мимо нее и вошла в кабинет, не обращая никакого внимания на мужчину, который сидел напротив Пола, незнакомец при ее появлении развернулся.

Франческа говорила так же четко, как и у дверей классной комнаты.

- Пришла, чтобы сообщить, что я узнала про тебя и твою шлюшку из школы. Я от тебя уйду. С этого момента ты можешь спать с кем только пожелаешь.

На полпути из кабинета она остановилась, как будто какая-то мысль неожиданно пришла ей в голову.

- Кстати, надеюсь, ты понял, что я тебя использовала? Только для того, чтобы забыть Луку.

И в довершение всего она, пребывая в прекрасном настроении, повернулась к сидящему напротив Пола мужчине и сказала, достаточно громко, чтобы Стефани ее услышала:

- Он никакой в постели. Очень старается, но с таким крошечным пенисом много не настаиваешь.

Затем она выскользнула из кабинета, оставив двух потрясенных мужчин, сидящих в полной тишине, и ощущая на себе испуганный взгляд Стефани.

По дороге домой Франческа подумала: «Так легко. Это оказалось так легко». Она вспомнила цветущую летнюю Перолу, и ее сердце запело. Она не обращала никакого внимания на телефон, который трезвонил в ее сумке всю дорогу до самого дома.

Первое, что она сделает, - это поменяет билеты на самолет. А затем переговорит с

Мариеттой.

- Не могу в это поверить.

Сколько раз за последние полчаса она произнесла эту фразу?

И снова Пэм покачала головой и ответила:

- Я знаю.

Они сидели на кровати в спальне Кармел, как птички на жердочке, на той самой кровати, на которой Пэм спала прошлой ночью. Пэм теребила пуговицу на пододеяльнике, то расстегивая ее, то застегивая.

Она только что закончила рассказывать Мэй все, что с ней случилось, вплоть до того момента, когда она вчера вечером оказалась на пороге дома Кармел, а водитель такси, не выключая двигателя машины, ждал за воротами платы за поездку.

- Слава богу, у Кармел оказались наличные.

Пока Мэй слушала рассказ Пэм, чувство ужаса, которое она поначалу испытала, постепенно стало превращаться в чувство стыда. Только подумать, Пэм пришлось пережить такую драму, а Мэй все это время ничего не замечала. Она была слишком поглощена своей личной драмой, которая сейчас выглядела просто смешной - капризный старик, пропавшее украшение, чужая беременность, - все это ее так поглотило, что она перестала замечать то, что происходит под носом.

И подумать только, Пэм все еще пытается защищать своего мужа, она, вместо того чтобы написать на Джека заявление в полицию, позвонила в банк и сказала, что потеряла свою кредитную карту.

- Я не могу написать на него заявление, Мэй, он же мой муж. Я просто не могу.

- И что ты собираешься делать?

- В понедельник я собираюсь вернуться в Корк. - Пэм подняла голову и уверенно посмотрела на Мэй. - Я бы уже уехала, если бы у меня вчера были деньги, а сегодня утром я решила, что сначала попробую встретиться с мамой, я боюсь ехать к ней домой, вдруг...

«Вдруг Джек будет искать меня там». Мэй покачала головой, как будто Пэм произнесла это вслух.

- Конор, мой брат, вчера вечером сказал, что Джек им уже звонил, спрашивал обо мне и повесил трубку сразу, как только Конор ответил, что меня у них нет. Джек вчера вечером звонил и сюда - Кармел сказала, что не видела меня. И тебе он звонил и продолжает попытки дозвониться до меня, но, конечно, я не... - Пэм затихла. - Я просто не знаю, что говорить бедной мамочке, она будет раздавлена.

- Не переживай за свою маму. С ней все будет в порядке, когда она узнает, что с тобой все хорошо. Сейчас нужно думать о себе.

Пэм прикусила губу.

- И еще, Мэй, я так не хочу бросать тебя на произвол судьбы, ты всегда была такой...

Мэй покачала головой.

- Пусть это беспокоит тебя в последнюю очередь. Я найду кого-нибудь. Конечно, и наполовину не такого хорошего, как ты, но мы справимся. - Когда Мэй это говорила, ее сердце ныло, она задавалась вопросом, сколько времени потребуется на то, чтобы найти хоть кого-то, у кого хватит сил терпеть упрямство Филипа. Придется на какое-то время брать меньше заказов.

Мэй пересекалась с Джеком Трейси несколько раз. В первый раз это произошло тогда, когда Пэм откликнулась на объявление о работе на дому, Мэй ей позвонила и попросила приехать для встречи. Джек привез Пэм и сидел в машине, пока Пэм не обмолвилась,

что муж ее ждет. Мэй настояла на том, чтобы он зашел и выпил с ними чая. Темноволосый, симпатичный, довольно обаятельный. Наговорил Мэй комплиментов, расспросил Филипа о книге, которая лежала на столе. Пэм приступила к работе в доме Мэй, и Джек подвозил ее каждое утро и иногда случайно пересекался с Мэй, когда та сама отправлялась на работу. Всегда дружелюбный, всегда перекидывался с ней парочкой слов, всегда производил приятное впечатление.

Однажды он заехал во второй половине дня, чтобы забрать зонтик, который забыла Пэм, и поболтал с Мэй пару минут, стоя на порожке, вежливо отказавшись от ее приглашения зайти на чай – Пэм уже приготовила ужин и ждет его дома.

Ребекка зашла к Мэй как раз тогда, когда Джек уходил, и Мэй их познакомила. Как только он отошел достаточно далеко, чтобы не слышать их разговор, Ребекка высказала недоумение, почему некоторые женщины оказываются такими везунчиками. Если бы они только знали правду.

Через некоторое время Мэй поднялась с кровати.

– Что ж, кухня сама себя не покрасит. Я, пожалуй, начну.

Пэм тоже встала.

– Я тебе помогу. Я как раз думала, чем заняться.

Они собирались спуститься вниз, когда зазвонил дверной звонок.

Пэм замерла и схватилась за руку Мэй.

– Это может быть он.

Она выглядела жутко напуганной.

Мэй покачала головой.

– Сомневаюсь. Он знает, что Кармел на работе.

Но на всякий случай они вернулись обратно в комнату. Мэй подошла к окну и посмотрела на улицу. Козырек крыльца прятал от нее входную дверь, но дорогу было видно хорошо.

– На какой машине он ездит? – Сама Мэй не могла вспомнить, хотя неоднократно ее видела.

– Темно-синяя «Мазда-626».

Машина стояла там, через три дома.

– Номер 4-2-7-9?

У Пэм резко перехватило дыхание.

– О господи, это он. – Она прижала руки к лицу. – Не ходи вниз, не пускай его.

– Нет, конечно, нет.

Когда Мэй отошла от окна, звонок несколько раз нетерпеливо прозвонил снова. Пэм дрожала, ее лицо было белое как мел.

Прошло несколько секунд. Обе стояли, не шевелясь, и ждали. Внезапно Мэй вспомнила о задней двери. Наверняка Кармел заперла ее.

Потом Мэй вспомнила про свой телефон, который лежал внизу, на кухонном столе. Она оставила его там, когда готовила чай себе и Пэм. Мэй не могла рисковать и идти за ним: если Джек посмотрит через прорезь для писем, то он ее увидит, когда она будет спускаться вниз.

Мэй снова выглянула в окно. Машина все еще стояла. Что он делает? Почему такая

тишина?

И тут он появился, он шагнул к своей машине. Синие джинсы, рубашка. Резко распахнул дверцу, а потом так же резко ее захлопнул. Через секунду машина рванула с места.

Мэй повернулась к Пэм.

- Все в порядке, он уехал.

Слезы текли по лицу Пэм и по рукам, которые она прижимала к щекам. Теперь она принялась тихонько всхлипывать, закрыв лицо руками.

Мэй подошла к ней и обняла.

- О Пэм, бедняжка.

Что можно было сделать? Наблюдая сейчас за Джеком, Мэй отчетливо почувствовала его гнев, увидела, насколько суров его настрой. Он уже доказал, что способен на насилие. Успокоится ли Джек теперь?

Но Пэм не хотела заявлять на него, а разве Мэй имела право настаивать? Разве может она вмешиваться в то, что происходит между мужем и женой? Откуда она знает всю подноготную их отношений?

Немного позже они спустились вниз и после того, как Мэй убедилась, что все двери заперты, принялись красить. Это было единственное, на что у них хватило сил.

И ни в этот момент, ни в течение последующих двух дней Мэй не пришло в голову, что Джек Трейси мог заметить ее велосипед, который был пристегнут к воротам.

- Перерыв. - Он открыл дверь магазина и вошел внутрь, неся в руках картонный поднос, на котором стояли два бумажных стаканчика и коричневый бумажный пакет. - Прекрасно, покупателей нет.

- Вообще-то отсутствие покупателей - это не очень хорошо. - Бернارد строго посмотрел на него. - По крайней мере, сегодня утром ты не пытаешься ко мне подкрасться, как вчера.

- Это больше не повторится, клянусь. С другой стороны, ты тоже не святой - мог бы рассказать мне о письме, когда я тебе позвонил.

- Не хотел тебя беспокоить. А ты почти довел меня до сердечного приступа. - Бернارد открыл пакет и выложил на поднос печенье. - Надеюсь, оно с белым шоколадом?

- Естественно. - Шон вручил ему стаканчик с кофе, а потом осторожно потрогал свою шею. - О, однако.

- Все еще жжет? - Бернارد без особого сочувствия отхлебнул из стаканчика.

- Забыл защитный крем... Ладно, правильно я понимаю, что письмо уже у полицейских?

Бернارد кивнул и отломил кусочек печенья.

- Выражаясь их языком, они его изучают.

- А камеры?

- Сказали, что подъедут в два часа.

- Хорошо. Я приеду к закрытию.

- Нет необходимости. Уже установят камеры...

Шон не обратил на слова Бернарда никакого внимания.

- Я приеду к закрытию, и мы сначала отправимся к О'Меаре, съедим там по хорошему фруктовому мороженому, а затем пойдем в «Касбах», потому что там я забронировал

столик. – Шон вопросительно посмотрел на Бернарда. – Хорошо?

Бернард улыбнулся.

– Ну если у меня нет выбора... – И в этот момент Шон понял, что прощен.

– ...поэтому мы больше не нуждаемся в твоих услугах. – Она закрыла чемодан и повернулась к Мариетте. – Ты можешь остаться здесь еще на две недели, пока тебе не подыщут новое место. Я уверена, что Пол не будет возражать, чтобы кто-нибудь готовил ему еду и стирал носки.

Мариетта кивнула. Франческа стало интересно, сколько из сказанного ею поняла филиппинка, а потом она решила, что ей все равно.

Лючия вприпрыжку прискакала в спальню.

– Мама, можно я возьму в самолет Грегора? – Она держала огромную гориллу, которая была почти с нее ростом.

Франческа покачала головой.

– Нет места, *cara*. Но обещаю, мы попросим Пола прислать нам его, и Пол обязательно это сделает.

Мариетта продолжала стоять напротив, уставившись в пол.

– Что-то еще? – спросила Франческа. – У меня очень много дел.

Мариетта подняла глаза и, зафиксировав взгляд на левом плече Франчески, спросила:

– Вам приготовить что-нибудь поесть?

– Не нужно. – Франческа развернулась и пошла к туалетному столику. – Мы перекусим в аэропорту.

Она начала складывать косметику в блестящую бирюзовую косметичку.

Мариетта продолжала стоять.

– Приготовить ужин для мистера Райана?

Франческа развернулась, ее лицо не выражало никаких эмоций.

– Мне все равно, что ты для него приготовишь.

Она стояла и ждала, пока Мариетта тихо выходила из комнаты, потом взяла телефон с туалетного столика и набрала номер такси.

Когда Мэй вошла, Филип удивленно посмотрел на нее и отложил газету.

– Ты рано вернулась.

Мэй кивнула.

– Это потому, что мне помогли с покраской – Пэм некоторое время поживет у Кармел. – Она помолчала. – Папа, боюсь, она больше не будет у нас работать.

Она приготовилась к тому, что разразится буря возмущения, но, к ее удивлению, Филип только угрюмо кивнул.

– Я так и подумал, что там произошло что-то забавное.

– Ты так подумал? Почему?

– Этот ее муженек звонил сюда. – Филип нахмурился. – Заставил меня вылезти из кровати, звонил как сумасшедший, пока я не ответил, и даже не принес извинений. Спрашивал, не у нас ли Пэм.

Значит, Джек звонил сюда, звонил Мэй домой. Он ждал, пока Филип вылезет из кровати, спустится вниз – это же как минимум десять минут.

– Что ты ему сказал?

Филип посмотрел на Мэй как на слабоумную.

– А ты как думаешь, что я ему сказал? Разумеется, сказал, что ее здесь нет. – Он снова взял газету. – Похоже, они повздорили, вот что я обо всем этом думаю. Если они такие, обойдемся и без нее.

Мэй подумала, а потом сказала:

– На самом деле там все гораздо серьезнее.

Она садилась в машину, когда вспомнила, что Пэм находится у нее дома. И Мэй тоже там, красит стены. Меньше всего Кармел сейчас хотелось с кем-нибудь разговаривать. Достаточно того, что ей пришлось высидеть последний-в-этом-учебном-году обед с сэндвичами, купленными в новом гастрономе, и парой бутылок виноградной газировки. Кармел вежливо кивала, когда кто-то из сидящих рядом что-то говорил, постоянно поглядывая на часы и выжидая время, когда она сможет уйти так, чтобы это выглядело прилично.

Она устала слушать обсуждения похмелья после вчерашнего, а также разговоры на тему, кто куда поедет на каникулы. Ей не было до этого никакого дела, она мечтала, чтобы все заткнулись.

Затем люди наконец стали выходить из-за стола, и она направилась в свою теплую классную комнату, чтобы навести порядок и как-то все подготовить к следующему набору четырехлеток. Она сняла со стен рисунки, картинки и постеры. Те из них, которые можно было еще использовать, сложила в ящик, а остальные выбросила в корзину.

Уголок живой природы она очистила от ракушек, разваливающегося птичьего гнезда, перьев, листьев, веточек и камушков, затем сложила в аккуратные стопки библиотечные книги. Вымыла стаканчики для рисования и кисти и оставила их сушиться. В корзину для мусора выбросила старые карандаши и ручки, протерла доску и столы.

И, пока Кармел работала, мысли постоянно возвращались к этой ужасной сцене, которая разразилась у дверей класса. Как только она смогла продержаться остаток утра, после того, как ушла Франческа... дети каким-то образом почувствовали ее состояние, они стали настороженно поглядывать на ее пылающее лицо... *«Я найду учителя лучше, который не трахается со всеми подряд»* – Господь Всемогуший, что на это можно ответить?

И, конечно, Робби, этот бестолковый Робби, со своим: «Она сказала слово на букву Т». Наверное, весь город уже знает про скандал, который закатила мама Лючии на пороге класса.

Но что просто убивало Кармел, так это то, что Пол никак не проявился. Он вообще в курсе того, что Франческа про них узнала? Может быть, Франческа только ее решила запугать? Может быть, она ничего ему не сказала в надежде, что все само рассосется?

Но даже если Пол и в курсе, то что с того? Возможно, он немного сердится на Кармел, но ему наверняка понравятся острые ощущения от того, что Франческа их подозревает.

Потому что, кроме подозрений, у нее ничего нет – у нее нет ни малейшего доказательства. Сообщение ничего не доказывает. И Кармел ни в чем не призналась. А то, что она покраснела, не доказательство.

Ведь очевидно, что Пол просто с ума от Кармел сходит. Он называл ее своей маленькой девочкой, и, когда бы он ни приходил, он никогда не мог насытиться ею. А те выходные в Италии были просто фантастическими, даже несмотря на то что Полу пришлось всю субботу потратить на какую-то дурацкую конференцию. Зато они наверстали упущенное ночью – он был как дикое, необузданное животное. Вряд ли он увез бы Кармел на все выходные, если бы она была ему безразлична, так ведь? И вряд ли подарил бы ей это

украшение.

Выехав со школьного двора, она повернула направо. Она поедет к нему на работу и встретится с ним. Ей нечего терять: что может быть хуже того, что произошло сегодня утром? И конечно, он восхитится ее дерзостью. Полу всегда нравились женщины с огоньком.

Она посмотрела на часы на панели – половина четвертого. Ей, может быть, даже удастся уговорить его уйти с работы пораньше, и они поедут в гостиницу, так как сейчас ее дом вне игры – там Пэм. Вот тогда Кармел сможет продемонстрировать ему всю глубину своей вины...

Он шел к своему автомобилю, когда она заехала на площадку перед заводом. Пол заметил Кармел, замер и стал ждать, когда она припаркуется и подойдет к нему.

Он посмотрел на нее, прищурившись.

– Что ты тут делаешь?

По всей видимости, он был не очень рад ее видеть – наверное, Франческа с ним уже поговорила. Кармел наклонила голову и поднесла ко рту палец.

– О дорогой, похоже, я попала в черный список. – Он никогда не мог устоять перед ее детским голоском. – Я повела себя как глупая маленькая девочка, правда? Думаю, я заслужила, чтобы ты меня хорошенько отшлепал.

Он не ответил. Его лицо выражало ярость. Похоже, у Кармел большие проблемы.

Она решила сменить тактику, вытянула руку, чтобы прикоснуться к его лицу, и начала говорить своим обычным голосом.

– Дорогой, я знаю, что я сделала...

Он схватил ее за запястье.

– Теперь слушай сюда, ты, тупая сучка. – Он говорил тихо и решительно. – Если ты еще раз попытаешься со мной заговорить, я тебя засажу. Поняла? – Он отбросил ее руку и быстро пошел к своей машине.

Кармел замерла и долго стояла без движения, даже после того, как его машина уехала.

В конце концов Кармел вернулась к своей машине и поехала домой, ехала она очень осторожно.

Который сейчас час? Половина четвертого. Он уже должен быть дома. Она набрала номер Пэдди: первый, второй, третий гудок. *Пожалуйста, пусть он будет дома.*

– Алло.

Она вздрогнула.

– Не кричи. У тебя есть молоко? – Она говорила хриплым голосом, каким обычно квакают лягушки.

– Простите, с кем я говорю?

Изольда закрыла глаза и медленно произнесла:

– Не начинай. Я умираю. У меня такое похмелье, что тебе не снилось. У меня закончилось молоко, а сама я до магазина не доползу. Если в ближайшее время я не волью в себя литр чая, то... – Она замолчала, так как силы ее иссякли.

– Хорошо, хорошо. – Голос Пэдди звучал удивленно. – Я сейчас приду. У тебя есть лекарство от головной боли?

Она кивнула, а потом снова вздрогнула.

- Да, нужно только молоко.

Во всем виноват последний бокал, всегда виноват именно последний бокал. Сразу после того, как она выпила предпоследний, на котором и нужно было остановиться, какой-то черт из преподавателей старших классов поставил перед ней еще один, и в тот момент мысль опустошить его показалась лучшей идеей на свете.

Изольда застонала. Как только ей удалось пережить утро, не убив, ну или хотя бы серьезно не покалечив кого-нибудь из своих учеников. Они хрустели своими луковыми чипсами, а для нее любой пронзительный звук был мучительным. А еще эта липкая жара, от которой было только хуже.

Кармел, хотя и недолго веселилась с ними вчера ночью, тоже выглядела не очень. Изольда с ней еще не успела поговорить, та на обеде сидела на другом конце стола, определенно, выглядела уставшей. Должно быть, хорошо где-то развлеклась ночью.

Кармел... что-то было с ней связано, о чем Изольда забыла.

Звук дверного звонка пронзил ее насквозь, как гарпун. Она открыла дверь, приложив палец к губам.

- Тс-с. Дай. - Изольда потянулась к пакету с молоком и осторожно прошла на кухню. - Господи, чтобы еще раз... Никогда.

Пэдди прислонился к дверному косяку и смотрел, не скрывая удивления, на то, как она готовит чай.

На ней было лимонного цвета платье, которое прикрывало невысокие, по щиколотку, синие ботинки, а поверх платья была наброшена черная кружевная туника.

- Во всем виноват Гэвин Мерфи из старшей школы. Это он покупал мне выпивку.

- Может быть, он за тобой ухаживает?

Изольда скривилась.

- Надеюсь, никто не сообщит об этом его жене. - Ее волосы были заколоты чем-то похожим на чайное ситечко. Она налила чай в две чашки, потом в одну добавила молоко и глотнула. - Ох. - Вторую чашку она вручила Пэдди, после чего взяла открытую упаковку панадола, которая лежала на столешнице. - Садись, и я расскажу тебе все обрывки вечера, которые смогу вспомнить.

И уже после того, как были выпиты несколько чашек чая, Пэдди заметил что-то лежавшее на телефонном столике в прихожей. Он остановился и взял это в руки.

- Откуда это у тебя?

Изольда посмотрела на подвеску.

- *Черт*, я же помнила, а потом забыла. Это подвеска Кармел. Она ее потеряла, а я нашла и собиралась отдать ей сегодня. Черт, я сейчас позвоню ей домой. Нет, сделаю это завтра, когда приду в себя.

- погоди. - Пэдди перевел взгляд с подвески на Изольду. - Где Кармел ее взяла?

Изольда пожала плечами.

- Какой-то ребенок подарил ей на окончание учебного года. А что?

- А то, - Пэдди положил цепочку на тыльную сторону руки, - что я знаю эту подвеску. Вообще-то, - он снова взглянул на Изольду, - это я ее сделал.

- Что? - Изольда нахмурилась, а после покачала головой. - Нет, этого не может быть. Я же тебе говорю, Кармел получила ее в подарок. Ты, наверное, спутал ее с какой-то другой.

- погоди. - Пэдди подцепил пальцем крошечную ракушку и поднес ее к лицу Изольды. -

Помнишь, в детстве я собирал такие ракушки?

- Да, но...

- Ты послушай. Помнишь, моя комната была забита ими? Они просто сводили маму с ума, когда она пыталась навести там порядок. Вспомнила?

Изольда скрестила руки и прислонилась к стене.

- Ну да, да, помню, но...

- А потом, когда мне было тринадцать или четырнадцать, я их выбросил.

Изольда улыбнулась.

- Да-да, когда ты открыл для себя Карен О'Тул.

Пэдди усмехнулся.

- Да, как раз в то время. Но я оставил себе несколько самых любимых, и эту. - Он покачал ракушкой перед ее лицом. - Эта была самая маленькая. И я ее ни с чем не спутаю.

На лице Изольды появилось сомнение, но затем она снова нахмурилась.

- Я все еще не понимаю, как она могла оказаться у Кармел. Пэд, ты все же что-то путаешь.

Он уверенно покачал головой.

- Нет, я ничего не путаю. Я попросил ювелира продеть сквозь нее цепочку и... - он замялся, - ...и потом я... подарил ее одному человеку. Это было в начале года.

Брови Изольды поползли вверх.

- Ты подарил ее одному человеку? Кому?

Пэдди отпустил цепочку, и подвеска упала ему в руку.

- Не думаю, что могу тебе сказать, она сама всего не знает.

- Что? - Изольда смотрела на него с недоверием. - То есть ты подарил эту подвеску какой-то женщине, а она об этом не знает?

- Ну, конечно, она знает, что ей кто-то подарил подвеску, но она не знает, что это сделал я. Я отправил ее анонимно. - Он улыбнулся, покраснев. - На День святого Валентина.

- Значит, так. - Изольда медленно кивнула. - Ты мне только что сказал, что ты отправил эту подвеску и абсолютно уверен, что именно эту подвеску...

Он кивнул.

- Какой-то загадочной женщине, а потом эта подвеска как-то попала к Кармел? - В ее голосе звучало недоверие.

Пэдди пожал плечами.

- Я знаю, что это звучит очень странно, и я сам не понимаю, как это могло произойти... - он замолчал, - ...если только та, кому я ее подарил, не потеряла ее, а потом кто-то другой ее нашел и отдал Кармел. Ты же сказала, что тоже ее нашла, так? Получается, Кармел ее тоже потеряла?

- Да, в тот же день, когда ей подарили эту подвеску. - Изольда посмотрела на ракушку. - Наверное, она с нее свалилась.

Пэдди изучил крохотную застежку.

- Замок, похоже, слабоват. - Он взглянул на Изольду. - Вероятно, он расстегнулся.

- Точно. Слушай, это просто удивительно, что подвеска в итоге снова попала к тебе – человеку, который сам ее сделал. Однако бедная Кармел. – Изольда умоляюще посмотрела на брата. – Пэд, теперь ты просто обязан рассказать мне, кто она.

Пэдди улыбнулся.

- Прямо так и обязан?

Она плавно проскользнула и встала между ним и дверью.

- Да, если хочешь выбраться отсюда живым.

- Вообще-то самое смешное то, что ты сама мне подарила эту девушку. – Он продолжал улыбаться.

- Подарила тебе девушку? – Изольда нахмурилась. – Да что, черт возьми, ты...

- Иззи, это Мэй. Я отправил подвеску Мэй О'Каллахан. Ты мне ее подарила на день рождения, помнишь?

Изольда посмотрела прямо в его лицо.

- Та Мэй, которая работает у тебя в саду? Эта Мэй?

- Та самая Мэй.

- О господи. – Ее рот начал медленно расплываться в улыбке. – Не могу в это поверить. Я с трудом могу вспомнить, как она выглядит. А ты тут шлешь ей украшения.

Пэдди улыбнулся.

- Вообще-то только одно украшение.

- О господи, мой братик такой романтичный. – Изольда взяла его под руку. – Знаешь что? Думаю, похмелье меня отпускает. Возвращайся, давай выпьем еще чайку. Значит, ты отправил ей подвеску, а что потом?

- Ну, вообще-то, больше особо рассказать нечего. – Пэдди не сопротивлялся, пока Изольда тащила его на кухню. – Я больше не хочу чая. У тебя еще что-нибудь есть?

Изольда открыла холодильник и заглянула внутрь.

- У меня есть «люкозад» и текила. Но нет лимона. О, еще осталось немного шоколадок с мятой. – Она вытащила коробку.

Пэдди посмотрел на предложенное без какого-либо интереса.

- Тебе следует позаботиться о том, чтобы в холодильнике всегда была хотя бы бутылка вина.

- Хватит уходить от темы. – Изольда развернула шоколадку. – Думаю, я могу себе позволить одну... итак, что ты имеешь в виду под «больше особо рассказать нечего»? День святого Валентина был... – она задумалась, -...четыре месяца назад. И что ты за это время сделал, чтобы завоевать сердце Мэй О'Каллахан?

Пэдди облокотился о стол и скрестил руки.

- Рагу из курицы.

- Пардон? – Изольда уставилась на брата. – Ты приготовил ей рагу из курицы?

- Это то, что у меня сегодня на ужин вместо шоколадок. И я сейчас собираюсь пойти домой и приготовить его. Если ты хочешь услышать продолжение, то можешь прийти ко мне. Мне нужно двадцать минут.

Изольда задумалась.

- Вино будет?

- Разумеется.

- Говорят, оно хорошо снимает похмелье.

- Да, говорят.

Пэдди ушел, а Изольда медленно пошла на кухню. Мэй О'Каллахан - подумать только, это после всех ее попыток свести его с кем-нибудь. Но, в конце концов, это *она* нашла ему Мэй.

Может быть, ей стоит заделаться профессиональной свахой - они вроде зарабатывают огромные деньги. Может быть, теперь попробовать подыскать кого-нибудь для Кармел - ей не помешал бы небольшой романчик, она уже сто лет не ходила ни с кем на свидания. А теперь она еще и подвеску свою назад не получит.

Изольда вышла из кухни, чтобы принять душ, что-то насвистывая на ходу. По крайней мере, сегодня вечером ее ждет хороший ужин. А от небольшого бокала вина вреда точно никакого не будет.

Она набрала домашний номер мамы и услышала гудки.

- Алло.

- Мама, это я.

- Пэмми, дорогая, где ты? Я места себе не нахожу.

Пэм крепко зажмурилась.

- Прости, мама. Я попросила Конора сообщить тебе, что со мной все в порядке. Я у подружки, я не могу сказать, где это, но со мной все хорошо. Звонил ли... - Она с трудом смогла произнести имя. - Объявлялся ли Джек?

- Он только один раз позвонил вчера вечером. Что происходит, детка? Вы что, поссорились? - Было слышно, что мама в замешательстве. - Это серьезно?

- Да, серьезно. - Пэм замешкалась. - Я... я собираюсь... - Она прикусила губу. Потом глубоко вздохнула и попыталась снова: - Мама, я от него ухожу.

- О господи, Пэмми, не может быть. И ты никак не можешь это уладить? Ты не можешь с ним поговорить? Может быть...

- Мама, он меня ударил. - Вот и все. - Он ударил меня.

Она услышала, как мама тяжело вздохнула.

- О господи, ты в порядке?

- Сейчас со мной все нормально. Послушай, мам, мне сейчас нужно на какое-то время уехать, потому что он может меня найти. Хорошо? И если... если он придет и спросит про меня, скажи ему, что ты не знаешь, где я, тем более что это будет правдой.

- О, Пэмми...

- Слушай, я приеду к тебе в воскресенье. Я попрошу Кармел меня отвезти, или Конор за мной заедет, хорошо? Тогда мы поговорим подольше. - К воскресенью она будет в безопасности, ему наверняка к этому времени надоест ее искать, и он решит, что она уже каким-то образом уехала из города. - Я позвоню завтра вечером, и мы что-нибудь придумаем. Мне нужно немного денег, пару сотен евро. Ты сможешь мне одолжить ненадолго?

- Конечно, дорогая. Я попрошу Конора завтра снять деньги с карты. Главное сейчас - это твоя безопасность.

- Я теперь в безопасности. Скоро снова поговорим. - Пэм повесила трубку и попыталась сдержаться, чтобы в сотый раз не разрыдаться. В этот момент она услышала, как Кармел

ключом открывает замок. Пэм изобразила на лице улыбку и начала спускаться по лестнице вниз, чтобы встретить подругу. Уже два дня подряд она не могла встретиться с ней взглядом.

Но Кармел, едва увидела Пэм, сама принялась громко рыдать.

Он быстро напечатал несколько слов, посмотрел пару секунд на экран, а потом все удалил. Сегодня ему не писалось. Диалоги получались кондовыми и, когда он мысленно их проговаривал, звучали дико фальшиво. А еще шея затекла, но, слава богу, после того, как он помазал ее сметаной, хотя бы прекратилось жжение.

Он может позволить себе перерыв, тем более что они собираются сегодня в город. Может быть, виновата жара, слишком сильная для Ирландии. Сегодня не меньше двадцати пяти градусов.

Из распахнутого окна доносился ритмичный звук – Мэй подстригала изгородь. Похоже, в такой жаркий день она полна сил.

Он взял со стола часы и проверил время, потом нажал клавишу «сохранить», поспешно вышел из-за стола и направился в сторону ванной, по пути стягивая с себя футболку. Он, возможно, опоздает на пару минут, но Бернард не будет сердиться: в такую жару Шон просто не мог не принять душ.

Она срезала последние выбившиеся отростки живой изгороди и рукавом вытерла лоб. Сегодня было жарко. Подождем, когда Филип обнаружит, что на обед у них холодное мясо, и это после салата с сыром, который она оставила ему в холодильнике. Наверняка он что-нибудь скажет по этому поводу.

Она принесла из сарая щетку и собрала срезанные ветки в пакет. Как раз в тот момент, когда она складывала последний пакет в свой зеленый садовый мешок, из соседнего дома появился Шон, который явно торопился.

- Ты выглядишь так, будто куда-то опаздываешь.

Он не остановился.

- К Бернарду, мы сегодня встречаемся в городе. - Выходя на дорогу, он поднял руку. - Хорошего вечера.

- Тебе тоже. - Вот еще одна парочка, выходящая в свет. Она потащила мешок с ветками вдоль задней стороны дома, потом вошла внутрь, чтобы нарезать холодное мясо и положить его на две тарелки.

Может, это и было очень рискованно, но она добавила огурчиков.

Без десяти шесть, наконец-то. Он достал деньги из кассового аппарата, сложил монеты в мешочек, связал купюры и положил все в свой кожаный портфель. Затем вышел на улицу, чтобы еще раз посмотреть на две новые камеры. Жаль, что они висят так, что портят фасад магазина, но, видимо, это неизбежно.

Он помахал мисс Дули, которая вышла из булочной, расположенной через дорогу, затем внес внутрь магазина корзины с нераспроданными цветами и вкатил подставку для корзин. Пока никаких признаков Шона. Такая жара... просто невыносимая.

Напоследок он еще раз оглядел свои владения – завтра нужно заказать больше гипсофилов. Он пошел к двери, чтобы вывеску «Добро пожаловать, мы открыты» поменять на «Извините, мы закрыты», и в этот момент кто-то снаружи толкнул дверь.

- Вы еще работаете? - При этих словах Бернард почувствовал запах алкоголя.

Бернард кивнул.

- Да, конечно, вы как раз вовремя. - Он развернулся, чтобы поставить на прилавок свой портфель. - Чем я могу...

Это были его последние слова перед тем, как что-то холодное и тяжелое ударило его по

затылку.

Он шел по улице быстрым шагом, почти бежал. Осталось пройти два дома, а значит, он опоздает на десять минут. Шон уже вспотел так, как будто и вовсе не принимал душ. Он посмотрел на небо – собирались свинцовые тучи. Похоже, ночью будет гроза, зато воздух станет свежим.

Мимо него прошли две девочки-подростка, одна из них, более крупная, грубо в него врезалась и даже не потрудились принести извинения. Эти подростки могут быть такими отвратительными, куда катится мир.

Подойдя к дому, где находился магазин Бернарда, Шон заметил новые камеры, они торчали на самом виду. Бернард их уже наверняка ненавидит за то, что они испортили ему чудесный деревянный фасад, который, похоже, оставался неизменным с тех пор, когда его родители открыли этот магазин, а это было более сорока лет назад. Но, по крайней мере, теперь Бернард в безопасности.

С витрины все уже было убрано. На двери слегка покачивалась табличка «Добро пожаловать, мы открыты». Вряд ли Бернард забыл ее поменять – на него это не похоже.

Дверь была приоткрыта. Шон ее толкнул и зашел внутрь.

– Эй!

Перед его глазами предстала такая картина: перевернутые корзины, разбросанные цветы, покосившиеся столики. Понадобилось немного больше времени, чтобы заметить красную струйку шириной в палец, которая вытекала из неподвижного тела Бернарда и лениво, подобно змее, тянулась по виниловому полу к ногам Шона.

Зазвонил мобильный. Он его вытащил, прочитал на экране: *Джон М*, после чего отклонил вызов. Это по работе – может подождать. Остановившись на следующем светофоре, он снова набрал Франческу и снова услышал ее автоответчик.

Он безумно боялся ехать домой: он боялся того, что его там ожидало. Неужели Франческа действительно решила его бросить? Вдруг она уже уехала, забрав с собой дочь?

Вдруг он больше никогда не увидит Франческу?

Эта мысль оказалась для него просто невыносимой. Больше никогда не прикоснуться губами к теплomu поту на ее коже, больше никогда не дотронуться руками до ее обнаженного тела, такого горячего и такого чувственного...

Нет, он не мог об этом даже подумать. Ничего еще не кончено, такого не может быть. Франческа не бросит его после одной-единственной ошибки. И она со зла про Луку. Это неправда. Франческа любит Пола. Он это знал и без ее слов. Она бы не расстроилась из-за Кармел, если бы не любила его, ведь так?

Франческа не отвечала на его звонки, хотя он все утро пытался до нее дозвониться, сразу, как только избавился от этого чертового Билла Херли, который с таким удовольствием наблюдал за развернувшейся перед ним сценой. И который пялился на Франческу, пока она бушевала, а затем смотрел на Пола, стараясь сдержать ухмылку. Он наверняка уже всем все рассказал и получил от этого большое удовольствие – Пола Райана застукала его итальянская секс-бомба, и он огреб по полной программе. Пол Райан и его крошечный пенис.

А эта тупая маленькая шлюшка нарисовалась у его работы и вела себя так, как будто ничего не случилось, как будто то, что она сделала, – это всего лишь неудачный розыгрыш. Если бы он в этот момент не опаздывал на встречу, то сказал бы все, что о ней думает. Тупая корова, взяла и разболтала их секрет. Все испортила.

В его мысли ворвался вой сирены «Скорой помощи». Пол подождал, пока машина проедет мимо, сирена напомнила ему о вчерашнем дне, когда он сам мчался в больницу. Франческа бросилась к нему, когда он приехал, она плакала и рассказывала, что произошло.

За рулем он автоматически смотрел по сторонам, стараясь разглядеть темноволосую женщину с маленькой кучерявой девочкой. Неужели прошло всего четыре года, лишь четыре года с тех пор, когда он в первый раз зашел в небольшой семейный ресторанчик, расположенный в одном из переулков Перолы, и впервые увидел Франческу Тутторо?

Это был один из тех невообразимо жарких августовских дней, когда все становилось неподвижным и тяжелым от жары, а Пол мечтал о холодной прохладе Ирландии и скучал по свежим летним ливням, напоминавшим ему о доме.

Не то чтобы он сожалел о том, что год назад бросил свою работу в Лондоне, тем более после этой неловкой ситуации с Сарой, которая начала совершенно мерзким образом обвинять его в том, что это он заставил ее сделать аборт, хотя это было полным бредом. Это было их общее решение – бесспорно, именно так и было.

И если бы Сара не была племянницей одного из управляющих директоров, все бы на этом и закончилось. Они бы еще какое-то время поругались, а потом бы разошлись, и у каждого началась бы своя жизнь, и все, конец истории. Возможно, это создало бы на какое-то время незначительные неудобства на работе, но они легко смогли бы там не пересекаться, учитывая плотный график командировок Пола.

Но у Сары была другая точка зрения на всю ситуацию. Через несколько дней после их разрыва Пола вызвали в офис ее тети, где ему было настоятельно рекомендовано приступить к поиску другой работы, желательно за пределами Лондона. Имя Сары упомянуто не было, разумеется, но тетя держалась с ним очень холодно, и у Пола не было никаких сомнений, почему ему было предложено покинуть компанию.

Сначала он был настроен проигнорировать это требование – не было такого закона, который бы запрещал заводить романы с коллегами, даже с такими юными, как Сара. Пару лет назад она уже достигла совершеннолетия. Она уже была достаточно взрослой, чтобы иметь больше золотых кредитных карт, чем у Пола.

Но пока он обдумывал, как ему лучше поступить, он услышал про активно развивающуюся компьютерную фирму в Италии, которая набирала сотрудников, и просто смеха ради, а вовсе не потому, что у него было желание переехать, Пол отправил туда свое резюме.

Когда его пригласили на собеседование, он принялся искать Перолу на карте Италии и был приятно удивлен, обнаружив ее на побережье Адриатического моря, прямо напротив Рима. Оказывается, это место не совсем у черта на рогах, и там гораздо теплее, чем в Лондоне.

К апрелю Пол переехал и устроился в современных апартаментах, предоставленных ему новым работодателем на первое время. Его очаровала Перола с ее коктейлем из старинных мощеных улочек с маленькими семейными магазинчиками, барами и ресторанами и новым оживленным индустриальным районом, в котором, к счастью, не оказалось слезливых молодых девиц, обвиняющих его в том, что он разрушил их жизнь.

Пол шел на работу по улицам, заполненным солнцем и утопающим в зелени, и вспоминал лондонскую подземку, переполненную молчаливыми людьми, шум автомобилей в час пик дождливого дня. А по выходным Пол плавал в чистейшем голубом море и наблюдал за элегантными загорелыми итальянцами.

В течение первых месяцев он избегал неофициальных мероприятий, которые организовывали его многочисленные итальянские коллеги. Не потому, что его не приглашали – коллеги оказались невероятно дружелюбными, и он всегда получал от них приглашения, – а потому, что у него не было никакого желания рисковать своим новым и таким приятным положением ради какой-то очередной Сары.

Он принял решение больше никогда не вступать в отношения с коллегой по работе, и ему не потребовалось много времени, чтобы вычислить как минимум двух потенциальных соблазнительниц. Лучше держаться от них подальше – как показывал его предыдущий опыт, ему не всегда хватало сил устоять перед женщиной. Поэтому он решил сосредоточиться на работе и находил себе достаточно развлечений, общаясь с одинокими туристками, которым нужна была помощь в Пероле.

Однажды вечером, спустя четыре месяца после своего переезда в Перолу и по окончании очень продуктивной рабочей недели, он принял душ, побрился и переоделся в серую шелковую рубашку и черные льняные брюки. Дни были все еще душными – к тому времени, когда он дошел до маленького бара, в котором по вечерам пропуская стаканчик, рубашка на спине уже намочила от пота.

Пол заказал себе виски со льдом и сел через два стула от компании из трех молоденьких девушек, наряженных в открытые топы, мини-юбки и туфли на пугающе высоких каблуках. Девушки сначала посмотрели на него, а потом перестали обращать внимание.

На другом конце бара сидела крашеная блондинка, примерно одного возраста с Полом. Она поймала его взгляд и неуверенно улыбнулась. Он поднял свой бокал и пристально посмотрел на нее. Пол уже собирался встать и направиться к ней, когда стройный молодой человек, который по возрасту годился ей в сыновья, вошел в бар и подошел к блондинке. Она поцеловала его в обе щеки, а он, садясь, подал знак бармену.

Пол потягивал свой напиток и прислушивался к болтовне девушек рядом с ним, те сплетничали о каком-то актере. Он уже научился улавливать основную суть речи, начал понимать смысл выразительных жестов и успевать за потоком слов.

После двух порций виски Пол решил, что сегодня ночью ему не повезет. Он встал со своего стула и подошел к маленькому столику, за которым сидела темноволосая женщина, которой на вид было примерно тридцать. Но она вежливо отказалась от его предложения угостить ее выпивкой, а вскорости ушла. Потом он немного пообщался с молодой американкой, которая, как выяснилось, ждала своего жениха. Нет, сегодня не его вечер.

Пол вышел из бара и побрел по переулочкам своего старого района в поисках места для ужина. После того как он отметил несколько ресторанов, которые были явно ориентированы на туристов, наводнявших Перолу летом, он случайно оказался напротив ранее неизвестного ему ресторанчика.

Снаружи не было ничего примечательного, обычное заведение с деревянными ставнями на окнах, которые спасали от солнца, но ароматы из ресторанчика доносились потрясающие, а кроме того, Пол услышал итальянскую речь – это был хороший знак. Он решил рискнуть и толкнул входную дверь.

Войдя, он сразу же увидел Франческу. Она стояла, склонившись над столиком в трех шагах от него, и собирала тарелки. На ней были красная цыганская юбка и короткая черная блузка. До того, как Франческа выпрямилась и посмотрела на Пола, он успел оценить ее темные волосы, заманчивую ложбинку и пышные бедра.

Франческа спросила своим низким голосом, нужен ли ему столик на одного, и Пол поразился тому, насколько черными оказались ее глаза и какой невероятно нежной была ее кожа. Он последовал за Франческой к маленькому столику в углу и на протяжении всего своего ужина наблюдал за ней. Пол предположил, что ей около тридцати – на пару лет моложе него, но намного старше, чем те женщины, которые были у него раньше.

Однако по какой-то причине он не мог отвести от нее глаз.

Он съел эскалоп в сливочно-сырном соусе, за которым последовало прекрасно приготовленное пенне с кедровыми орехами и свежими сардинами. Он пил домашнее вино, холодное как лед, и стакан за стаканом минеральную воду.

Франческа его очаровала. Она ни разу не улыбнулась. Она была прекрасна.

Когда Пол закончил свой ужин, она принесла ему маленький стаканчик домашней граппы и тарелку, на которой лежали кусочки розового арбуза. Пол поблагодарил, улыбнувшись, и указал на свободный стул, стоявший рядом с ним.

– Пожалуйста, составьте мне компанию. – Пока он ел, ресторан опустел, и сейчас были заняты только три столика.

Франческа с достоинством покачала головой:

- Я на работе, - и вышла из зала.

Больше в зал она не вернулась, несмотря на то что Пол заказал второй стаканчик граппы, который ему принесла другая официантка, гораздо менее эффектная.

На следующий вечер Пол вернулся и всю следующую неделю приходил туда после работы каждый вечер. Франческа была безукоризненно вежлива, но не приняла его предложение выпить с ним, отклонила приглашение вместе поужинать и отказала во всем, кроме просьбы назвать свое имя. Она ничего ему не объясняла, просто, слегка улыбнувшись, качала головой и уходила.

Ее отчужденность притягивала и дразнила его. И вместо того чтобы отказаться от дальнейших попыток, он твердо решил, что завоюет Франческу.

Одним сентябрьским вечером, спустя три недели после первой встречи, он, выйдя из ресторана, стоял в тени и ждал. Была уже половина второго ночи. Он видел, как ушли домой последние посетители, потом вышла пожилая официантка. Он повторял слова, которые хотел сказать Франческе, когда она появится, он был уверен, что она не сможет больше сопротивляться, но в ресторане уже погасили свет, а Франческа так и не появилась. Он ушел домой.

На следующий день, в воскресенье, он увидел ее выходящей из супермаркета. Она катила коляску, в которой сидел ребенок. Не раздумывая, Пол подошел.

- Здравствуйте.

Франческа испуганно посмотрела на Пола. Когда она его узнала, на ее лице появилась уже знакомая легкая улыбка.

- Привет.

Улыбка пропала так же быстро, как появилась. Франческа была одета в короткое трикотажное темно-розовое платье, которое обтягивало грудь и колыхалось на бедрах. Он почувствовал аромат цветов.

- Это ваш ребенок?

Франческа посмотрела вниз и кивнула. Поскольку она попыталась уйти, что-то заставило Пола спросить:

- Вы замужем?

Он понятия не имел, почему этот вопрос пришел ему на ум, это произошло само собой, но вопрос повис в воздухе. Реакция Франчески заставила Пола пожалеть о своих словах.

Ее глаза наполнились слезами. Она резко развернулась на своих каблуках и практически убежала от него, толкая перед собой коляску. Весь остаток дня он ругал себя и вечером не пошел в ресторан. Не пошел он туда и на следующий день.

В понедельник вечером Франческа вела себя так, как будто ничего не случилось. Она обслуживала Пола внимательно и вежливо. Он заказал козий сыр с невероятной, космической брускеттой, а также мидии в винном соусе. За последние три недели Пол поправился на пять килограммов.

Когда он опустошил свои тарелки, Франческа их убрала и принесла ему стаканчик граппы и тарелку с дыней. Затем отодвинула стул и села напротив.

Пол не смел ничего произнести. В течение минуты они смотрели друг на друга. Потом Франческа сказала:

- Прощу меня извинить за то, что убежала в прошлый раз.

До этого момента она разговаривала с ним на итальянском. На английском она говорила с сильным акцентом.

Пол покачал головой.

- Я это заслужил за свою назойливость.

На ее лице появилась едва уловимая улыбка. Франческа наклонила голову. Он заметил крохотные красные искорки в ее волосах - должно быть, какое-то украшение.

- Мой муж умер семь месяцев назад. - Франческа подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза. Он увидел, как в ее глазах заблестели слезы. - Он был рыбаком, он утонул. - Она резко встала из-за стола. Больше тем вечером Пол ее не видел.

Он подождал три дня, прежде чем снова прийти. Как только он вошел, Франческа подошла к нему. Он быстро произнес:

- Если вы хотите, чтобы я от вас отстал, скажите мне об этом сейчас.

Он безумно обрадовался, когда она, ничего не ответив, просто повела его к столику, за которым он сидел теперь уже постоянно.

Даже когда она, спустя два месяца после их первой встречи, согласилась встретиться с ним и выпить по бокалу вина, Пол продолжал прикладывать все усилия и проявлять колоссальное терпение, чтобы не спугнуть ее. Она напоминала ему робкое лесное существо, которое убежит, если подойти к нему слишком близко. Она напрягалась, если он касался ее руки, если его тело хоть как-то соприкасалось с ее.

Прошло еще три недели, и он попытался поцеловать Франческу, это случилось по дороге к ресторану, который, как оказалось, принадлежал ее родителям и куда она вернулась с Люцией после того, как погиб Лука, ее муж. Перед этим они выпили изрядное количество коньяка.

Франческа редко произносила имя своего мужа, а Пол никогда о нем не спрашивал. Но в ту ночь, когда они говорили об итальянской кухне и о том, что в разных частях страны готовят по-своему, Франческа внезапно сказала:

- Лука родился на севере. Он хорошо готовил.

Пол замешкался. Нужно ли ему оставить это без комментариев и сменить тему? Или будет лучше поговорить о Луке? Он решил просто подождать и посмотреть, что будет дальше.

Франческа опустошила свой бокал, и Пол поднял руку, подавая знак бармену. Когда принесли еще две порции коньяка, Франческа откинулась назад и низким голосом начала рассказывать Полу о своем муже. О том, как они познакомились, когда Лука приехал сюда, чтобы работать на рыболовном судне своего дяди. Об их свадьбе в Пероле, которая длилась три дня и три ночи. О том, как спустя десять месяцев после свадьбы родилась Люция.

И об ужасном шторме, который унес жизни двух местных рыбаков и жизнь Луки.

Франческа не плакала. Она говорила ровно, но ее голос был тяжелым от горя. Когда она закончила говорить, Пол взял ее за руку. Впервые Франческа не попыталась вырваться.

Этого ему хватило, чтобы быстро развернуть ее к себе, когда они возвращались к ресторану. Ее аромат сводил Пола с ума. Ему пришлось приложить все силы, чтобы сдержать себя и не пойти дальше.

Они встречались каждый раз, когда Франческа могла уйти из ресторана. Иногда в ее выходные они ходили на ужин. В другие дни они встречались на часок в промежутке между тем временем, когда Пол заканчивал свою работу, а Франческа еще не начинала свою. Иногда по воскресеньям они вместе с Люцией ездили к морю или путешествовали вглубь страны, гуляя вдоль виноградников по сухим, выжженным солнцем тропинкам.

Он продолжал несколько раз в неделю ужинать в ресторане. Пол смотрел, как она обслуживала других посетителей, наклонялась вместе с ними над меню и принимала их заказы, и задавался вопросом, сколько времени она будет держать его на расстоянии.

Пол попытался вспомнить, когда в последний раз он добивался женщины дольше двух недель, и не вспомнил. Но Франческа была совсем другой. Чем дольше она отказывалась

зайти к нему домой, чем дольше она сопротивлялась, если его поцелуи становились настойчивее, тем сильнее он ее желал и тем крепче была его убежденность в том, что он ее завоюет, сколько бы времени на это ни потребовалось.

И как-то в апрельское воскресенье, прошло уже больше полугода после их первого свидания, они перекусили в деревенской гостинице хлебом, оливками и сыром, и Франческа повернулась к нему и сказала:

- Я приду к тебе сегодня вечером, после работы.

Пол обмакнул остатки хлеба в темно-желтое оливковое масло. Лючия сидела на коленях у мамы и шумно сосала дольку апельсина. Пожилая женщина, стоявшая за прилавком, тряпкой отгоняла муху, которая летала вокруг подвешенных к потолку колбас. Где-то вдалеке тархтел трактор.

Пол ответил:

- Хорошо, - и вдруг обнаружил, что совершенно не в состоянии доесть свой хлеб.

Когда они занимались любовью, Франческа плакала. Пол обнимал ее и шептал о своих чувствах. Утром, когда он проснулся, ее уже не было, а на подушке остался ее аромат. С того дня Франческа стала раз в неделю оставаться у него на ночь.

В октябре исполнилось полтора года с того момента, как Пол приступил к работе в компании, босс пригласил его в свой кабинет и дал оценку его работе. Если говорить по существу, то Пол произвел такое впечатление на совет директоров, что было принято решение поручить ему открытие нового офиса компании в следующем году. В Ирландии.

В Ирландии?

В Ирландии. Они уже рассматривали этот вариант раньше, а сейчас, когда Пол проявил себя таким компетентным и эффективным, и, естественно, учитывая то, что он сам ирландец, его кандидатура на должность директора нового офиса представляется идеальной.

Пол поинтересовался, как это предложение повлияет на его зарплату, ведь жизнь в Ирландии очень дорогая.

Босс улыбнулся и уверил, что об этом не стоит беспокоиться, финансовый директор предложит условия, соответствующие его новой должности. Пол обдумает предложение?

Он обдумает. Разумеется, он его обдумает.

Пол решил не напоминать боссу, что последние лет двадцать он работал за пределами Ирландии - по крайней мере, до тех пор, пока не переговорит с финансовым директором. Вернувшись на свое рабочее место, Пол начал представлять себе переезд домой. И чем дольше он об этом думал, тем больше это предложение начинало ему нравиться.

В Пероле было хорошо весной и большую часть осени, и зимой тоже, но в середине лета там было убийственно жарко. Без кондиционера жару выносить было невозможно, а, к сожалению, во многих городских магазинах и ресторанах кондиционеры отсутствовали.

К пяти часам он принял решение. Если условия, которые ему предложат, окажутся достаточно хорошими, а он предполагал, что так и будет, он согласится. Это же не навсегда: если новый офис начнет работать хорошо, то через пару лет Пол согласует новый переезд. Очевидно, он стал любимчиком.

И дома Пол тоже будет любимчиком, когда покажет, каких успехов добился за границей. Ему стало интересно, где именно компания хочет открыть новый завод. Пол надеялся, что не рядом с Дублином - ему уже хватило крупных городов. Может быть, он сможет предложить какое-нибудь место на западе, где-нибудь недалеко от аэропорта Шаннон, чтобы было легко летать в Италию.

Например, Килпатрик. Но сначала, разумеется, нужно уговорить Франческу поехать с ним. Здесь Пол был уверен - дар убеждения редко его подводил.

В следующий субботний вечер Пол дождался того момента, когда они уже лежали в кровати. И только после того, как он удовлетворил Франческу, он попросил награду.

- В Ирландию? На сколько?

Взгляд ее темных глаз оставался безучастным. Если бы Пол сказал, что только что начался дождь, их выражение было бы точно таким же.

Он пожал плечами.

- На год, может быть, чуть дольше. На столько, сколько потребуется, чтобы запустить новый завод. - Он не лгал - ничего еще не было согласовано. И легко может случиться так, что он снова вернется сюда. Кто знает?

- Ты же поедешь, правда? - Он слегка дотронулся до ее руки. - Без тебя я там не смогу.

- Ирландия... - Он посмотрел на лицо Франчески и понял, что она сомневается. «*Не дави*».

Он наклонился и прикоснулся к ее губам.

- Просто подумай об этом, вот и все. Пообещай, что подумаешь.

И конечно, она ответила:

- Обещаю.

Он улыбнулся про себя. Это было лишь делом времени.

После этого разговора все стало развиваться стремительно. Полушутливое предложение Пола касательно Килпатрика в качестве места для строительства завода было воспринято серьезно, в течение считанных недель был найден и приобретен участок. Через интернет Пол нашел дом, который сдавался в аренду, убедился, что в доме достаточно комнат для них троих, так как не сомневался в том, что Франческа даст согласие.

И оказался прав. В середине января они переехали в Ирландию, вылетев из холодной сухой Перолы в серый и дождливый аэропорт Шаннон. Когда из аэропорта они ехали в Килпатрик в незнакомом, взятом напрокат автомобиле, Пол был за рулем и пытался не забывать держаться левой стороны, дворники шумно бегали по лобовому стеклу, Франческа молча сидела рядом с ним, а Лючия наконец-то заснула на заднем сиденье. И в этот момент Пол впервые почувствовал напряжение. Что, если Франческа все здесь возненавидит?

Но ему не стоило беспокоиться. Она взялась за переводы - эту работу он ей нашел сразу по приезде. Лючия была достаточно маленькой, чтобы легко вписаться в новое окружение. Дом, который он нашел, оказался удобным и находился в хорошем месте, и, постепенно, неделя за неделей, Франческа стала вести себя так, как будто оставила прошлое в прошлом.

И, конечно, Пол был счастлив. Какой мужчина в здравом уме откажется от обладания такой женщиной, как Франческа? Лежа рядом с ней ночью, он чувствовал себя совершенно счастливым, совершенно довольным. Впервые в жизни у него было все, чего он желал.

Вопрос о браке никогда не возникал между ними - Пол всегда чувствовал, что Франческа откажется от подобного предложения, кто бы его ни сделал. Да и сам Пол тоже никогда не жаждал связать себя узами брака. Разве им не было хорошо и без этого?

А потом, спустя полтора года, Лючия начала ходить в школу, и Пол познакомился с Кармел Гэннон, которая выражением своих глаз предложила ему свое тело, так похожее на тело маленькой девочки. Он пытался сопротивляться. Он изо всех сил старался не обращать внимания на откровенные взгляды, на соски, которые были заметны сквозь облегающую футболку (бюстгальтер она не носила), но в результате он просто взял то, что само шло ему в руки.

Его радовало то возбуждение, которое он испытывал от обладания детским телом Кармел, ее желание доставить ему удовольствие и готовность для этого сделать все – *абсолютно все*, – чего бы он ни захотел. За исключением Франчески, ему всегда нравились молоденькие.

Он убедил себя в том, что в этом нет никакого вреда, это просто приятное времяпрепровождение. Никто никогда ничего не узнает: разве не у всех случаются романы на стороне?

Как он мог оказаться таким идиотом? Как он мог поставить под угрозу то, что у него было с Франческой, из-за какой-то тощей маленькой шлюшки, которая ничего, *ничего* для него не значила?

Он свернул на подъездную дорожку, и сердце забилось, когда он увидел маленький красный «Пунто», который купил Франческа. Она все-таки не уехала. Она все это наговорила ему в порыве гнева, а потом вернулась домой и успокоилась.

Сейчас будет скандал. Франческа наверняка будет кричать на него – может быть, даже бросит в него пару вещей. Пол попросит прощения и пообещает больше никогда не встречаться с Кармел. В завершение всего у них будет потрясающий секс, и на этом все закончится.

Пол подошел, Мариетта открыла дверь, и одного взгляда на ее лицо оказалось достаточно, чтобы осознать, как сильно он заблуждался.

Он вытер руки и повесил полотенце на крючок. Затем выключил свет на кухне и, держа чашку с остатками кофе, переместился в гостиную. Завтра ему починят золотую цепочку – он надеялся, что удастся уговорить их сделать это в субботу, всего-то нужно было заменить застежку, – и вечером в воскресенье, если ему повезет и Мэй окажется дома, он лично отдаст ей подвеску. В этот раз никакой интриги и никакой драмы.

Он взял пульт дистанционного управления, включил телевизор и увидел, как кто-то в какой-то студии очень серьезно обсуждает чью-то книгу: «...она пишет очень беспристрастно и очень тщательно прорабатывает детали. Возьмем, к примеру, образ Тимоти, который...»

Пэдди снизил громкость. Но что он скажет Мэй, когда она откроет дверь? И, что еще важнее, что она ему скажет? Как она отреагирует, когда узнает, что это был он?

Пэдди О'Брайан, в чьем саду она работала каждый четверг в течение последних нескольких месяцев.

Может быть, ее рассердит то, что он не объявился раньше, тем более что они пересекались по меньшей мере несколько раз в неделю. Но их встречи всегда оказывались такими короткими. Хотя, наверное, ему нужно было сказать о своем подарке раньше.

И с ее стороны он никогда не получал ни единого намека на то, что она хоть немного им интересуется. Да, когда они встречались, она была приветлива, но так она, вероятно, ведет себя с каждым. И вот он собирается нарисоваться у ее порога и вернуть подвеску. Как-то так.

Изольда не видела в этом никакой проблемы.

– Мне было бы очень приятно, если бы кто-нибудь внезапно появился и оказался моим тайным поклонником. И, в самом деле, что может произойти плохого? Ты и впрямь допускаешь, что она бросит украшение тебе в лицо?

Пэдди попытался представить, как Мэй бросает ему в лицо подвеску, и сдался. Конечно, она этого не сделает. Она, вероятно... что? У него не было ни малейшего представления, как она поступит.

Что ж, у него был только один способ это выяснить. Пэдди допил кофе и переключил канал.

Ребекка посмотрела в окно.

- Я бы сказала, что жара долго не продержится. - Едва она это сказала, они услышали далекие раскаты грома. - Слушай, я просто попала в точку.

Через минуту Мэй ответила:

- Кстати, хочу тебя предупредить заранее, я сама буду готовить воскресный ужин.

Ребекка добавила в кофе молоко и нахмурилась.

- Я думала, Пэм тебе с этим поможет.

- Да, она собиралась, но тут много всего произошло. Приготовься услышать подробности.

Мэй вкратце рассказала Ребекке о том, что случилось с Пэм. Когда Ребекка услышала, что сделал Джек, ее глаза сузились.

- Я же встречала его у тебя дома? Такой симпатичный парень?

- Да, и мне он всегда казался очень приятным. Немного молчаливый, но очень дружелюбный.

Ребекка отхлебнула кофе.

- Пэм на него уже заявила?

Мэй покачала головой.

- Она не хочет этого делать. - Мэй медленно размешивала кофе. - Мне кажется... она воспринимает это как предательство.

Ребекка уставилась на подругу.

- Значит, она предпочитает ждать, пока в один прекрасный день он ее не изобьет до полусмерти?

- Ну она уже ушла от него и уезжает из Килпатрика в понедельник, возвращается в Корк. А пока она остановилась у своей подруги, сейчас я там крашу стены. - Мэй рассказала про то, как Джек приходил к дому Кармел. - Пэм была перепугана, и, честно говоря, я тоже немного напряглась.

Ребекка, не веря своим ушам, продолжала смотреть на Мэй.

- И она не хочет заявить на него в полицию? Она лучше сама сбежит из города? - Ребекка подняла свою чашку. - Не могу понять такой ход мысли.

Мэй задумалась.

- Возможно, очень сложно признаться себе в том, что мужчина, которого ты любила настолько, что вышла за него замуж, мужчина, с которым ты была готова провести остаток своих дней, мог так измениться и ударить тебя. Возможно, это слишком стыдно.

Ребекка посмотрела на нее скептически.

- То есть ты предпочтешь, чтобы тебя избили?

Мэй скривила лицо в гримасе.

- Ну, если ты это так...

Внезапно небо озарилось вспышкой молнии, из-за чего на кухне на несколько секунд стало светло.

- Эй! - Ребекка усмехнулась. - Похоже, мы попали в западню. Я отвезу тебя домой, ты же не поедешь в такую погоду на велосипеде, - и уже громче добавила: - Надеюсь, бедный Брайан не слишком перепугался из-за грозы.

Из гостиной раздался терпеливый голос:

- Ма, заткнись.

И Мэй рассмеялась.

- Ты издеваешься над бедным мальчиком. Удивительно, как ему удается оставаться таким спокойным.

Ребекка слегка улыбнулась, а все ее лицо смягчилось.

- По-моему, он потрясающий, правда? - Она немного помолчала, держа свою полупустую чашку, а потом сказала: - Мэй!

- Что?

- Мне нужно тебе кое-что сказать, но тебе это не понравится. - Ребекка поставила чашку на стол и посмотрела Мэй в глаза. - Это касается почтальона.

Сердце Мэй ушло в пятки.

- А что с ним?

Ребекка застучала пальцами по столу.

- Черт побери... Меня бесит, что приходится тебе это говорить, но...

Мэй ждала.

- Слушай, я тут недавно его встретила. - Она замолчала. - И, Мэй, он был не один. Он был с женщиной. Он обнимал ее.

- О! - Мэй медленно кивнула. - Да, ясно. - Она подняла свою чашку и отпила глоток. - Понятно.

Значит, вот так. Ей следовало догадаться. Конечно, у него кто-то был, конечно, он при встречах с ней был просто приветлив, и ничего более. Она старалась отделаться от тяжелого чувства, которое внезапно навалилось на нее.

- Мэй, мне очень жаль.

Сосредоточенное лицо Ребекки выглядело почти комично. При других обстоятельствах Мэй рассмеялась бы, но сейчас ей было совсем не до смеха.

Вместо этого она состроила гримасу:

- Не глупи, у меня ничего серьезного к нему не было. Это было просто ради развлечения.

А теперь все встало на свои места, конец истории. На этот раз никто не пострадал, ничье сердце не было разбито. Мэй подвинула свою чашку поближе к выдавшему виды кофейнику Ребекки.

- Плесни на дорожку.

Пока Ребекка наливала кофе, еще одна вспышка осветила кухню, но на этот раз ни одна из подруг не обратила на это внимание.

Его руки тряслись так, что бумажная чашка, которую он держал, запросто могла вывалиться из его рук, а все содержимое - расплескаться по больничному полу. Шон не мог заставить себя выпить эту бледно-коричневую жидкость, которая выдавала себя за кофе. Но ему было необходимо что-то держать в руках, чтобы помешать себе грызть ногти - два ногтя он уже сгрыз до крови, но этой боли оказалось недостаточно, чтобы он мог отвлекаться.

Бернард неподвижно лежал в кровати. Его голова была перевязана, а на повязке проступали красные пятна. Нос сильно поломан. Несколько зубов выбиты. На одну щеку наложены швы. Два пальца правой руки, которой он, по-видимому, пытался защититься, сломаны. Одна трубка выходила из его носа, а другая была вставлена в левую руку.

Ребра поломаны, а плечи были в огромных гематомах.

И хотя после нападения прошло более четырех часов, Бернард до сих пор не пришел в себя. А пока этого не произошло, врачи не могли дать заключение о том, поврежден ли мозг.

Шон продолжал бороться с непреодолимым желанием закричать, открыть рот и завывать, как доисторическое существо. Подавляя в себе эту ярость, Шон опасался, что она его разрушит. Но поскольку был риск, что его выгонят из палаты Бернарда, так как у входа в палату стоял охранник – раньше нужно было это делать, раньше! – Шону удавалось ограничить свои эмоции изредка сдерживаемыми рыданиями.

И, конечно, дело было в родителях Бернарда, которые тихо сидели по другую сторону кровати. Шон позвонил им, как только нашел номер в телефоне Бернарда. Трубку снял отец, он молча слушал, пока Шон сообщал ему о случившемся. Затем коротко спросил:

– Как он?

– Он в палате интенсивной терапии, все еще без сознания. – Рука Шона, которой он сжимал телефон, побелела.

– Ясно. – Отец Бернарда повесил трубку до того, как Шон успел сказать еще что-нибудь.

Приехав, родители даже не поздоровались с Шоном, а лишь кивнули, когда Шон встал и представился. Он, конечно, знал, как они к нему относились, Бернард уезжал к ним на ужин, никогда не беря его с собой.

Но сейчас Шоноу было совершенно безразлично, как они к нему относятся. Они могли его ненавидеть, возмущаться его присутствием в жизни их сына столько, сколько им заблагорассудится. Он здесь и никуда отсюда не уйдет.

Он останется до тех пор, пока Бернарду не станет лучше. А потом заберет его домой.

Она смотрела, как разряды молнии в течение нескольких минут озаряли ночное небо, затем опустила пластиковую створку иллюминатора. Слава богу, из-за погоды рейс лишь отложили, но не отменили. Теперь, когда они уже были в пути, Франческа не терпелось оказаться в Италии. Самолет должен был прибыть в Рим в восемь тридцать утра, потом на автобусе из аэропорта на вокзал. В Перолу они приедут в районе одиннадцати, если все пойдет по плану. Она как раз успеет помочь маме приготовить обед. Франческа подумала о только что испеченной фокачче, о сладких, сочных помидорах, политых маслом и украшенных базиликом, о козьем сыре...

Рядом с ней зашевелилась завернувшаяся в одеяло Лючия, ноги дочери лежали на коленях Франчески. Во рту девочка держала большой палец, а другие пальчики свернула вокруг носа. Сквозь глухой шум двигателей Франческа могла слышать слабое причмокивание. Этот звук напомнил ей то время, когда Лючия была младенцем и сосала грудь.

Лука любил смотреть, как она кормит дочку грудью. А после его смерти молоко у Франчески пропало.

Она подняла руку и нажала кнопку вызова. Когда подошла стюардесса, Франческа шепотом попросила принести ей коньяк, *per favor*.

Суббота

Ожидается переменная облачность и умеренный юго-западный ветер. Дождливый фронт придет с запада и к вечеру накроет все районы. Температура – от 15 до 19 градусов.

Он зачерпнул ложкой еще немного безвкусных хлопьев, которые Мэй принесла ему сегодня утром, и осторожно положил их себе в рот. За окном спальни было тихое утро, голубое небо после безумств непогоды было чистейшим.

Из-за этой бури ему начало казаться, что он не сможет заснуть. Грохот грома и разряды молнии, ливень, который, по ощущениям, длился не один час. Давненько у них не было такой грозы.

Рядом со слегка приоткрытым окном запел дрозд. Филип всегда любил птиц, любил смотреть, как они сидят на жердочках кормушки, которая раскачивалась из стороны в сторону как раз над окном гостиной. Воробьи, малиновки, щеглы, лазоревки – он сидел и смотрел на них, когда возвращался домой после работы, Эйдин готовила ужин, а дети смотрели телевизор или делали домашние задания.

Куда делась та кормушка? Он сто лет ее не видел.

Филип прожевал хлопья и поднял чашку, чтобы сделать глоток. Сегодня воскресенье. У Мэй сегодня работы нет – она будет дома или, что более вероятно, в саду, если, конечно, дождь не помешает. Хорошо, что она вчера до дождя покосила траву на лужайке. Справедливости ради, оба сада, перед домом и позади него, были ее заслугой. Несомненно, у нее талант. Она знала, что с чем будет хорошо смотреться, что нужно убрать, а что подрезать.

По идее, Филип должен радоваться за нее, раз она зарабатывает на жизнь тем, что приносит ей удовольствие. Но убираться в чужих домах, мыть там окна – это, определенно, переходило всякие границы. Выгуливать собак – это уже совсем чересчур.

Он услышал заставку новостей и увеличил звук радио, которое стояло на прикроватной тумбочке. В основном разговоры про север – интересно, это когда-нибудь закончится? Очередной наркостолкер схвачен в Дублине, снова бомбежки на Ближнем Востоке. А потом Филип вдруг услышал слово «Килпатрик» и стал слушать внимательнее.

«...вчера вечером было совершено нападение на владельца местного магазина. Бернард Мейси, сорока пяти лет, находится в критическом состоянии после жестокого нападения в собственном цветочном магазине вчера около шести часов вечера. По словам владельцев других магазинов, помещение мистера Мейси регулярно громили на протяжении последних нескольких недель. Сотрудники полиции обращаются ко всем, кто находился в это время неподалеку, с просьбой прийти и...»

Бернард – разве не так зовут парня, который живет в соседнем доме? И у него как раз цветочный магазин. Это, должно быть, про него говорят. Жестокое нападение. Они сказали, он в критическом состоянии? Никому такого не пожелаешь, даже...

Раздался стук в дверь, и появилась голова Мэй.

– Ты закончил?

Филип бросил на нее взгляд.

– Я только что слушал радио. Ты слышала новости?

– Нет.

– Ну, похоже, кто-то напал на парня из соседнего дома.

– Что? На какого парня? На кого было нападение? – Мэй спешно подошла к окну и посмотрела на соседний сад. – Что они сказали?

– Они сказали, что было нападение на какого-то Бернарда, у которого есть магазин. По их словам, все плохо.

- О господи, он в порядке?

И до того, как Филип успел раскрыть рот, она уже пробежала половину ступенек вниз, оставив его придавленным подносом, словно в западне.

Никого нет. В доме тишина. Как же все выяснить?

Ребекка. Мэй позвонила ей сразу же, как только вернулась в свой дом.

- Да, это ужасно. Судя по всему, нападение ничем не было спровоцировано. Они опросили сотрудников близлежащих магазинов, но, похоже, никто ничего не видел. Все случилось прямо перед закрытием, около шести.

- Как Бернارد?

- Очевидно, плохо, они говорят, что в критическом состоянии.

- О господи... кто же мог такое сделать?

Бернард, с его нелепыми галстуками, с его стеснительной и немного неловкой улыбкой и с большим и щедрым сердцем. Он приютил Одинокого Джорджа, когда Мэй пришлось искать для него новый дом. Да еще сказал, что кот - это то, чего им с Шоном не хватало, им нужен был в компанию еще один требовательный представитель мужского пола. Несколько лет назад, вернувшись из Португалии, он подарил Мэй красивый ремень из мягкой кожи за то, что она пару раз полила в его доме цветы и вынесла мусорный бак. Бернард окликал Мэй через изгородь и предлагал пучки фрезии и маленькие горшочки с цикламенами, которые остались у него нераспроданными. Он пригласил ее в гости на бокал шампанского, когда Шону в апреле исполнилось тридцать пять.

- Кто мог такое сделать? - снова задалась вопросом Мэй.

Ребекка вздохнула.

- Мэй, к сожалению, вокруг полно ненормальных, которые никак не могут смириться с тем, что не все мы гетеросексуальны.

- Ты думаешь, это из-за того, что Бернард гей?

- Возможно. Очевидно, у него и раньше были какие-то проблемы, это граффити и прочая фигня.

- Да, он про это говорил. Как думаешь, того, кто это сделал, поймут?

Еще один вздох.

- Возможно, если в этом мире осталось хоть немного справедливости.

Она включила радио, сделав звук потише, так как Кармел еще спала. Залила кипятком чайный пакетик - Кармел не утруждала себя использованием заварочного чайника, - положила кусочек черного хлеба в тостер и нажала на рычаг.

Как только Кармел проснется, Пэм с ней поговорит. Бедная Кармел уже достаточно настрадалась за последние несколько дней. И со стороны Пэм просто некрасиво оставаться в ее доме. Поэтому она, не дожидаясь завтрашнего дня, сразу после завтрака соберет свои вещи и позвонит Конору, чтобы он приехал и забрал ее сегодня после обеда, когда закончит свою утреннюю работу. Пэм сможет до понедельника побыть у мамы. Там она будет в такой же безопасности, как и здесь - там, возможно, даже безопаснее, так как Конор постоянно находится на ферме. И Кармел не придется испытывать неудобства из-за Пэм.

Бедняжка Кармел была совершенно опустошена, когда вчера вернулась домой, она с трудом смогла рассказать Пэм о том, что произошло, о том, что ей наговорил Пол. Похоже, между ними все кончено. Может быть, в следующий раз Кармел повезет больше, и ей встретится свободный мужчина.

А может быть, она, как и Пэм, решит больше никогда в жизни не подпускать к себе мужчин ближе, чем на пушечный выстрел.

Пэм в сотый раз задалась вопросом, как Джек отнесся к ее отъезду. Рассердился ли он? Злился ли он до сих пор на нее за то, что она от него ушла? Чувствовал ли он себя хоть немного виноватым за то, что ударил ее накануне вечером?

Был ли он сейчас дома в надежде, что она выйдет на связь, или рыскал по городу, пытаясь ее найти, разъезжал в своей машине, ожидая, что Пэм появится на улице?

Пэм поехала, вспомнив о том, как сердце ушло в пятки, когда в пабе она обернулась и увидела Джека, стоящего за ее спиной. Как она нервничала, сидя рядом с ним в машине, пока они ехали домой, и слушая его повествование о том, как он проследил за Кармел от школы, а потом сидел в машине, ожидая, когда появится Пэм. Он хвастался перед ней.

- Я знал, что ты мне врала в то утро. - Его голос был таким спокойным. Он просто констатировал факты.

- Нет, Джек, я просто не знала наверняка... - Она чувствовала, как бешено бьется ее сердце. - Кармел позвонила позже...

- Ой, да все ты знала. - Он включил поворотник перед тем, как повернуть на подъездную дорожку к дому. - И врала мне. В этом нет никаких сомнений.

Страх - это ощущение холода в области живота. Его лицо не выражало никаких эмоций. Джек держал ее за руку, пока они подходили к входной двери.

А потом, как только они вошли в дом, как только Джек очутился внутри, его рука размахнулась и...

Он болен, других объяснений нет. У него совершенно точно проблемы с головой. Вероятно, сам он не находил ничего плохого в том, что сделал, возможно, он даже винил Пэм в том, что произошло.

Догадался ли он, что у Пэм случился выкидыш? Что он напугал ее настолько, что она потеряла их ребенка?

Тост выскочил из гостера, и она намазала его маслом Кармел и джемом Кармел. Когда Пэм заставила себя откусить кусочек, по маленькому радио Кармел начали передавать новости, и она услышала тихий мужской голос, который рассказал о том, что произошло с соседом Мэй.

Пэм не могла в это поверить. На Бернарда было совершено жестокое нападение в его же магазине. Это просто уму непостижимо - в центре Килпатрика, при свете дня, летом, в шесть часов вечера.

Пэм встречала Бернарда намного реже, чем Шона, - он всегда уходил на работу до того, как она приходила к Мэй. Но однажды Бернард по каким-то причинам остался дома, и Шон представил его Пэм через забор, а еще она пару раз заходила в его магазин. Бернард был симпатичным и дружелюбным, таким же, как Шон.

Она вспомнила, как рассердился Джек в тот день, когда Шон помог ей донести вещи до дома, вспомнила усмешку на лице мужа, когда он назвал Шона гомиком. Она ненавидела эти слепые предрассудки, ненавидела...

Вдруг она остановилась, пораженная внезапной мыслью... Нет, она, наверное, тоже сходит с ума. Конечно же, Джек не мог быть замешан в этом. Неважно, как сильно он сейчас рассержен, он никогда не смог бы этого сделать... или смог бы?

Нет, было безумием даже думать об этом.

Ну а вдруг он случайно узнал о том, что Бернард и Шон живут вместе? Это же так просто. Свой белый грузовичок Бернард припарковывает рядом со своим домом. На грузовичке синими буквами написано «Власть цветов». Мог ли Джек заявиться в магазин Бернарда вчера перед самым закрытием и напасть на него?

Мог ли он напасть на Бернарда, который был такой легкой добычей, и все это лишь потому, что Бернард жил с Шоном, который был очень любезен с женой Джека? Мог ли ее уход разозлить его до такой степени, что он набросился на человека, когда не смог ее

найти? Или просто Пэм уже начала сходить с ума из-за стресса и недостатка сна? Она надеялась на последнее.

Зазвонил ее телефон, и от этого звука она резко дернулась. Господи, если вся эта история продлится еще какое-то время, у нее случится нервный срыв. Пэм посмотрела на экран, увидела, что звонит Мэй, и приняла вызов.

- Пэм, как ты?

Ни в коем случае нельзя говорить вслух то, о чем сейчас думала Пэм. Ни в коем случае она не должна озвучивать эти мысли.

- Со мной все хорошо, как раз заканчиваю завтракать.

- Ты же все еще у Кармел?

- Да, но сегодня собираюсь домой. Хочу позвонить Конору и попросить, чтобы он заехал за мной. Там у них так же безопасно, как и здесь.

- Хорошо... Ты слышала новость про Бернарда?

Пэм закрыла глаза.

- Слышала. Я только что услышала эту новость. Это ужасно. - Она замолчала. - Ты знаешь что-нибудь еще? Ты уже видела Шона?

- Нет, он, должно быть, в больнице. Я собираюсь пойти туда после обеда, если он сам не объявится здесь раньше.

- Когда что-нибудь узнаешь о состоянии Бернарда, сообщи мне.

- Конечно. Ты уверена, что у тебя все в порядке?

- Да. - Она подумала, будет ли у нее когда-нибудь все в порядке.

- И ты все еще собираешься уехать из Килпатрика?

Пэм вздохнула.

- Да, на некоторое время точно. Я знаю, что это выглядит как бегство, но... это только на время. Да, Мэй, я не забыла про завтрашний ужин в честь твоего отца.

- Ах, это, об этом не беспокойся. Ты уже достаточно...

И тут Пэм прорвало.

- На самом деле, Мэй, мне нужно чем-то заняться, а это как раз мне поможет, я уже все продумала. Конор может привезти меня к тебе к четверем, а забрать позже. Он очень ответственный, я знаю, он не будет возражать, тем более что по воскресеньям он не работает.

Что может с ней случиться, если Конор отвезет ее туда и обратно, а вокруг будет толпа людей? И поездка к Мэй поможет немного отвлечься от мыслей: долгие размышления явно не идут Пэм на пользу, раз она уже начала допускать, что Джек замешан в нападении на Бернарда.

Конечно, Джек не мог этого сделать - эта идея была полнейшим абсурдом.

Она вылила сваренное всмятку утиное яйцо на кусочек тоста. Такая лень. Уже почти полдень, а Хильда все еще в халате, и завтрак на столе, тогда как следовало бы уже готовиться к обеду.

Хотя кому какое дело? Кто ее тут видит, пожилую женщину, сидящую воскресным утром у себя на кухне? Хильда взяла вилку, подцепила ею яйцо и стала наблюдать за тем, как темный желток медленно растекается по поверхности тоста. Это такая роскошь, когда не нужно никуда торопиться. Хильда потянулась за солонкой.

Такая ужасная новость. Хильда лежала в кровати и в полудреме слушала радио, пока не услышала слово «Килпатрик». Куда катится мир? Она подумала, знали ли Филип и Мэй этого парня. Теперь для Мэй небезопасно появляться на улице поздним вечером, даже если она в сопровождении нескольких собак. А собаки, наверное, маленькие пудели или...

В дверь позвонили. Хильда посмотрела на входную дверь, испытывая легкое беспокойство. Кто это мог быть? Точно не Бетти – сегодня утром ее смена в благотворительном магазине. Хильда надеялась, что это кто-нибудь незнакомый. Завтрак остынет, пока она будет разговаривать с гостем. Она поставила на стол солонку и направилась к двери.

На пороге стояла ее дочь Терри со своим мужем. Оба держали в руках сумки, и у обоих на лицах красовались широкие улыбки.

Во рту дико пересохло. В спальне воняло от его несвежего дыхания, а повернувшись в кровати, он почувствовал запах своего невымытого тела. Слава богу, наступили выходные, и он мог оставаться в кровати столько, сколько захочется, ему не придется снова притворяться больным, чтобы не идти на работу.

Необходимость врать его не напрягала, он просто очень не хотел снова разговаривать с Дженис, этой шалавой, сидящей на ресепшен, которая при любой возможности тыкала ему в лицо свои сиськи, едва прикрытые яркими топиками. Дженис, скорее всего, отлично поняла, что он притворяется больным, но настоятельно порекомендовала ему оставаться в постели и пожелала скорейшего выздоровления. Наверняка ей хотелось оказаться там с ним вместе.

Он был не против как-нибудь навестить Дженис – развернуть ее к стене и сорвать один из ее вызывающих топиков. Он был готов поспорить, что ей бы это понравилось. Наверняка она это любит. Любит, когда кто-нибудь ее разворачивает к стене и показывает, кто тут главный. Большинству женщин нравится такое грубое обращение, даже если они в этом не признаются.

Его голова зудела, и он протянул руку, чтобы ее почесать. Заметил ссадины на своих кулаках и засохшую кровь на ладони. Наверное, упал вчера ночью или во что-нибудь врезался. Он потер лицо и почувствовал, как колется щетина. Сколько сейчас времени? Он повернулся в сторону часов на радио и вздрогнул от боли, пронзившей голову.

Половина первого – господи, как поздно. Во сколько он лег? У него не было ни малейшего представления, он смутно помнил, как добрался до дома и зачем-то открыл бутылку вина, которую нашел в холодильнике. Это было дерьмовое решение.

Джек застонал. Неудивительно, что он себя так паршиво чувствует. Не нужно было начинать пить так рано, около четырех вечера, а тем более на голодный желудок. Сам нарвался на неприятности. Джек надеялся, что не наделал никаких глупостей.

Это все из-за Пэм, вот к чему привело ее бегство. Из-за нее у него в голове каша, из-за нее он начал пить, хотя все, чего он хотел, – это заботиться о ней, обеспечивать ее безопасность.

Он знал, каковы мужчины, знал, что достаточно полунамека – и какой-нибудь мужчина украдет ее у него.

Может быть, Джек в этот раз и перегнул палку, но даже если и так, разве это преступление? Возможно, он видел опасность там, где ее не было? Но каждый может ошибиться, разве нет?

То, что он ударил Пэм той ночью, было ошибкой. Но она наврала ему, сказала, что встречается с Кармел в кофейне. А он сразу, по голосу понял, что Пэм врет: она совсем не умела врать, даже если бы от этого зависела ее жизнь, она бы себя выдала. Поэтому он слинял с работы пораньше, сказав всем, что у него разболелся зуб, и стал ждать около школы, пока не появилась Кармел. Джек проследил за ней до самого паба, а потом сидел в машине, пока не нарисовалась Пэм.

А на что она рассчитывала, когда так его обманула? Что ему оставалось думать? А то,

что она сняла в пабе джемпер и осталась в одной футболке, которая так плотно обтягивала ее грудь, что можно было рассмотреть форму бюстгалтера... а еще помада, Джек ведь специально просил Пэм не пользоваться помадой.

Это все из-за помады, из-за нее у него возникло желание схватить Пэм за волосы, притащить домой и преподать ей хороший урок. Джек не понимал, как ему хватило сил сидеть там и разговаривать с ними обеими, как будто ничего не случилось – в основном, конечно, он разговаривал с Кармел. Пэм почти ничего не произнесла, так как сразу после его появления поняла, что у нее проблемы.

Но, когда она упала на пол после единственного легкого удара, Джек перепугался до смерти. Он этого не ожидал. А потом она схватилась за живот, и началась вся эта история – может быть, у нее пришли месячные? Но все равно она притворялась, что ей очень больно, это уж точно.

И все же Джек решил до конца ночи ее не беспокоить, он почистил ковер, так тщательно, как только мог, а потом сам приготовил себе фасоль с тостами. Потом он подумал, что, может быть, стоит принести Пэм немного еды, но затем решил оставить ее в покое – если она проголодается, то сама спустится вниз. Но она не спустилась.

Утром Джек не хотел уходить на работу и волновался от того, что ему приходится оставлять Пэм одну, она могла наделать глупостей, а потом он решил забрать ее деньги и карточки. Он не собирался забирать их насовсем – конечно, нет. Это была просто мера предосторожности на тот случай, если у Пэм появится какая-нибудь неправильная мысль, только и всего. Если бы он вернулся домой и обнаружил, что Пэм все еще в кровати, он вернул бы их обратно, а она бы ничего не узнала.

Но, разумеется, в кровати Пэм не было. Она ушла без копейки денег. И вчера он искал ее весь день – везде, где только мог, – и не обнаружил ни намека на ее присутствие. Никто ее не видел, никто о ней ничего не слышал.

Да уж, конечно. Его рот скривился в ухмылке. Они думают, что он в это поверит, как же. Ее мать, ее лучшая подруга, ее работодатель – никто из них ничего о ней не слышал? Господи, они, наверное, думают, что Джек с луны свалился.

Конечно, он ее найдет и вернет домой. Ее место здесь, а где еще? Им суждено быть вместе, это же любой подтвердит.

Но за то, что она вот так сбежала, ему придется ее наказать – она должна понять, какую ошибку совершила, сбежав от любящего мужа. Ему это совсем не хочется делать, но это необходимо, чтобы он мог снова ей верить.

А потом, когда она все поймет, все снова будет хорошо.

Но он должен быть осторожен. Что, если Пэм рассказала кому-то об ошибке, которую он совершил? Ему бы не хотелось, чтобы кто-нибудь вызвал полицию. Нужно убедить их в том, что он не хотел причинить ей вред, убедить в том, что он очень сожалеет о сделанном, что сделал это сгоряча и все, о чем он сейчас мечтает – это вернуть свою жену.

Сначала он переговорит с Мэй, с ней проще всего встретиться. Он начнет с нее и посмотрит, что она ему скажет. А исходя из этого, будет действовать дальше.

Он отбросил одеяло и осторожно выбрался из кровати. Затем, покачиваясь, направился в сторону ванной. Нужно привести себя в порядок, если он хочет произвести хорошее впечатление.

Вода, лосось, лимоны, шпинат – казалось, только бессердечный человек может как ни в чем не бывало продолжать свои обычные дела после того, что произошло с Бернардом. Но что ей еще оставалось? Ужин запланирован на завтрашний вечер; все приглашенные придут.

Нужно не забыть на следующей неделе разместить объявление в местной газете, чтобы найти замену для Пэм. Такая жалость, что Пэм не сможет больше у них работать: Филип к ней привык, пусть и не прекращал на нее жаловаться, а она была с ним так терпелива.

Мэй считала, что после случившегося у брака Пэм почти нет шансов на выживание. После того как Джек ее ударил, об этом даже и думать не стоило. Как бы плохо Джерри Сканлон ни поступил в свое время по отношению к Мэй, он никогда физически ей не угрожал. Она даже не могла себе представить, каково это.

Она надеялась, что Хильду обрадовала новость о беременности Терри. Интересно, беременность внесет изменения в жизнь Хильды? Может быть, Терри и Джерри решат, что им лучше растить ребенка у бабушки?

Мэй полагала, что они вернулись в Ирландию после долгого путешествия. И наверняка постоянно навещают Хильду. Но Мэй никогда об этом не спрашивала, а сама Хильда тоже никогда не поднимала эту тему. В Килпатрике же они не появлялись, хотя родители Джерри до сих пор жили здесь, совсем неподалеку от Мэй. Иногда, выходя на улицу, она встречала его мать.

Ей потребовалось много времени, чтобы начать спокойно проходить мимо мясной лавки и при этом не бросать взгляды на два окна в квартире на втором этаже. И не вспоминать о тех ночах, которые они провели там вдвоем...

Мэй часто представляла себе встречу с Джерри. Каково ей будет увидеть его снова? Она пыталась мысленно нарисовать его образ, при этом в ее воображении он всегда держал на руках крохотного младенца.

Она поправила рюкзак – бутылки с водой оказались тяжелыми – и увидела, что несколько человек стоят напротив магазина Бернарда, рассматривая окна. Наверное, смакуют случившееся. С нетерпением ждут очередной порции скандальной истории про мужчину-гея. Действительно, у некоторых людей нет ни стыда, ни совести.

Потом она тряхнула головой. Почему она подумала именно так? Может быть, они так же шокированы, как и она, и сейчас пытаются выяснить, за что на невинного человека было совершено такое жестокое нападение.

Сегодня утром Мэй явно не в лучшей форме. Она заставила себя признаться в том, что новость про почтальона ее расстроила, ведь Мэй думала, что он мог интересоваться...

Она продолжила свой путь в сторону булочной. Она купит пирог, отнесет все домой, потом пообедает вместе с Филипом, а затем пойдет к соседям, чтобы проверить, не нужно ли покормить Одинокого Джорджа. После этого она на велосипеде съедет в больницу, если к этому времени не будет новостей от Шона.

Она будет занята. И забудет про почтальона.

Положив отремонтированную цепочку в карман рубашки, он решил прогуляться по главной улице Килпатрика. Проходя мимо магазинов, он кивал всем знакомым. Сегодня немного прохладнее, вчерашняя жара, похоже, ушла окончательно и бесповоротно. Ему нравились воскресные утра, ему нравилось закупаться на фермерском рынке Килпатрика, а потом за обедом в ресторанчике у О'Меаре пить пинту пива и читать The Irish Times.

Впереди что-то случилось. Небольшая толпа собралась на дорожке перед – какой это магазин? Похоже, принадлежащий Бернарду Мейси цветочный магазинчик. Магазин закрыт, а входная дверь перетянута желтой лентой. Крайней в толпе была худая и уставшая женщина, чье лицо показалось Пэдди смутно знакомым. Он подумал, что она работает в магазине, возможно, в одном из супермаркетов. Пэдди, кажется, видел ее раньше в супермаркете, и на ней была темно-зеленая форма.

А еще тут стояла мисс Дули с Гленморрис-авеню, которую Пэдди знал достаточно хорошо и которой всегда старался избегать, если поздно возвращался домой. Она была чересчур болтливой. Когда Пэдди подошел ближе, она повернулась и заметила его.

– О, Пэдди, разве это не ужасно? Я уже говорила Энн, что проходила вчера прямо здесь. Я была вон там. – Она показала через дорогу. – Я выходила из булочной, а несчастный Бернард мне помахал. – Она поежилась. – Это было прямо перед тем, как все случилось.

– Что случилось?

Мисс Дули посмотрела на него в недоумении.

– Ты что, не в курсе? На Бернарда напали, жутко избили, причем прямо в его магазине. Он сейчас в больнице в критическом состоянии. Так сообщили в новостях. – Она покачала головой. – Бедный Бернард, он был таким приятным молодым человеком, разве нет, Энн? – Она повернулась к своей подруге, которая подтвердила, что, конечно, он был приятным молодым человеком, вне всяких сомнений.

Бернард Мейси, который живет по соседству с Мэй. Всегда дружелюбный, он при встрече перекидывался с Пэдди парой слов.

– Они знают, кто это сделал?

Мисс Дули поджала губы.

– Не имеют никакого понятия. Мое мнение – это какой-нибудь обколотый наркоман. – Она огляделась по сторонам и перешла на шепот: – Я думаю, это может быть кто угодно. Они же сейчас все наркоманы, правда, Энн?

Энн согласилась с тем, что, конечно, они сейчас все наркоманы, все без исключения. А потом они обе посмотрели на Пэдди, который почувствовал, что ему необходимо тоже кивнуть в знак согласия.

Возвращаясь домой, он думал о том, что, возможно, встречал того, кто совершил нападение. Очень вероятно, что этот человек живет в Килпатрике, поэтому Пэдди вполне мог с ним пересекаться. Благодаря своей работе он знал так много людей, живущих на различных улицах Килпатрика, знал их имена и их лица.

Он надеялся, что Бернард поправится. Он надеялся, что преступник будет найден. Он надеялся, что этот человек или несколько людей, совершившие это преступление, были ему незнакомы.

Полиция окрестила это нападение яростным. А также случайным, поскольку не было никакого мотива, не было никакой веской причины совершить нападение именно на Бернарда, если только нападавшего не оскорблял тот факт, что Бернард жил с другим женщиной.

Полицейский, который с ними разговаривал, сообщил, что у них есть несколько ниточек. Первая – оружие, которым было совершено нападение. Тяжелый латунный подсвечник был оставлен на месте преступления. А вторая ниточка – анонимное письмо.

– Письмо? – спросил отец Бернарда, переводя взгляд с полицейского на Шона. – Какое письмо?

И камеры наружного наблюдения также сейчас проверяются на предмет улик. Полиция сделала объявление по радио, обратившись с просьбой к возможным свидетелям явиться в полицейский участок. Все произошло в оживленное время, магазины закрывались, люди возвращались домой. Есть вероятность, что кто-то что-то видел, и это сможет помочь.

Шон пытался вспомнить, *а не видел ли он* что-нибудь по дороге в магазин. Вокруг было много людей, обычный суетливый вечер пятницы, но он не заметил ничего необычного. Ничто не бросилось ему в глаза, никто не вел себя подозрительно, ничего такого Шон вспомнить не смог. Люди, просто торопясь, проходили мимо, кто-то даже в него врезался...

Дверь магазина оказалась приоткрытой, но тогда это не показалось ему чем-то необычным, так как Бернард ждал его. Разумеется, сейчас Шон понял, что не Бернард оставил ее открытой.

Мать Бернарда ушла из палаты, шепотом переговорив со своим мужем. После того как она вышла, Шон посмотрел на отца Бернарда, сидевшего с другой стороны кровати. Может, теперь, когда они остались вдвоем, тот будет более охотно разговаривать с ним? Но отец Бернарда продолжил игнорировать Шона до того момента, пока в палату не вошел полицейский и не велел им обоим выйти в коридор, где рассказал об имеющихся у полиции зацепках.

А Бернард так и не приходил в себя. Аппарат, стоявший рядом с его кроватью, продолжал дышать за него, бледное лицо оставалось неподвижным, глаза – закрытыми, а рука безвольно лежала в руке Шона.

Единственной молитвой, которую знал Шон, была «Господь – Пастырь мой», этой молитве Шона научила мать – польская католичка. И сейчас он читал ее, удивляясь, как легко вспоминались слова:

Господь – Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться.

Он заставлял меня лечь в зеленые пастбища:

Он ведет меня к водам тихим...

Шон старался сосредоточиться на словах, а вместо этого каждый раз, закрывая глаза, видел, как тяжелый подсвечник обрушивается на голову Бернарда.

Снова никаких признаков жизни, когда она позвонила в звонок соседнего дома. Она вспомнила, как накануне вечером торопился Шон, как он спешил на встречу с Бернардом. Тогда ли все это произошло? Что было бы, если бы Шон пришел в магазин в другое время? Что было бы, если бы он пришел на пару минут раньше? Мэй старалась отбросить эти бесполезные мысли.

- Эй, котик, иди сюда, Джордж.

Она постучала серой миской по веранде – это всегда заставляло кота примчаться, где бы он ни был. И вот он пришел, слишком вальяжный, чтобы бежать вприпрыжку. Спокойно подошел к ней, появившись из-под изгороди, хвост поднят – по крайней мере, он рад видеть Мэй.

- Эй, привет. Ты голодный? – Но кот лишь понюхал корм – маленькие коричневые шарики, а потом потерся об нее, мурлыкая. – Слишком хорошо тебя кормят, вот что я тебе скажу.

Мэй погладила его рыжую шерстку. Он прижался к ее лодыжке и уткнулся головой в ее ладонь, это заставило Мэй снова пожалеть о том, что он больше не живет в ее доме. Повезло, что он хотя бы живет неподалеку.

Она выпрямилась и оглядела патио Бернарда. Что она может сделать, чтобы помочь? Одежда сохнет на веревке: она может отнести ее в дом и погладить – хорошо, что они оставили ей запасной ключ. И еще можно подстричь траву на лужайке; она попозже принесет газонокосилку.

Но сначала Мэй быстренько съездит в магазин и купит молока. Она выезжала на велосипеде в сторону ворот, когда увидела за воротами темно-синюю машину.

Темно-синяя «Мазда-626». Это была машина Джека и Пэм, Мэй помнила.

Она крепче сжала руль. Он ищет Пэм. Мэй скажет ему, что она ее не видела, и он уйдет. В конце концов, сейчас разгар дня.

Но вокруг никого не было. И на Бернарда нападение было совершено в разгар дня.

Хватит. Мэй слезла с велосипеда, когда Джек открыл ворота, но продолжала крепко держать руль. Зачем Джеку нападать на Мэй? Он просто ищет свою жену.

Он кивнул.

- Привет.

Мэй без улыбки кивнула в ответ.

- Джек?

Он выглядел больным и уставшим. Его глаза были налиты кровью, а сам он был смертельно бледным.

- Мэй, я пришел поговорить.

Его голос звучал подавленно. Она почувствовала мускусный аромат лосьона после бритья.

- Я... я не знаю, что именно рассказала тебе Пэм... - Джек сделал паузу и вопросительно взглянул на Мэй, которая смотрела прямо на него и молчала. Он вздохнул. - Слушай, я не виню тебя в том, что ты не хочешь со мной разговаривать. Это правда, я вел себя отвратительно, и я это признаю. Я понимаю, почему Пэм ушла... но, послушай, мне действительно необходимо с ней поговорить. - Он замялся и потер рукой лицо. - С тех пор как она ушла, я глаз не могу сомкнуть. Я не знаю, что мне делать. Я просто хочу с ней встретиться и сказать, как сильно я сожалею. - Он снова замолчал и умоляюще посмотрел на Мэй. - Ты мне не поможешь?

Мэй вспомнила испуганное лицо Пэм, слезы, которые катились по ее щекам. Ребенка, который не родится по вине Джека. Он, должно быть, не в себе, если думает, что Мэй собирается ему помогать. Она покачала головой.

- Извини, Джек, но я не знаю, где Пэм. Все, о чем она сообщила, когда позвонила, - это то, что она уезжает из Килпатрика и больше не будет у меня работать.

Мэй заставила себя смотреть ему прямо в глаза.

- Ты не встречалась с ней со среды? Она сюда больше не приходила?

- Нет. Она только позвонила.

- Когда она звонила?

Мэй притворилась, будто вспоминает.

- В четверг.

- Она сказала, где находится?

- Нет.

- Ясно... - Он медленно кивнул. - Ясно. Ладно. - Отвернувшись от нее, он добавил: - Что есть, то есть.

Не сказав больше ничего, он сел в машину и уехал.

Мэй подождала, пока он пропал из вида. Затем вытащила свой телефон и набрала номер Пэм.

Он слышал голос своей матери, она просила его проснуться. Другой голос - Бернارد не узнал его, какой-то мужчина - звал его по имени. Спрашивал, слышит ли он его. «Открой глаза, Бернارد».

Что-то пищало, что-то издавало вздохи, вокруг было много разных звуков.

И Шон - Шон был здесь. Держал его руку, шептал ему: «Держись, не уходи».

Бернارد хотел уйти. Он хотел, чтобы замолкли все звуки, все голоса. И чтобы прекратилась боль. Он хотел, чтобы все закончилось и чтобы все оставили его в покое.

Сука. Чертова сука. Смотрела на него так, словно он был куском дерьма, прилипшим к подошве ее ботинок. Что рассказывает про него Пэм? Какую отраву она распространяет? Он поддал газу, свернув на дорогу, ведущую к дому Кармел. Может быть, с училкой ему повезет больше. Нужно было начать с нее - училка наверняка об этом только и мечтает. Каждый раз при встрече, когда Пэм не видела, училка строила ему глазки.

Он остановил машину перед домом и сделал три глубоких вдоха. «Сейчас успокойся. Соберись». Голова все еще болела из-за похмелья.

Но можно было не успокаиваться. Никто не ответил на звонок. Машины во дворе не было, никаких признаков чьего-либо присутствия.

Через полчаса, в доме матери Пэм, шурин сообщил ему, что в течение последней недели они не видели Пэм. Да, насколько им известно, она уехала из Килпатрика. Нет, у них нет ни малейшего представления о том, куда она могла поехать. Все было произнесено сухо, без эмоций. При этом взгляд Конора был зафиксирован на чем-то, что находилось за плечом Джека, а на плече Конора висел дробовик.

Теща Джека, которая обычно выходила, чтобы поздороваться, на этот раз не появилась.

И не появилось никаких новостей о Пэм. Может быть, она *действительно* уехала из города.

Он поехал обратно, крепко сжимая зубы каждый раз, когда автомобиль наезжал на яму. Проехал мимо дома Кармел – никакой машины.

По дороге домой остановился у винного магазина и, как только зашел в дом, сразу же открыл бутылку виски. Сейчас ему необходимо поправить здоровье.

В тот момент, когда он опустошал пятый стакан и прокручивал в голове разговор с Мэй О'Каллахан, Джек вспомнил, где уже видел ее синий велосипед. Вчера около дома Кармел, когда он туда приходил – Джек готов был в этом поклясться. Та же корзинка спереди. Он вспомнил, что тогда эта корзинка и привлекла его внимание.

А это означало не что иное, как то, что в тот момент Мэй находилась в доме и не открыла дверь, когда он позвонил.

Он нахмурился, пытаясь справиться с шумом в голове и прийти к логическому выводу. Итак, почему Мэй не открыла дверь? Какая у нее могла быть причина? Что она пыталась спрятать от него?

Что или кого?

Пэм находилась там с ней, сейчас он был в этом абсолютно уверен. Они обе были внутри, слушали, как он звонил в звонок. Возможно, даже наблюдали за ним, когда он уходил. Наверное, смеялись над ним, над тем, как они его одурачили.

Он почувствовал, как внутри зарождается ярость. Они сговорились, эти три сучки. Водят его за нос, врут ему, пытаются его запутать. Думают, им удастся его одурачить.

Он плеснул в стакан виски. Пэм все еще в Килпатрике, она никуда не уехала. Его просто пустили по ложному следу.

Ладно. Сегодня он уже никуда не пойдет, он уже достаточно набегался и чертовски устал.

Завтра он ее найдет.

Она смотрела, как он шел обратно к машине. На нем были зеленая рубашка, которая ей нравилась, и самые старые голубые джинсы. Щетина, которая обычно уже появлялась у него в это время дня, оттеняла подбородок. Волосы были темными, густыми и взъерошенными. Если бы она встретила его на улице, не будучи с ним знакомой, то подумала бы: «*Этот парень явно не грубиян*». Ее всегда привлекали brutальные мужчины.

Когда машина отъехала, Конор вернулся на кухню. Пэм услышала, как он сказал:

– Он уехал.

Она знала, что дробовик, который держал Конор, разговаривая с Джеком, не был заряжен. Брат никогда не держит его заряженным.

Мать ответила:

– Слава богу. Позови Пэмми, хорошо?

Конор прошел через кухню и открыл дверь в прихожую, а потом произнес:

– Пэм?

Она крикнула:

- Я спущусь через минуту.

Она посмотрелась в зеркало в ванной комнате. Ее лицо ничего не выражало. Она вспомнила те времена, когда Джек приезжал сюда каждое воскресенье на обед. Вспомнила, как он говорил ее матери, что никогда в жизни не пробовал такого яблочного пирога. Вспомнила, как он уходил рыбачить вместе с Конором. Это было всего две недели назад.

И они ни о чем не догадывались, ни мать, ни брат. А как они могли догадаться, если Пэм никому не признавалась, даже себе?

Слезы матери, когда Пэм рассказала ей о том, что потеряла ребенка, он мог бы стать ее первым внуком... Пэм, наверное, сошла с ума, если решила сбежать в Корк, как будто это она во всем виновата. Может быть, мама права? Может быть, стоит сообщить в полицию?

Нет, Пэм не могла это сделать. Она не могла так с ним поступить. Это же был Джек, которого она поклялась любить и почитать до конца дней своих. Она не могла так поступить.

Она вытерла глаза и начала спускаться вниз. На полпути она почувствовала запах ветчины и поняла, что очень голодна.

Женщина за стойкой ресепшен сказала, что ее не пустят в палату интенсивной терапии, но если она позвонит в звонок на двери, то кто-нибудь ей подскажет, там ли Шон.

Шон вышел, он выглядел очень несчастным. Бледный, глаза красные. Он сжимал и разжимал кулаки, когда сообщал Мэй о том, что Бернард все еще без сознания.

- Они не могут мне сказать, придет ли он в себя... - Он поднял руку и прижал ее ко рту. - Он должен прийти в себя до... - Он замолчал и тяжело вздохнул.

- Шон, мне так жаль! Я могу что-нибудь сделать? - Мэй знала, что он отрицательно покачает головой, знала, что он ни о чем не может думать, кроме как о Бернарде. Она протянула ему сверток, завернутый в фольгу. - Вот, я приготовила несколько сэндвичей, в них только сыр и ветчина.

Глаза Шона наполнились слезами.

- Спасибо.

- Я сделаю кофе? Тебе нужно что-то выпить.

Но он уже отвернулся от нее.

- Спасибо, Мэй. Я должен вернуться обратно на случай, если...

Он пошел прочь, возвращаясь на свой пост, держа в руке серебристый сверток. И Мэй сомневалась, что он вообще развернет этот сверток.

На случай, если Бернард проснется.

Сердце Мэй болело за него. Она ничего не могла сделать, никто сейчас не мог ничего сделать, до тех пор, пока Бернард не откроет глаза.

Если это вообще произойдет. Она развернулась и медленно пошла к лифту, нажала кнопку со стрелкой, указывающей вниз. Какая трагедия. Вроде бы первые двадцать четыре часа являются критическим сроком. Мэй где-то слышала об этом. А прошло уже...

- Мэй?

Она повернулась, там стоял Джерри. Его волосы стали длиннее, сейчас они доставали до плеч. Тот же рыжевато-коричневый цвет.

Он прибавил в весе, лицо стало полнее.

Она почувствовала, как покраснела.

- Джерри. - А затем она не смогла придумать ничего, кроме: - Как ты поживаешь?

На безымянном пальце его левой руки сверкало тонкое золотое кольцо. Джерри сообщил Мэй о Терри накануне того дня, когда они планировали купить себе обручальные кольца. Эта мысль ее огорошила.

- Я в порядке, а ты?

Такое ощущение, что они были просто знакомыми. Как будто единственное, что их связывало, - это обмен дежурными вежливыми фразами, а не...

Он откашлялся. На самом деле его волосы были слишком длинными, и прическа выглядела старомодной. И эти брюки - Мэй никогда не видела его в чем-то, кроме джинсов, не считая того ужасного коричневого костюма, который он надел для первой встречи с ее родителями. Она вспомнила, как смеялась над этим костюмом, а Джерри притворялся, что обижается.

- Вот... я пришел сюда навестить маму. Ей сделали операцию, удалили матку.

- О! Она в порядке?

Мэй всегда нравилась Долорес Сканлон. Она наверняка обрадовалась известию о ребенке.

- Да, все хорошо. - Он провел рукой по волосам. Забавно, раньше этот жест казался Мэй очень сексуальным. - А как ты? У твоих родителей все хорошо?

Мэй посмотрела на него с укоризной.

- Моя мама умерла полтора года назад. У нее был рак.

- О господи, прости. Я ничего об этом не слышал.

Ну, конечно же, он слышал, слышал от своих родителей, которые присутствовали на похоронах. Или от жены, которая не соизволила приехать на похороны своей тети. Он просто забыл, вот и все. А забыл он потому, что Мэй О'Каллахан стала для него никем, лишь эпизодом из прошлой жизни. И он не придал никакого значения смерти ее матери.

Открылась дверь лифта, и Джерри хотел пропустить Мэй вперед, но она развернулась:

- Вообще-то я лучше пойду по лестнице. Прощай, Джерри.

«Прощай, Джерри». Она не обернулась. Подходя к лестнице, она услышала, как закрылись двери лифта.

Ей, наверное, стоило упомянуть о ребенке. Да, об этом следовало сказать.

Она стояла внизу лестницы.

- Джуд? Ты здесь?

Ответа не последовало. Джуд вполне могла еще спать, в пять часов вечера. И даже если она не спала, она отвечала своей матери только тогда, когда у нее было на это настроение.

Марджори опустила свои тяжелые сумки на пол и расслабила крепко сжатые пальцы. Такое ощущение, что с каждой неделей продукты становятся все тяжелее. Она сняла с себя летний пиджак и повесила его на вешалку, затем снова подняла сумки с покупками и потащила их на кухню. Слава богу, что каждую третью субботу месяца у нее короткий день - в выходные у них столько работы, что уже к четырем часам Марджори чувствовала себя совершенно без сил.

Когда она расставляла помятые консервные банки – непросроченные, но уцененные вдвое, – ее дочь вошла на кухню. Не говоря матери ни слова, она взяла с одной из полок коробку с хлопьями «Фростис». На Джуд была грязная и мятая розовая пижама, а на ногах – толстые серые носки. Ее волосы были взъерошены, а одна щека – в пятнах.

Марджори достала из холодильника пакет молока и передала дочери.

– Не ешь много, через час будем ужинать.

Джуд сняла с сушилки тарелку и насыпала в нее хлопья. Из пакета она неаккуратно налила молоко. Уголкем глаза Марджори наблюдала за тем, как хлопья просыпались на край стола, она знала, что дочь не обратит на это никакого внимания. Марджори закончила убирать продукты и посмотрела на Джуд.

– Дорогая, я застелю твою постель, хорошо?

Джуд пожала плечами, даже не удостоив мать взглядом. Марджори поплелась к лестнице и толкнула дверь в спальню дочери. Почувствовав сильный запах алкоголя, Марджори поморщилась.

Ей очень не нравилось, что Джуд столько пьет, что почти каждый раз, выходя из дома, она возвращается домой пьяная в хлам, но что Марджори могла сделать? Джуд исполнилось восемнадцать, она была уже совершеннолетней, хотя и несовершеннолетних сейчас уже тоже ничего не останавливает. Они без труда могут раздобыть все, и не только выпивку. Марджори старалась не думать о том, что еще может принимать Джуд, выходя на улицу вместе с Кэтлин Фаррел.

Марджори тяжело опустилась на кровать. Она понимала, что с ее стороны было глупо так нянчиться с Джуд. Готовить ужин, убирать в ее комнате, не делать никаких замечаний относительно ее поведения, никогда не просить у нее помощи по дому. Марджори знала, что все это было неправильно.

Так бояться своего собственного ребенка, что всю жизнь ходить вокруг него на цыпочках и не сметь открыть рот, опасаясь того, что он может сказать или сделать в ответ. Это было глупо.

Потому что где-то когда-то, когда Джуд была еще ребенком, что-то пошло не так. В ней было что-то ненормальное, что-то очень жестокое – эта жестокость потрясла Марджори каждый раз.

С ранних лет с Джуд были проблемы. В начальной школе она издевалась над детьми, были постоянные неприятности из-за того, что она их терроризировала. Она была крупной девочкой, выше и крепче большинства своих одноклассников. Ее комплекция идеально подходила для того, чтобы хулиганить, и Джуд этим успешно пользовалась.

Редкие недели проходили без того, чтобы Марджори не вызывали в школу поговорить о поведении Джуд, а однажды к ним в дом даже пришла молодежь вида пара с требованием, чтобы Марджори запретила Джуд приближаться к их дочери, которая начала каждую ночь писаться в кровать.

А что могла сделать Марджори? Что хоть кто-нибудь мог сделать с Джуд, которая рычала, если ты только открывал рот, чтобы сделать ей замечание, которая одним взглядом посылала тебя на три буквы? Которая в тринадцать лет была крупнее тебя и намного сильнее. Разговаривать с ней было бесполезно: она смотрела на тебя с ненавистью и разворачивалась на каблуках, как только твоя речь заканчивалась.

Однажды, когда Джуд была подростком, ее уличили в магазинной краже. Марджори позвонила на работу и попросили прийти и забрать дочь – слава богу, администрация магазина не потребовала оплатить штраф. В автобусе по дороге домой Марджори умоляла Джуд больше не делать этого, Джуд скрепя сердце согласилась, но ровно на следующей неделе Марджори заметила на руке Джуд новые дорогие часы. Марджори ничего не сказала, потому как ее слова все равно ничего бы не изменили.

А потом была история с маленьким котиком, о которой даже сейчас Марджори с трудом

могла вспоминать. Котик на Хеллоуин, скорее даже котенок, которого пришлось усыпить после того, как четырнадцатилетняя Джуд и ее подружка Кэтлин Фаррел с ним позабавились. Как можно ради смеха издеваться над незащитным животным? Без сомнения, с теми, кто это делает, что-то явно не в порядке.

Может быть, если бы Тони жил с ними, все могло бы сложиться иначе. Но он исчез, когда Джуд была еще малышкой, просто сбежал с какой-то молоденькой дамочкой, которую встретил в ночном клубе, где сам работал вышибалой. Для Марджори это была не великая потеря, но он хотя бы был достаточно крепким для того, чтобы заставить дочь слушаться.

Если бы Джуд нашла себе работу, то она была бы занята днем, а не валялась бы все время в кровати, а потом не слонялась бы по дому до вечера, а вечером не уходила бы из дома, нарядившись и нарядившись в одежду, которая казалась Марджори чрезвычайно вульгарной, и так каждую ночь.

После заката улица становилась не лучшим местом для молодых девушек. Вон как вчера был избит этот несчастный, причем в своем собственном магазине, а это все произошло среди бела дня. А что, если Джуд наткнется на этих отморожков, что, если с ней случится то же самое? Одному богу известно, что они могут сделать с молодой девушкой.

Бесспорно, если бы у Джуд была работа, она бы так часто не гуляла, ей бы приходилось как-то вставать по утрам. Но с тех пор, как Джуд провалила экзамены на получение аттестата о среднем образовании и категорически отказалась снова вернуться в школу, она перепробовала четыре места работы. Самой продолжительной оказалась работа в магазине, торгующем дешевыми товарами, там Джуд продержалась шесть недель, пока однажды не пришла домой и не заявила Марджори о том, что ее уволили за то, что она ела сосиску.

Когда Марджори явилась туда с жалобами, владелец магазина сообщил ей, что Джуд поймали на воровстве денег из кассы. Джуд, разумеется, все отрицала и даже разозлилась на Марджори за то, что та вмешалась, сказала, чтобы мать перестала совать длинный нос не в свои дела.

В то время Джуд воровала деньги из сумочки своей матери всякий раз, как Марджори оставляла свою сумочку без присмотра. Но об этих кражах не было сказано ни слова, не было никаких разбирательств. Марджори находила способы обойтись без пропавших десяти или двадцати евро, просто в течение какого-то времени она приносила домой больше помятых консервных банок, брала дополнительные смены и выкручивалась, как могла, до следующей зарплаты.

Марджори делала для Джуд все возможное. Когда та ясно дала понять, что не собирается возвращаться в школу, Марджори обратилась в супермаркете к господину Митчелу. Тот согласился взять Джуд на испытательный срок на полставки, двадцать часов в неделю, и посмотреть, будет ли она справляться. Марджори поблагодарила его, вернулась домой и сообщила Джуд, что в супермаркете требуются сотрудники: не хочет ли та попробовать?

А Джуд усмехнулась и сказала Марджори, что та живет в сказочной стране, если думает, что Джуд собирается работать в этой дыре, больше она обсуждать это не намерена. Марджори сказала господину Митчелу, что Джуд вместо работы в магазине собирается поступать на курсы секретарей.

Да, Марджори пыталась что-то изменить. Приносила домой маленькие угощения, у которых срок годности почти истек, эти пирожные макарони, которые так нравились Джуд, или немного булочек, которые не удалось продать. А еще ту прелестную маленькую подвеску, которую кто-то потерял и которая была так похожа на подвеску Мэй.

Конечно, Марджори должна была оставить ее в магазине на тот случай, если кто-нибудь за ней вернется. И она очень неловко себя чувствовала, когда на следующий день какая-то женщина действительно пришла и стала спрашивать про подвеску, но Марджори решила, что такое милое украшение поможет смягчить Джуд. На какое-то время забрать ее жестокость.

И Джуд взяла это украшение и надела его, и казалось, оно ей понравилось, хотя она ничего не сказала, лишь буркнула «спасибо». Но с тех пор Марджори не видела на ней этого украшения, а к Джуд вернулось угрюмое настроение. После визита к стоматологу все только усугубилось.

Марджори тяжело вздохнула и осмотрела маленькую комнату, в которой царил бардак. Везде была разбросана одежда Джуд. Под стулом беспорядок – наверное, это грязные вещи для стирки. Корзина для бумаг переполнена, и из нее торчала скрученная газета.

Газета? Джуд никогда ничего не читала, ничего, даже просроченные журналы, которые Марджори иногда приносила с работы домой.

Она потянулась и вытащила газету из корзины. Когда Марджори ее развернула, на пол выпали маленькие обрезки. Это был номер *Sun* за среду. В замешательстве Марджори смотрела на дырки в заголовках статей, некоторые буквы были вырезаны.

Затем она просто пожала плечами и засунула все обратно в корзину. Нет никакого смысла задавать вопросы Джуд – в ответ Марджори услышит совет не лезть не в свои дела. Она заправила кровать и вытащила корзину с грязным бельем. Когда она потянулась за комком грязных вещей, ее внимание привлекло что-то лежавшее под кроватью.

Это был рукав толстовки; наверное, ее тоже нужно постирать. Марджори вытащила толстовку из-под кровати. Спереди толстовка была в чем-то испачкана. Что это? Краска? Разве Джуд что-то красила? А потом, когда Марджори поняла, что это не краска, она бросила толстовку на пол и закрыла рот рукой, чтобы сдержать вырывающийся наружу крик.

Терри откинулась назад и зевнула.

– Господи, и представить себе не могла, что во время беременности так устаешь. Я, наверное, могу проспать целую неделю.

Хильда улыбнулась.

– Погоди, пока не родишь. Вот тогда ты узнаешь, что значит мечтать о том, чтобы проспать целую неделю.

Терри состроила гримасу.

– Я была так ужасна? Тебе совсем не удавалось поспать?

Хильда задумалась.

– В первые месяцы мне пришлось довольно тяжело, но потом ты немного успокоилась.

Она могла бы добавить: *«С тобой было не так трудно, как с Мэйзи, которая в течение первых шести месяцев заставляла свою маму вставать каждую ночь»*, но не стала этого делать.

– И моего отца, который мог бы тебе помочь, не было рядом. – Терри отщипнула кусочек ветчины от уголка своего сэндвича. – Не представляю, каково это – одной растить ребенка.

Лицо Терри уже поправилось, Хильда вспомнила, что ее собственное лицо во время беременности раздуло, как воздушный шар. Странное чувство – думать о том, что твоя дочь скоро станет матерью. В голову начинают лезть мысли о вещах, о которых обычно стараешься не думать, так как это приводит к лишним переживаниям. Например, мысли о смерти и о вечности.

Но сегодня Терри выглядела счастливой, и лишь это имело значение. Все, о чем беспокоилась Хильда, – это здоровье ребенка и счастье Терри.

– И как ты хочешь, чтобы он тебя называл? Бабушка? Бабуля? Баба?

Хильда засмеялась.

- Господи, если он будет меня так называть, то я буду себя чувствовать древней старухой. Думаю, мне нужно будет придумать для себя более подходящее обращение. Остался в чайнике чай или заварить новый?

Это было прекрасно – они вдвоем болтают на кухне, как в старые времена. Пусть это с ее стороны и было эгоистично, но Хильда надеялась, что Джерри вернется не скоро. Ему, безусловно, придется провести с матерью в больнице значительное количество времени, тем более что он сообщит новость о ребенке. А потом он собирался заехать к своему отцу, чтобы проверить, как тот справляется дома один. Может быть, Джерри даже останется, чтобы приготовить отцу ужин или сводить его куда-нибудь. Возможно, он снова вернется домой поздно.

А завтра после обеда они с Терри уезжают, так как им обоим нужно в понедельник утром на работу. Если повезет, Хильде совсем не придется оставаться со своим зятем один на один.

Потому что не имело значения, сколько внуков благодаря ему появится у Хильды, и не имело значения, насколько с ним счастлива ее дочь; у Хильды с ним все равно никогда не найдется общих тем.

Она лежала в ванной, а слезы текли по щекам и капали в горячую воду. Все было неправильным, абсолютно все. Кармел потянулась за бокалом с вином – она допивала бутылку, которую открыла в четверг, когда все было так прекрасно.

А сейчас, лишь два дня спустя... Она отпила глоток. Вчерашнее выражение лица Пола, когда он говорил ей эти ужасные слова – как будто ненавидел ее. И это после того, как всего лишь сутки назад она сидела у него на коленях, а его руки блуждали по ее телу. Она снова отхлебнула вина, стараясь подавить внезапно возникшее возбуждение. Неужели можно вот так перемениться, ведь она допустила всего одну маленькую ошибку? Неужели его чувства могли исчезнуть так внезапно?

А тут еще Пэм со своими проблемами в самый неподходящий момент. Кармел чувствовала себя виноватой в том, что Пэм уехала домой, виноватой из-за чувства облегчения, которое испытала, когда Пэм сообщила ей утром об отъезде. Но это к лучшему – у Пэм есть мама, которая сможет ее утешить гораздо лучше, чем это сейчас получится у Кармел. Пэм все правильно поняла.

А в довершение всего сломалась эта чертова машина. Кармел возвращалась на ней домой после того, как отвезла Пэм, – она чувствовала необходимым сделать для подруги хотя бы это, – и внезапно машина заглохла. Только этого не хватало.

Хорошо хотя бы, что все случилось рядом с автомастерской, а не где-нибудь у черта на куличках. Но теперь Кармел осталась без машины как минимум до конца выходных, именно так ей сказали в мастерской. В лучшем случае она ее получит в понедельник вечером. А еще Кармел испачкала маслом хороший пиджак, когда автомеханик подвозил ее домой в своей машине. Вот этого, *черт возьми*, ей ну уж точно не хватало.

Кармел вздохнула и вновь потянулась за бокалом, который был уже почти пуст. Единственная мысль, которая ее утешала, была о том, что больше уже ничего плохого произойти не может.

Воскресенье

С раннего утра попеременно солнечно и дождливо. Ближе к полудню погода стабилизируется. Во всех районах легкий туман. Температура воздуха – от 17 до 20 градусов.

Ей было больно моргать, как будто кто-то прошелся наждачной бумагой по ее глазам. Она сжала пальцы в кулаки, стараясь их согреть. Еще нет семи часов, день только начинается, а такое чувство, что прошла вечность с того момента, когда она в пять двадцать наблюдала за восходом солнца. Сейчас шел дождь, один из легких летних ливней, который едва различим, когда крохотные капельки воды бесшумно падают с неба на землю.

Марджори могла ошибиться; она постоянно возвращалась к этой мысли. Она могла сделать совершенно ошибочные выводы. Это могла быть просто шутка. Есть множество причин, чтобы вырезать буквы из газеты, разве нет? Это могло быть сделано просто ради смеха, чтобы подшутить над кем-нибудь. Это вовсе не обязательно должно быть связано с чем-нибудь ужасным, таким ужасным, что мозг просто отказывается об этом думать.

А что касается крови – здесь тоже может быть совершенно невинное объяснение. Например, порезанный палец. Из-за небольшого пореза кровь может хлестать только так. Вот Марджори, например, сама пару недель назад порезала большой палец, когда шинковала репу. В тот момент она подумала, что придется накладывать шов: кровь хлестала фонтаном. Просачивалась сквозь пластыри. А сейчас и шрама не разглядеть.

Поэтому могло произойти что угодно. И все могло быть совершенно невинно.

Марджори ничего не сказала Джуд. Она засунула толстовку обратно под кровать, спустилась вниз, положила на тарелку сосиски и достала спагетти, ведя себя так, словно ничего не произошло. Они даже немного поболтали за едой – ну, вернее, болтала Марджори. А Джуд в ответ ворчала или кивала головой. Но это как раз было в порядке вещей.

А потом Джуд пошла наверх, и Марджори услышала шум воды, а через полчаса Джуд при полном параде спустилась вниз и сказала Марджори, что идет гулять. В одиннадцать вечера Марджори выключила телевизор, удачно избежав девятичасовых новостей, и направилась в кровать. Джуд вернулась только в половине третьего и с грохотом поднялась в свою комнату. А в пять утра Марджори оставила попытки придумать безобидный повод для вырезания букв из газеты и встала с кровати.

Она мешала свой остывший чай и с ужасом ждала того, что мог ей принести новый день.

Сегодня ему исполняется восемьдесят, и он чувствовал каждый прожитый год. Золотые годы. Какая чепуха! Ни на что не годный, обуза для семьи – вот кто ты в восемьдесят. Пора умирать.

Мэй тихонько постучалась, и этот стук прервал его мысли.

– Входи. – Филип не хотел никакой суеты – суета была ему нужна меньше всего.

– С днем рождения. – Мэй поставила поднос на столик у окна и распахнула занавески, пока Филип неуклюже пытался сесть. Затем она взбила подушки, положила поднос ему на колени и подождала, когда отец заметит бежевый конверт.

Филип взял конверт и, перед тем как его открыть, взглянул на нее.

– Спасибо, Мэй. – Он вытащил открытку и прочитал поздравление. – Спасибо, очень мило.

Всего лишь открытка – и это все, что он получит? Она могла бы приготовить ему хотя бы маленький подарок.

Филип сердито отрезал кусок от высохшего белого пудинга. Не каждый день исполняется восемьдесят. Для кого-то это важное событие. Далеко не каждому удается дожить до этого возраста.

- Тебе еще что-нибудь нужно?

Филип отрицательно покачал головой, даже не взглянув на дочь. Ему хотелось сказать: *«Ничего, кроме подарка на день рождения от моей единственной дочери. Ничего, кроме завтрака, который я съел бы с удовольствием»*.

Не день рождения, а ерунда какая-то.

Он стоял под струями очень горячей воды, тер себя мочалкой что есть мочи, так, что тело жгло, но это доставляло ему удовольствие. Позже, уже стоя на кухне, он съел кусок сыра и два яблока, запив все остатками клюквенного сока.

Мэй встретила его, когда он выходил из дома, она выбежала навстречу из своего сада.

- Шон, я просто... Есть какие-нибудь новости?

- Никаких изменений. - Интересно, как долго ему придется повторять этот ответ. - Он все еще без сознания.

- Я могу чем-нибудь помочь?

Шон устало посмотрел на нее.

- Спасибо, Мэй. Присмотри, пожалуйста, за домом. Я тебе сообщу, если будут какие-нибудь изменения. - Он направился в сторону фургона, на ходу вылавливая из кармана ключи.

Камеры наружного наблюдения зафиксировали нечеткое изображение двух человек, которые вышли из магазина за минуту до того, как туда пришел Шон. Они держались рядом, были одеты в толстовки с капюшонами. Один повыше, другой пониже. По тому, как они быстро скрылись из поля зрения камер, можно предположить, что оба - молодые.

Но полицейский признался, что идентифицировать их личности невозможно. Качество изображения не дает возможность использовать запись как улику, если только не появится что-то еще.

А других камер наружного наблюдения ни у кого на главной улице Килпатрика не было, они не были установлены ни на одном магазине. Бернارد оказался первым, кто их установил, всего за три часа до нападения.

У соседей что-то произошло. Этот американец сегодня утром рано вернулся домой - похоже, ночевал где-то в другом месте. Спешно зашел в дом и при этом выглядел ужасно - краше в гроб кладут. А второго, у которого магазин, не видно и не слышно. Может быть, они тоже рассорились?

Нельзя сказать, что Пола очень волновало то, что происходило у соседей. У него самого проблем было достаточно, чтобы еще волноваться за других.

Франческа не взяла с собой мобильный телефон. Она бросила его на кровати, Пол услышал, как тот звонит, когда снова набрал ее номер. Наверное, она не взяла с собой мобильный, потому что не собиралась больше им пользоваться.

Он купил ей этот мобильный после переезда в Ирландию. В Италии у нее не было мобильного, так как она презирала сотовую связь. Да и этот она почти не использовала, только отвечала на звонки Пола.

И нелепая горилла Лючии, которую девочке подарили на Рождество родители Пола, - они ее тоже не взяли, и теперь она лежала, растянувшись на узкой детской кровати. И автомобиль, конечно, тоже остался, так как Франческа не могла взять его в самолет. Пол проверил ее ноутбук - вернее, свой ноутбук, это он его купил - и обнаружил на сайте Ryanair бронь билетов на имя Франчески и Лючии Тутторо.

Пол открыл ее шкаф и зарылся лицом в те несколько топов и юбок, которые Франческа оставила, на некоторых из них до сих пор можно было обнаружить ее длинные темные волосы, и все они источали ее запах. Затем Пол выдвинул ящик, в котором она хранила

свое нижнее белье, и увидел комплект – красный лиф и стринги, – который он подарил ей на прошлый день рождения. Пол вспомнил, как она выглядела в этом комплекте.

Он наполнил водой большую ванну, добавил туда масло, которое оставила Франческа, и разделся. Но мысль о том, чтобы одному погрузиться в воду, заставила его выдернуть из ванной затычку и просто слушать, как убывает вода, унося с собой аромат масла.

Не было никаких сомнений в том, что Мариетта уйдет, как только найдет новое место работы, и Пол останется совершенно один. Он посмотрел по сторонам большой, наполненной воздухом, пустой кухни и вспомнил ее другой, наполненной людьми. Вспомнил, как сидел за столом и слушал болтовню Лючии. Вспомнил, как Франческа улыбалась, глядя на него поверх головы дочери.

Он вспомнил, что Франческа ненавидела ремень и любила спаржу, тушенную в масле. Как она ела ребрышки и медленно облизывала свои пальцы, один за другим.

Пол понял, чего лишился, но было уже слишком поздно.

Сегодня снова нет машины. Может быть, училка уехала из города? Сколько сейчас времени? Он посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Он сначала засомневался, может быть, стоит подойти к двери и позвонить в звонок, но потом подумал: «Какой смысл?» Если бы училка была дома, то и машина бы тут стояла.

А если в доме одна Пэм, то она ни при каких обстоятельствах не откроет ему дверь.

Чем больше Джек думал о том, что Пэм может находиться в доме Кармел, тем более реальным казался ему этот сценарий. Конечно, она явилась сюда, когда сбежала от него: женщины всегда держатся вместе, а они с Кармел – неразлейвода. Ну или так было раньше, пока ему не удалось их немного развести. Но Кармел все равно оставалась лучшей подругой Пэм. Естественно, Пэм сразу пришла сюда. И Джек был готов поспорить, что она до сих пор прячется здесь в надежде, что ему скоро надоест ее искать и он бросит эту затею.

Ну, что же, он может подождать. Ему все равно сегодня больше нечем заняться. Рано или поздно кто-нибудь выйдет из дома или подойдет к нему, а Джек будет поблизости. Он вернулся к своей машине и, отъехав немного, припарковался на другой стороне улицы. Достаточно близко, чтобы было все видно, но при этом достаточно далеко, чтобы самому не быть замеченным.

Он устроился на водительском сиденье и вытащил из фольги пластину жевательной резинки Juicy Fruit. Рано или поздно что-нибудь произойдет.

– Это я. У тебя все готово для вечера?

– Все готово. Придет Пэм – брат ее привезет на машине, – поэтому ужин все-таки будет съедобным.

– Пэм придет? По-моему, она не собиралась показываться здесь, боялась, что этот психопат ее выследит.

– Ну, вообще-то, он заходил сюда вчера, искал Пэм, но я сказала, что не видела ее. Он был весь такой расстроенный, говорил, что хочет встретиться с ней, чтобы принести извинения.

Ребекка быстро ответила:

– Мэй, если он снова появится, не трать время, развлекая его. Звони сразу либо в полицию, либо мне. Я действительно думаю, что Пэм лучше не приезжать к тебе.

– Нет, ну почему он должен снова появиться? Я ему сказала, что Пэм уехала из Килпатрика. И совершенно уверена в том, что он мне поверил.

Ребекка продолжала настаивать:

– Невозможно предугадать, что он еще сделает. Обещай, что, если ты заметишь его присутствие, ты позвонишь. И не выпускай из дома Пэм. Не разрешай ей выходить на

улицу.

Мэй рассмеялась.

- Господи, ты такая подозрительная. Во сколько ты собираешься на работу?

- Сейчас. Увидимся с тобой в районе шести. И позвони *мне*, если заметишь его, ты поняла?

- Да, слушаюсь и повинуюсь, - улыбаясь, ответила Мэй.

Ребекка, нахмурившись, повесила трубку.

- Мне это не нравится, Пэмми. Это может закончиться неприятностями. - Мать порезала помидор и посыпала его солью. - Что, если ты с ним встретишься?

Пэм отрезала небольшой ломтик сыра.

- Ма, Конор довезет меня прямо до дома Мэй, и я не выйду на улицу до тех пор, пока он не вернется за мной. А там будут два брата Мэй - я буду в полной безопасности.

- Все же... - Мать перевела взгляд на Конора. - Ты обещаешь быть внимательным?

Конор кивнул.

- А ты, пока нас не будет, запись здесь и никому не открывай, пока я не вернусь.

«Только послушай их. Послушай, что он с ними сделал». Чем быстрее она отсюда уедет, тем быстрее они смогут вернуться к нормальной жизни. Пэм уже начала сожалеть о том, что пообещала Мэй помочь: она не предполагала, что мама начнет так из-за этого переживать. Но сейчас Пэм уже не могла бросить Мэй, времени осталось совсем мало.

Да и в самом деле, что может с ней произойти среди бела дня?

Она просмотрела программу телепередач и остановилась на субботе. Половина четвертого, что сейчас показывают? Спортивный канал - спасибо, не надо. На канале «Дикая природа» идет документальный фильм о Второй мировой войне. Господи, сколько же ерунды... А потом Кармел увидела, что через двадцать минут на ВВС начнется *Пуаро*. Вот это подойдет.

В животе заурчало, и она вспомнила, что еще не обедала. Она припомнила, что было у нее в холодильнике: йогурт, огурец, сыр, паштет. Ничего из перечисленного ее не привлекало. Она не хотела есть нормальную еду, ей хотелось какой-нибудь дряни.

Шоколад - вот что ей нужно. Большая плитка Fruit and Nut или гигантская Aero. А еще упаковка Pringles со сметаной и луком. Да, она объестся, и что? Кого теперь волнует, какую гадость она собирается есть? А еще бутылка вина, хотя выбор вина в ближайшем магазине был удручающим. Но нищим выбирать не приходится.

Кармел заставила себя вылезти из кровати и потащилась наверх, снимая на ходу домашний халат. Она наденет джинсы и какую-нибудь футболку. Кармел надеялась, что по дороге не встретит никого из своих знакомых.

После духоты в доме свежий воздух оказался очень кстати. Приятный легкий ветерок - небо было серым, похоже, скоро пойдет дождь. К счастью, на улице никого не оказалось. Кармел быстро пошла в сторону магазина.

Она вернулась домой и уже открывала входную дверь, неуклюже держа одной рукой покупки, когда услышала за спиной:

- Привет, Кармел.

Кармел резко развернулась, едва все не уронив, - она не слышала, как он подошел.

- Господи, Джек, ты меня напугал. - Она еще крепче схватила бутылку, надеясь, что Джек не заметит чипсы и спрятанный за ними шоколад.

- Прости, я не хотел тебя напугать. - Джек выглядел очень подавленным. - Я просто хотел... поговорить с тобой буквально одну минуту, если ты не против.

Его взгляд на секунду задержался на ключе, который все еще торчал в замке, а потом переместился на бутылку в ее руке.

Господи, что Джек может подумать? Кармел, должно быть, похожа на настоящую пьяницу.

- Нет, я не против, но если ты пришел за Пэм, то ее здесь нет. - Произнеся эти слова, она вспомнила обо всем случившемся. И о том, что Пэм сейчас прячется от Джека в доме своей матери.

- Ее правда нет? - Выражение его лица не изменилось. - А я надеялся, что она здесь.

- Нет, уже не здесь. - Кармел быстро соображала. - Она провела здесь пару ночей, но вчера уехала.

- Уехала из города? - Он казался совершенно не опасным. Трудно представить, что он вообще мог совершить насилие в отношении Пэм. - Она правда уехала?

Что могла ответить Кармел?

- Нет, в смысле да. Уехала на автобусе, примерно в шесть часов, да, я думаю, где-то так. - Господи, это прозвучало так неправдоподобно. Вряд ли он в это поверит.

- Она сказала, куда уезжает? - Его руки были расслаблены, а сам он внимательно смотрел ей в лицо. - Кармел, мне действительно нужно знать. Мне действительно необходимо увидеться с ней и сказать, как я сожалею, что... плохо с ней обращался. - Он опустил глаза, а она заметила, какими длинными были его ресницы. - Я вел себя... очень плохо, но ты, наверное, и так все знаешь.

Можно ли сказать ему правду? Он кажется очень искренним, похоже, он и вправду сожалеет... и у него была масса времени, чтобы подумать о том, что он натворил, понять, как неправильно он себя вел. Разве он не заслуживает второго шанса? Может быть, ей стоит помочь ему встретиться с Пэм, а там пусть она сама решает?

Пока она думала, как лучше поступить, Джек вдруг закрыл лицо руками, а плечи его затряслись. Господи, он что, плачет?

Кармел переложила ношу из одной руки в другую.

- Послушай, я не уверена, что имею право...

Он произнес сдавленным голосом:

- Я не виню тебя в том, что ты мне не доверяешь, я вел себя отвратительно. Мне просто необходим хотя бы один шанс, чтобы принести Пэм извинения, вот и все. - Он начал разворачиваться, склонив голову. - Все равно, спасибо.

- Нет, подожди. - Кармел спустилась на ступеньку ниже, продолжая сомневаться, стоит ли ему все рассказывать. - Слушай, Пэм рассказала мне о том, что произошло между вами. Она была очень расстроена.

Он кивнул, не поднимая глаз.

- Я знаю, я вел себя как кусок дерьма, и сам себя за это ненавижу, клянусь тебе. - Он поднял голову и умоляюще посмотрел на Кармел. В его глазах блестели слезы, и он вытер их рукавом. - Поверь мне, Кармел, если бы я мог повернуть время вспять, я бы это сделал. Я бы все отдал, чтобы предотвратить то, что случилось, клянусь богом.

Она прикусила губу. Надо ли ему рассказывать? Он говорил так искренне, конечно, он заслуживает второй шанс. Кармел немного поправила бутылку; держать ее становилось все труднее.

- Не знаю, я не уверена в том, что Пэм позволила бы мне.

- Ну пожалуйста, Кармел. - Джек подошел ближе и начал говорить быстрее: - Пожалуйста, скажи мне. Я должен ее увидеть. Мне нужно сказать ей о том, как сильно я сожалею. Пожалуйста, ты можешь мне доверять, ты же знаешь. Я просто совершил ошибку. Это больше никогда не повторится, Богом клянусь.

На его подбородке темнела щетина, а лицо находилось в нескольких сантиметрах от ее лица. Он снова бросил взгляд на ключ.

Внезапно во рту Кармел пересохло. Она почувствовала, как в груди заколотилось сердце. Он был значительно крупнее, чем она, и, разумеется, гораздо сильнее. Только посмотрите на эти широкие плечи; он с легкостью мог бы выбить из нее любую информацию - и кто бы его остановил? Придется все ему рассказать, просто чтобы избавиться от него. А сразу после того, как он уйдет, она позвонит Пэм и предупредит ее.

Кармел торопливо заговорила:

- Слушай, Пэм еще не уехала из города, но она собирается сделать это завтра. Она дома, в смысле дома у матери, а позже она поедет к Мэй, там будет ужин. Ты найдешь ее там.

Выражение лица Джека изменилось до неузнаваемости. Он широко улыбнулся, продолжая стоять очень близко к Кармел. На лице не осталось и грамма раскаяния. Следы слез исчезли.

- Спасибо, Кармел. Ты мне очень помогла.

А потом, до того, как она поняла, что происходит, он резко прижал ее к двери и поцеловал в губы. Бутылка вина врезалась ей в грудь. Кармел почувствовала вкус мяты, ощутила, как его щетина трется о ее щеку, его язык начал... - и вдруг Джек отступил назад.

- Наслаждайся своим вином. Еще раз спасибо. Ты великолепна. - Затем он развернулся и быстро пошел по дорожке.

Кармел стояла, потрясенная произошедшим. Губы болели. Было немного странно, что он поцеловал ее именно так. Прямо в губы, почти сексуально... а он, между прочим, муж ее подруги. Не совершила ли она большую ошибку, рассказав ему все? Лучше прямо сейчас сообщить обо всем Пэм.

Но ей удалось дозвониться лишь до автоответчика Пэм, и телефон Мэй был занят. Кармел оставила сообщения на оба телефона, а затем застыла в нерешительности, продолжая держать телефон в руке. Может быть, она несправедлива к Джеку? Может быть, он искренне хочет принести извинения? Может быть, Пэм все преувеличила и неправильно поняла? И, в конце концов, что плохого в небольшом поцелуе? Наверное, Джек просто поддался импульсу, поблагодарил за то, что она сообщила ему, где искать Пэм.

Что бы теперь ни произошло, Кармел сделала все от нее зависящее. Пэм получит сообщение и будет готова к встрече с ним - да и что он сможет сделать, когда вокруг будут другие люди? Нет, ей не о чем волноваться. Кармел присела на диван и разорвала раскрашенную в бронзовый цвет обертку шоколада Aero. Потянувшись за пультом управления, Кармел пальцем потрогала свои губы.

В постели он, должно быть, бомба.

Пэм вернула Мэй телефон.

- Извини, но она обо мне беспокоится.

Мать Пэм позвонила, чтобы удостовериться в том, что Пэм успешно добралась до дома Мэй. Она позвонила на телефон Мэй, так как свой Пэм забыла дома.

- Никаких проблем. - Мэй вытащила из холодильника пакет с картофелем. - Жаль, что Конор не зашел и не поздоровался. Я была бы рада с ним встретиться.

Пэм улыбнулась.

- Он такой застенчивый. Мне пришлось бы тащить его за волосы. И к тому же он очень торопился вернуться к маме.

Ее улыбка померкла. Мэй быстро нашлась:

- Это у тебя новый топик? Он великолепен.

Лавандовый, внизу окаймленный бледно-серым кружевом, слегка облегающий грудь и свободный на талии. Пэм покачала головой.

- Ему уже сто лет, я просто... не часто его надевала, вот и все.

- Он тебе идет, подчеркивает фигуру. Ты обычно носишь более свободные вещи.

Лицо Пэм скривилось, но это длилось долю секунды - Мэй даже засомневалась, не показалось ли ей.

- Больше не ношу.

Затем Пэм выдвинула ящик, в котором хранились столовые приборы, и достала два ножа.

- Итак, пора начинать. Ты хочешь резать или чистить?

Все случилось после того, как она заметила отсутствие подсвечника. Если бы она не заметила, что его нет, она ничего не стала бы предпринимать, она бы просто продолжала ждать, надеяться и молиться о том, чтобы неприятности обошли их стороной, что бы Джуд ни натворила и в какую бы историю она ни ввязалась.

Марджори вошла в гостиную и распахнула занавески, но, повернувшись и бросив взгляд на камин, обнаружила, что один из подсвечников пропал. На каминной полке неоставало одного из двух латунных подсвечников, которые достались ей после смерти бабушки Килбан.

В другой раз Марджори не стала бы слишком переживать, она бы просто решила, что сама переставила его куда-нибудь, когда делала уборку, а потом забыла. И вообще, не велика потеря, он все равно бесполезно стоял на каминной полке. Разве у них случаются поводы зажечь свечи?

Но в этот раз было что-то такое, что Марджори не могла понять, что-то странное, что она не могла объяснить.

А потом ее озарила ужасная мысль о том, что при помощи тяжелого подсвечника можно нанести страшные повреждения. Можно даже избить до полусмерти. Можно даже мозги выбить.

К тому времени, когда Джуд наконец-то встала, а было это уже после четырех часов дня, Марджори определилась с тем, что ей нужно делать. Пока Джуд ела свои хлопья, Марджори поднялась наверх, вытащила из-под кровати серую толстовку и поместила ее в пластиковую сумку, стараясь при этом оставлять поменьше собственных отпечатков.

Потом она снова спустилась вниз, вышла из дома, подошла к мусорному баку, нашла газету, из которой были вырезаны буквы, и тоже положила ее в сумку. Марджори была уверена, что Джуд, как обычно, не обратит на нее никакого внимания.

Затем Марджори оставила сумку в прихожей, а сама вошла на кухню.

Джуд подняла глаза, посмотрела на мать и снова вернулась к своим хлопьям. Несколько хлопьев валялись на полу.

Сердце Марджори колотилось, когда она спросила:

- Джуд, дорогая, у тебя все в порядке?

Потому что даже теперь, понимая, что произошло что-то страшное, она была готова прийти на помощь дочери, если та ее об этом попросит. Если хотя бы раз в жизни она поговорит со своей матерью как с важным для нее человеком. Если посмотрит на мать и скажет:

- Мам, я совершила очень плохой поступок, и мне нужна твоя помощь, - а в ее взгляде появится что-то еще, кроме отвращения.

И Марджори ей поможет. Она преступит закон, будет лгать под присягой и сядет в тюрьму вместо дочери. Если только дочь ее попросит.

Но Джуд посмотрела на нее, нахмурилась и пробурчала:

- Ясное дело. А почему должно быть не в порядке?

Марджори О'Ди зашла в отделение полиции Килпатрика, подошла к большому деревянному столу и обратилась к сидящему за ним сотруднику полиции, сказала, что ей нужно сообщить информацию о своей дочери. Когда Марджори говорила, голос ее дрожал.

И сотрудник полиции, которого звали Ребекка Донеган, вышла из-за стола и увидела заляпанную кровью толстовку, которая торчала из пластиковой сумки. После чего Ребекка вежливо предложила Марджори пройти с ней.

- Твой отец до сих пор не догадывается? - Пэм разделила цветную капусту на соцветия и бросила их в пароварку.

- Ни капельки. Я сегодня утром подарила ему открытку, и он убежден, что на этом все. Я думаю, он немного обескуражен от того, что не получил никакого подарка, хотя сам настаивал на том, что не хочет никакой суеты.

Мэй положила последний нож рядом с последней тарелкой, стоявшей на столе, - будет тесновато, но они разместятся, - а затем посмотрела на часы.

- Прекрасно, у нас еще десять минут до прихода гостей. Я сбегаю переоденусь, а ты, пока есть возможность, выпей чашку чая.

Кухня наполнялась ароматами еды. В духовке чудесно запекались кусочки картофеля, и пирог с лососем и шпинатом покрывался изумительной золотистой корочкой. В кастрюле потихоньку булькал сырный соус, приготовленный Пэм.

Белое вино охлаждалось, а столовые приборы поблескивали на столе. Филип сидел за закрытой дверью в гостиной, читал свои газеты и совершенно не подозревал о присутствии в доме Пэм.

Мэй осторожно поднялась по лестнице. Все шло так, как и было задумано.

На всякий случай он припарковал машину у соседнего дома и неспешно направился к дому Мэй. Обычный прохожий, который вышел на прогулку в воскресный вечер. Джек улыбнулся, вспомнив, как легко он все провернул с Кармел. Как она проглотила его жалостливую историю, просто на раз-два.

А поцелуй - это вообще был ход конем. Идея пришла внезапно. В тот момент, когда Кармел сказала ему, где искать Пэм, Джек почувствовал себя победителем. Просто смех. Он наверняка украсил день этой жалкой сучке. Сидит сейчас одна с бутылкой вина и напивается.

Конечно, Кармел могла позвонить Пэм сразу, как только он ушел, и сообщить о том, что Джек идет по ее следу, но с этим не было проблем - он умел обращаться со своей женой. Все, что ему было нужно, - это встретиться с ней один на один, а не в присутствии этой второй кошелки, которая тоже сует нос не в свои дела. Со стариком хлопот не будет.

Джек приблизился к дому и замедлил шаг. Он увидел две машины, которые были припаркованы прямо напротив забора, почти на дороге. Гости - вот этого еще не хватало. Джек перешел на другую сторону дороги и облокотился о стену, притворяясь, что смотрит на часы, а сам продолжал держать дом в поле зрения. Что теперь делать?

Пэм была внутри, в этом он не сомневался. Но если в доме полно других людей, то ему нужно действовать осторожно. Он пойдет и купит газету, потом припаркует машину ближе, сядет в нее и будет ждать до тех пор, пока не разойдутся все гости.

Это просто заминка, не более того.

По идее, он должен сердиться. Его держали в неведении, поставили в известность в самый последний момент, все нарисовались и свалились ему на голову как раз тогда, когда он был на середине колонки о спорте. Сначала мальчики со своими женами, а потом, через десять минут, в дверях уже пританцовывала Хильда.

Они все шумели, галдели, говорили одновременно, совали ему в руки подарки. Смеялись над его удивленным лицом, а Уильям заявил, что ему никак не дашь больше семидесяти девяти. Потом Габи посадила Филипу на колени малыша.

Малыш смотрел на него своими огромными голубыми глазами. Внук ничуть не возражал против того, чтобы посидеть на коленях у старика. Потянулся за пальцем Филипа – этот палец в его крохотном кулачке казался просто гигантским, – потом засунул его себе в рот, из-за чего все рассмеялись.

Филип уже забыл, каково это – держать на руках младенца. Забыл, как они чудесно пахнут. Забыл, какие они свежие, эти малыши, которые только начали жить. Какие белые белки их глаз.

Этого малыша назвали Фил, в его честь. Еще один Филип О'Каллахан. Ему придется научить внука говорить «дедушка» или, может быть, «деда». Он еще подумает над тем, какое обращение ему нравится больше.

Филип не мог вспомнить, в каком возрасте дети начинают слушать сказки. Он слегка приподнял колено и изобразил пару маленьких скачков, а малыш вытащил изо рта палец Филипа, и его личико расплылось в сладкой улыбке. Филип улыбнулся в ответ, снова приподнял колено и сказал:

– Скачет лошадка по полям, по лесам.

А еще подарки. От Катала и Габи он получил лучшую в мире вещь – огромный меховой башмак, который нагревается, если его включить в розетку. Потом нужно вставить в него обе ноги, и им будет тепло. Филип никогда не слышал о такой штуке, хотя частенько мечтал о каком-нибудь волшебном способе согреть вечно мерзнущие ноги. Как только все уйдут, он сразу опробует это приспособление.

Уильям и Долли подарили ему серый кардиган, который застегивается на молнию, причем у молнии крупный замочек, и Филипу не придется с ним мучиться. И размер кардигана правильный, он сразу это понял, лишь взглянув на подарок.

А Хильда подарила ему пазл – фотографию Клифдена, разрезанную на пятьсот частей. Не то чтобы Филип всегда мечтал собирать пазлы, но это занятие поможет ему приятно коротать время после того, как он заканчивает читать газету, а по телевизору, как всегда, ничего интересного.

Клифден – местечко, куда они с Эйдин поехали в свой медовый месяц и куда каждое лето потом приезжали вместе с детьми, всегда останавливаясь в одном и том же бунгало, расположенном на побережье... Может быть, как-нибудь они с Хильдой съездят туда на машине. Наверное, он не будет откладывать это путешествие в долгий ящик.

Это может показаться смешным, но Мэй подарила отцу кормушку для птиц, а ведь он только вчера вспоминал про ту, которая была у них раньше. Мэй собиралась повесить кормушку у окна гостиной, где Филип проводил каждый день, читая газету, чтобы он мог наблюдать за птицами через бинокль, который Мэй ему тоже подарила.

А потом неизвестно откуда появилась Пэм, принесла поднос с напитками и подарила Филипу фотоаппарат моментальной печати и маленький альбом, куда можно будет клеивать фотографии, когда они проявятся. Они уже сделали шесть фотографий Филипа Большого и сидящего у него на коленях Филипа Маленького.

И, по правде говоря, после того как столько всего без предупреждения свалилось на голову, Филип признался себе в том, что задумка оказалась очень удачной.

Ему хотелось знать, что приготовлено на ужин. Что бы это ни было, пахло оно изумительно. Он сделал еще один глоток виски и улыбнулся всем присутствующим.

Это просто нелепо, насколько сильно он волнуется, как будто ему шестнадцать и он собирается на первое свидание. А ему уже тридцать пять, он уже взрослый мужчина. Достаточно взрослый, чтобы справиться с любой реакцией со стороны Мэй.

Кроме одной – если все пойдет не так и окажется, что он совершенно не интересуется Мэй, а ему после этого придется встречаться с ней каждую неделю. Такого развития событий он совсем не желал.

Была не была, в конце концов, слабый духом никогда не завоеует прекрасную даму. Он потрогал нагрудный карман своей рубашки и услышал, как шуршит маленький коричневый конвертик, который отдал ему ювелир.

Когда Пэдди свернул на дорожку к дому Мэй, из темно-синей машины вышел мужчина и пересек улицу.

Она суетилась вокруг стола, наливая кофе и проверяя, чтобы в двух маленьких кувшинчиках было достаточно сливок. На другом конце Мэй собирала тарелки. Встретились они у раковины.

– Все прошло хорошо, в тысячный раз большое тебе спасибо, Пэм. Я бы ни за что без тебя не справилась. Теперь я могу тебе признаться в том, что была в панике из-за того, что мне придется все делать самой.

Лицо Мэй покраснелось, возможно от вина. На ней был бледно-синий топ, который гармонировал с цветом ее глаз, а также красно-коричневая юбка. Волосы были собраны с одной стороны и закреплены заколкой, которая сверкала, когда на нее попадали солнечные лучи.

Пэм добавила больше кофе в кофемашину.

– Никаких проблем, Мэй, мне самой все понравилось. Кажется, твой отец тоже доволен.

Они обе посмотрела на Филипа, который смеялся над чем-то вместе с Хильдой. Смеялся.

– Ммм. Жаль, что Ребекка все пропустила. Наверное, что-то задержало ее на работе. – Мэй забрала у Пэм лопатку. – А теперь не хочешь ли ты сама присесть и выпить кофе? Ты сегодня уже достаточно набегалась.

В этот момент в окне появилась кошачья мордочка. Мэй постучала по стеклу.

– О, бедный Одинокий Джордж, должно быть, Шон до сих пор в больнице.

Пэм наблюдала за тем, как кот, мяукая, раскрывает рот.

– Есть ли новости от Бернарда?

– С самого утра ничего. – Мэй пошарила под раковиной и вытащила пакет с сухим кошачьим кормом. – Я сейчас выйду и покормлю Джорджа, он, наверное, голодный.

Пэм вытянула руку.

– Слушай, давай я это сделаю. А ты останешься и поболтаешь с гостями. Где миска?

– На веранде за домом... – Мэй засомневалась. – Пэм, может, будет лучше, если я пойду? Может быть, тебе лучше остаться в доме?

Никакого упоминания о Джеке.

Пэм покачала головой, мечтая о глотке свежего воздуха после душной кухни.

– Со мной все будет в порядке, это же соседний двор. – Она забрала у Мэй пакет и открыла заднюю дверь. – Вернусь через секунду.

На улице моросил слабый дождь. Пэм позвала:

– Котик, иди сюда, – и пошла вслед за Одиноким Джорджем в сторону главного входа. Быстро оглядевшись, она открыла ворота – никого нет.

Она вошла во двор соседнего дома и направилась к патио. Насыпала в пустую миску немного корма и замерла, вдыхая свежий, влажный воздух и наблюдая за тем, как Одинокый Джордж хрустит своей едой. Потом она направилась обратно к главному входу.

Она подошла к дорожке и увидела его. Джек стоял у ворот дома Мэй и ждал жену.

Сердце ушло в пятки, а в горле громко и болезненно забился пульс. Пакет с кошачьим кормом выпал из рук на землю, а шарики корма просыпались на дорожку.

- Пэм.

Джек был небритым. Бледным. Спокойным.

Она с трудом произнесла:

- Что ты здесь делаешь?

- Я пришел за тобой.

Одной рукой он слегка опирался о забор Мэй. Чтобы пройти, Пэм придется его оттолкнуть.

Она начала медленно качать головой.

- Ты знаешь, я не вернусь.

Все сейчас болтают на кухне, в задней части дома. Даже если она закричит, ее никто не услышит.

- Пэм, не начинай. - Джек сделал шаг в ее сторону. - Ты знаешь, мы созданы друг для друга. - Еще один шаг, пока она, окаменев, стоит и смотрит на него. - Мы созданы друг для друга, ты и я.

И вдруг, прямо за спиной Пэм раздался мужской голос, который спросил:

- Все в порядке?

Когда он подошел ближе, то понял, что незнакомый мужчина направляется к дому Мэй. Во всяком случае, выглядело так, будто он хочет войти, он даже положил руку на ворота. Но сейчас незнакомец разговаривал с женщиной, которая появилась из соседнего сада. Может быть, он просит ее показать дорогу?

Погодите-ка. Она что-то бросила на землю, пакет с чем-то, что рассыпалось по дорожке. И при этом ни она, ни этот незнакомец, который продолжал ей что-то говорить, даже не попытались его поднять.

А потом, когда Пэдди уже оказался достаточно близко, чтобы услышать, о чем они говорят, мужчина произнес:

- Мы созданы друг для друга, ты и я.

И в этот момент Пэдди посетило неприятное предчувствие, так как ему стало ясно, что происходит что-то очень серьезное.

Черт возьми, как поступить? Все это было похоже на выяснение отношений, и ему, похоже, следует вмешаться. Он остановился за спиной женщины и спросил:

- Все в порядке?

Он молил бога, чтобы женщина обернулась и ответила «да» или даже грубо послала бы его куда подальше, чтобы он не лез не в свои дела, - ему и этот вариант подошел бы.

Но вместо этого она повернулась - Пэдди узнал ее лицо, он раньше встречал ее - и быстро ответила:

- Нет, пожалуйста, помогите мне. Этот человек пытается заставить меня пойти с ним.

А мужчина, которого Пэдди не узнал, продолжая смотреть на лицо женщины, произнес:

- Послушай, тебя это не касается. Проваливай, ладно?

Выражение его лица при этом не изменилось, но в голосе прозвучала угроза.

Пэдди не сдвинулся с места - а что ему еще было делать?

- Слушайте, я не хочу вмешиваться, но...

Незнакомец повернул голову в сторону Пэдди и взглянул на него.

- Тогда исчезни, о'кей? Это касается только меня и моей жены - мы сами разберемся. - Незнакомец схватил женщину за руку. - Давай пошли.

Она покачала головой. Выглядела она при этом очень испуганной.

- Нет, я сказала тебе, я с тобой не пойду. - Она пыталась отойти от него, пыталась высвободить свою руку.

Пэдди подошел ближе и попробовал встать между ними. Сердце его колотилось. Почему на улице никого нет? Под ногами хрустели шарики сухого кошачьего корма. Он осторожно положил руку на плечо незнакомца.

- Послушай, она не хочет.

Незнакомец оттолкнул Пэдди, из-за чего тот немного пошатнулся.

- Пошел ты, тебя это не касается. - Его лицо потемнело от ярости, а рот исказила гримаса гнева.

Пэдди устоял, но при этом у него появилось ощущение нереальности происходящего. Разве может такое происходить в центре тихой улицы воскресным вечером? Что теперь делать? Незнакомец в этот момент уже тащил женщину по дорожке, а она кричала, чтобы тот отпустил ее, оставил ее в покое. А еще она просила Пэдди о помощи.

Сердце Пэдди бешено колотилось. Он ни разу за всю свою жизнь не принимал участия в драке, он никогда не оказывался в ситуации, при которой требовалось физическое противостояние. Он был перепуган. Но он должен был что-то предпринять и должен был сделать это быстро, пока сам до конца не осознал весь ужас происходящего.

«Господи Иисусе, мне нужно его ударить». Он ринулся к незнакомцу, сжав при этом кулаки. Он заорал:

- Отпусти ее! - и нанес удар правой рукой, надеясь, что каким-то чудом удар окажется достаточно сильным и незнакомец хотя бы сбавит обороты.

Но его удар оказался очень неуклюжим - он пришелся в область подмышки и едва задел незнакомца. Однако в этот момент женщина резко рванула в сторону, а так как незнакомец продолжал ее удерживать, его развернуло, и Пэдди успел другим кулаком со всей силы ударить его в живот.

Мужчина застонал и согнулся пополам. А женщина, вырвавшись на свободу, плача и едва не падая, побежала к воротам Мэй.

Кулак Пэдди пульсировал; он потряс им, чтобы унять боль, продолжая при этом наблюдать за незнакомцем, который все еще, громко хрипя, валялся на земле. Не похоже, что он в ближайшее время сможет что-то предпринять. Пэдди робко повернулся к воротам Мэй.

Он прошел половину пути, когда незнакомец набросился на него.

- Мать твою, ублюдок! - Он схватил Пэдди за плечи и швырнул на припаркованный автомобиль. *Шмяк.*

Щека Пэдди вмазалась в боковое стекло, его бедро оказалось прижатым к дверной ручке. Он почувствовал, что лицо горит от боли, и подумал: «*Похоже, у меня*

проблемы».

Когда незнакомец снова схватил его за волосы и дернул назад, раздался визг тормозов – слава богу, – и Пэдди скорее услышал, чем увидел, что кто-то выскочил из машины и кинулся прямо к незнакомцу. Что было далее, Пэдди толком не понял, но незнакомец вдруг свалился на землю, мыча от боли.

Пэдди очень удивился, когда сообразил, что на спине незнакомца сидит женщина, одной рукой прижав его руку, а другой засовывая телефон обратно в карман, она разъясняла незнакомцу, применяя нецензурные выражения и вообще разговаривая так, как обычно леди не разговаривают, что с ним произойдет, если он только попробует пошевелиться.

И приблизительно в то же самое время, когда у Пэдди случился близкий контакт с припаркованной машиной, приблизительно в тот самый момент, когда розовая ракушка от удара разбилась на кусочки, Шон очнулся от легкой дремы, в которую он впал, сидя на стуле. Он поднял изможденное лицо со следами слез и посмотрел прямо в глаза Бернарда, которые на этот раз были открыты.

Даже после того как Уильям принес пару плетеных кресел из спален, у нее все равно не хватило для всех стульев, зато пирога и кофе было в изобилии. А брат Пэм, Конор, казался вполне счастливым, сидя на радиаторе, поглощая пирог и болтая с отцом Мэй о рыбалке.

Шон не стал есть пирог, он продолжал опустошать тарелку с наспех разогретым картофелем и остатками цветной капусты под сырным соусом, которую Мэй поставила перед ним.

Вообще-то он не собирался оставаться, он просто заскочил по пути домой, чтобы сообщить Мэй радостную новость, но его не пришлось долго уговаривать войти и перекусить.

Он оперся локтем о стол и одной рукой подпирал голову, а другой отправлял в рот кусочки картофеля. Он почти спал – и заснул бы, если бы Хильда, выпив уже третью порцию джина, не пустилась в воспоминания о том, как десять лет назад ездила с подругой в Бостон. Шон устало улыбался и постоянно кивал головой, но Мэй была готова поспорить, что мысли его в этот момент были далеко от Бостона.

Некоторое время назад Бернард пришел в себя, он начал дышать самостоятельно, и, по всей видимости, мозг его не пострадал. Травмы, хоть и оставались довольно серьезными, уже не представляли угрозу его жизни. По заключению врачей, Бернарду уже ничего не угрожало, если только не возникнут осложнения. И Шон улыбался Хильде и всем остальным, с кем встречался взглядом.

Ребекка не слушала воспоминания Хильды, она была слишком занята, воркуя с Филом и рассказывая снохам Мэй о том, как шесть месяцев назад ее семья отпраздновала семидесятипятилетний юбилей бабушки.

– Еду привезли на полтора часа позже – у них по дороге пробило колесо. У моей мамы, пока она их ждала, чуть сердечный приступ не случился. К тому времени, когда они приехали, мой дедушка вовсю распевал: «Она шла по ярмарке».

Слушая всю эту счастливую болтовню за столом, трудно было поверить, что менее часа назад Пэм влетела на кухню, плача и умоляя:

– Быстрее, пожалуйста, вызови полицию, Мэй, он здесь.

А когда все они выбежали на улицу, то обнаружили Ребекку, которая с невозмутимым видом прочно пригвоздила Джека Трейси коленом к земле.

– Всем привет, все под контролем. Я только что вызвала подмогу, они придут с минуты на минуту. – Она мотнула головой. – Кто-нибудь, помогите вон тому мужчине, ему, похоже, нужен лед.

И лишь после этого они заметили светловолосого мужчину, который полулежал на капоте машины Хильды, осторожно трогал свою щеку и выглядел при этом очень растерянным. Левую сторону его лица рассекала темно-розовая полоса.

Это был он. Это был почтальон. Пэм, которая шла позади всех, выступила вперед и спросила:

- Что случилось?

Он попытался улыбнуться:

- Ну я только что ударился лицом о машину, не думаю, что со мной что-то серьезное, но лицо немного жжет.

Пэм осторожно потрогала его щеку.

- Зайдите в дом, я медицинская сестра. Лучше, если я осмотрю вас в доме. - Пэм продолжала не смотреть в сторону Джека, лежавшего на дорожке.

Когда они ушли, снова заговорила Ребекка:

- Мэй, ступай с ними, здесь уже делать нечего.

И Мэй поняла, что Ребекка ей в этот момент мысленно подмигнула, так как в сложившейся ситуации она, конечно, не имела возможности подмигивать.

Пока Ребекка говорила, на дорожку свернул полицейский автомобиль и остановился перед домом. Как только из автомобиля вышли двое мужчин-полицейских, Ребекка немного ослабила хватку, с которой удерживала Джека. Полицейские подняли его на ноги и запихнули в машину.

Вернувшись на кухню, они положили лед на щеку почтальона, кости, по словам Пэм, не были сломаны.

- Возможно, в течение нескольких дней будет небольшой синяк, - сказала она Пэдди.

Одной рукой он держал лед, завернутый в кухонное полотенце, а другой - стакан с бренди, который согласился выпить по настоянию Ребекки. Когда кухня вновь наполнилась людьми и все наконец-то расселись, Мэй пришлось очень постараться, чтобы не подслушивать, о чем почтальон говорит с ее братьями. Она изо всех сил пыталась не прислушиваться, когда он сначала рассказывал им об уроках по столярному делу, которые брал уже больше года, а потом принялся описывать столик для птиц, который недавно сам сделал и который называл своим самым смелым проектом.

Столик для птиц? Мэй покачала головой. Что-то не складывалось.

- Он был великолепен, - сказала Пэм, когда они вдвоем с Мэй стояли возле раковины. - Было понятно, что он не знал, что делать, но он очень хотел мне помочь. Так что рыцари еще не перевелись на улицах Килпатрика. - Она взглянула на Пэдди, который сидел в другом конце комнаты. - Мне очень повезло, что он появился так своевременно.

- Ммм. - Мэй старалась не смотреть в его сторону, он уже дважды поймал ее взгляд.

- Его зовут Пэдди, - добавила Пэм.

- Ясно. - Мэй услышала, как Уильям засмеялся над словами почтальона, и ей жутко захотелось узнать, о чем шла речь.

- Пэдди О'Брайан, - повторила Пэм. - Я была знакома с его сестрой Изольдой, мы несколько раз пересекались в колледже. Он раньше иногда приезжал сюда по выходным, чтобы навестить ее. Забавно, что спустя много лет он стал работать здесь почтальоном.

Мэй медленно повернулась к Пэм.

- Что?

- Изольда, я с ней встречалась...

- Нет, я не это имела в виду. Как его зовут?

Пэм удивленно посмотрела на Мэй.

- Пэдди. Пэдди О'Брайан.

И картинка в голове Мэй медленно начала складываться. Пэдди О'Брайан, за чьим садом она уже столько месяцев ухаживает. И который, по ее мнению, был либо плотником, либо столяром, так как в его доме было много дерева и инструментов, а в саду появился прекрасный столик для птиц. Столик, без сомнения, был выполнен вручную, а кто, если не плотник, мог это сделать?

Но он не был никаким плотником, в этом она ошиблась. Он был почтальоном, который в свободное время увлекался работой по дереву.

Внезапно она вспомнила слова Ребекки о том, что пару дней назад она видела, как почтальон - Пэдди, который сейчас сидит за столом, - шел с другой женщиной и обнимал ее. Но Пэдди О'Брайан, за чьим садом она ухаживает, без сомнения, живет один... значит, он и та женщина, с которой его видела Ребекка, не женаты. Может быть, между ними нет ничего серьезного, просто легкая интрижка. Мэй очень хотелось все выяснить. Ей очень хотелось, чтобы он сейчас встал, подошел к ней и все объяснил.

Вскоре появился Шон, и все налили себе еще кофе или вина, чтобы послушать историю про Бернарда, и на этот раз Филип был исключительно любезен с Шоном, даже сказал, как он переживает из-за того, что случилось с Бернардом.

А через полчаса Пэм встала и потянулась за своим плащом.

- Я думаю, пора уходить. Конор просигналил.

Мэй проводила их до машины, держа Пэм под руку.

- Ты в порядке?

Пэм кивнула.

- Все будет хорошо.

- Чем теперь думаешь заняться?

Теперь, когда Джек надежно упрятали. Мэй знала, что Пэм думает о том же.

Пэм помолчала, держась за ручку дверцы автомобиля.

- Я не знаю, Мэй. Я не знаю, что теперь будет. - Конор, обойдя автомобиль, подошел к водительскому месту. - Не имею ни малейшего представления.

Мэй обняла ее.

- Не думай об этом сегодня. Я позвоню тебе завтра вечером, и мы сможем спокойно поболтать. Сейчас тебе нужно хорошенько выспаться.

«И, может быть, после этого ты сможешь обдумать мое предложение».

Пэм кивнула. Потом, уже сидя в машине, она взглянула на Мэй и сказала:

- Наслаждайся оставшимся вечером, хорошо?

В темноте Мэй не смогла разглядеть, улыбалась ли Пэм.

Она смотрела, как уезжала машина. «Наслаждайся оставшимся вечером». Она повернулась, чтобы войти в дом, и увидела Шона.

- Мэй, я ухожу. - Он надевал пиджак. - Завтра я снова поеду в больницу, а когда вернусь домой, ты мне расскажешь, почему этот красавчик-почтальон сидит у тебя на кухне и весь вечер строит тебе глазки. Это как-то связано с синяком на его щеке? Он признался тебе в вечной любви, а ты влепила ему пощечину за такую дерзость?

Мэй засмеялась.

- Ничего подобного, к сожалению. Передай Бернарду, что я приду его навестить, когда

он достаточно окрепнет. Спокойной ночи.

Строил ей глазки? Наверное, Шон просто дразнит ее, как обычно. Или нет?

Вернувшись на кухню, Мэй обнаружила, что ее снохи уже надевают свои плащи и засовывают Филадельфию в крошечную пушистую курточку, а Хильда рассеянно ищет свою сумочку и одновременно согласовывает с Филипом их поездку.

- В следующую субботу, если с погодой повезет. Обсудим все завтра утром.

И Пэдди О'Брайан из вежливости тоже стал бы собираться, если бы Ребекка вовремя не налила ему новую чашку кофе, не спрашивая, хочет он или нет, а также добавила в кофе изрядную порцию бренди, тоже не интересуясь его мнением на этот счет. Поэтому Пэдди сидел за столом и наблюдал за остальными.

Когда все ушли, а Хильда отправилась наверх, в крохотную отдельную комнату, Ребекка обратилась к Филипу.

- А теперь, мистер О'Каллахан, и не мечтайте о том, чтобы принять душ. Вы слишком устали. Я провожу вас наверх, в спальню и туда же принесу вашу бутылку с горячей водой. А в это время остальные, - она подмигнула Пэдди и Мэй, - тут все приберут. Нам с вами хватит полчаса.

И Филип, у которого и в мыслях не было принимать душ, выпрыгнул из кресла так быстро, как ему позволили восемьдесят лет, и, держа под руку Ребекку, вышел из кухни.

А когда за ними закрылась дверь, Пэдди, который уже начал ощущать эффект от выпитого бренди, достал из нагрудного кармана рубашки коричневый конвертик, вытащил из него сломанную цепочку и кусочки ракушки и, глядя на Мэй О'Каллахан, сидящую напротив, произнес:

- Полагаю, это вы потеряли.

Она достала из ящика две чистые пижамы и положила их в сумку, в которой уже лежали халат Джуд, тапочки и чистое нижнее белье. Если Марджори не будет об этом думать, то все будет в порядке. Ей нужно погрузиться в работу, это ей поможет.

Из другого ящика она достала футболки и джинсы и положила их поверх тех вещей, которые уже упаковала. Затем в свою розовую сумочку она сложила зубную щетку Джуд, расческу и увлажнитель, а также неначатый кусок мыла и наполовину пустой тюбик с зубной пастой, которую они никогда не выдавливали снизу.

Марджори потребуется примерно сорок пять минут, чтобы дойти до полицейского участка. Она отдаст сумку тому, кто будет сидеть за столом, и скажет, что это для Джуд О'Ди, которую доставили ранее, а потом развернется и пойдет домой. Может быть, даже пойдет домой длинной дорогой, чтобы вернуться попозже, когда уже нужно будет ложиться спать.

А завтра Марджори работает в первую смену. Это хорошо. Во время перерыва она подойдет к мистеру Митчеллу и попросит его поставить ее в дополнительные смены. Дать ей столько работы, сколько возможно. Главное для нее сейчас - быть загруженной работой.

Потому что если она начнет думать о том, что натворила ее дочь, то, с большой долей вероятности, Марджори О'Ди принесет домой из магазина бутылку водки и запьет ею все имеющееся у нее снотворное, которое она хранила в маленьком белом шкафчике рядом с кроватью.

Ее мама теребила в руках кухонное полотенце.

- Все еще не могу поверить в то, что он там оказался, у дома Мэй. Господи, Пэм.

Пэм взяла ее руки в свои.

- Мама, я тебе повторяю, он и пальцем до меня не дотронулся. Я тебе все рассказала только потому, что теперь все закончилось - его поместили под стражу. Все

закончилось.

- Ну а вдруг он...

- Мама, посмотри на меня. - Пэм помолчала. - Посмотри, со мной все хорошо, я не пострадала. Джек меня не ударил. Он больше никогда не причинит мне боль. - Она снова замолчала, крепко сжимая руки своей матери. - А знаешь что? Мэй сегодня вечером спросила, что я собираюсь делать дальше. И я ответила, что не знаю. - Пэм посмотрела вниз, на их сомкнутые руки, а потом снова подняла взгляд. - Но, мама, одно я знаю точно - я не уеду из Килпатрика. Это мой дом, и я останусь здесь.

- А если его выпустят, если он...

- Все будет в порядке, мам, честно. Его прежней власти надо мной больше нет. Что бы ни произошло сегодня вечером, больше он не сможет причинить мне боль. - Для большей убедительности Пэм осторожно сжала руки матери. - Со мной все будет хорошо. Поверь мне.

И, видя уверенный взгляд Пэм, мать поверила.

- Господи ты боже мой. - Изольда закрыла лицо руками. - Что с тобой случилось?

Пэдди улыбнулся, почувствовав при этом тянущую боль.

- Все не так плохо, как выглядит - щека даже не болит, если я ее не трогаю.

Эта сторона его лица уже успела потемнеть. К утру, как и предсказывала Пэм, у него будет чрезвычайно темный синяк под глазом.

Но оно того стоило, если посмотреть на ситуацию в целом.

Изольда продолжала смотреть на брата.

- Либо ты вошел в закрытую дверь, либо кто-то тебя ударил, но при этом ты выглядишь довольным, как кот, объевшийся сметаны. Или ты мне сам рассказываешь, что произошло, или мне придется выбить из тебя информацию.

- Я сам расскажу тебе, что произошло. - Пэдди обнял ее за плечи и повел в дом. - На сегодня мне уже достаточно побоев.

Изольда, пока они шли, обняла его за талию.

- Это будет рассказ со счастливым концом?

Улыбка Пэдди стала еще шире, в ответ на это щека заболела еще сильнее.

- О да.

Да, если рассмотреть ситуацию целиком, то оно того стоило.

- Значит, его посадили под арест?

- Еще нет, пока только задержали на ночь, чтобы он пришел в чувство. Посмотрим, что он скажет утром. Если он продолжит вопить о том, что полиция проявила по отношению к нему жестокость, то мы его задержим за нарушение порядка. И тогда он какое-то время побудет у нас. Но нам нужно, чтобы Пэм написала заявление, я вчера ей об этом сказала.

- Думаю, что теперь, после всего, что случилось, она это сделает.

- Хорошо. Этого парня нужно закрыть.

- Честно говоря, у меня в последние дни возникла идея насчет Пэм... Интересно, как она отнесется к тому, чтобы начать работать вместе со мной?

- Я думала, она уже у тебя работает.

- Нет, я имею в виду - помогать мне с моей работой, с покраской стен и со всем остальным. У меня сейчас заказов больше, чем я могу осилить. И, по правде говоря, мне было бы гораздо легче, если бы у меня была машина. Пэм умеет водить, мы можем купить подержанный фургончик, и она отлично со всем справится. Она добросовестный работник и столько всего умеет. Мы в пятницу вместе с ней покрасили комнату Кармел за считанные минуты.

- Ну, похоже, ты все уже продумала. Но кто тогда будет ухаживать за папочкой О'Каллаханом?

- Еще не знаю. Видимо, придется найти кого-то еще. Я могу завтра утром переговорить с помощницей Пола и Франчески. Может быть, у нее есть подруга, которую она сможет порекомендовать.

- Думаю, стоит попробовать.

- Мммм... и разве не отличная новость от Бернарда? Шон вчера вечером выглядел таким счастливым.

- Да. О, я не могла сказать этого раньше, но у нас тоже есть новости.

- У вас? Вы знаете, кто это сделал?

- Да, у нас есть очень хорошая версия. Мы задержали двоих, и представь себе, обе они девушки.

- Что?

- Подростки, но очень трудные. Я была в участке, когда их доставили - два очень тяжелых случая, а одна из них крупная, как мужик. Ее мать сообщила нам - ты бы ее видела, такое несчастное, опустошенное существо.

- Бедняга.

Мэй уже стало интересно, собирается ли Ребекка спрашивать ее о самом главном. Она мысленно досчитала до трех.

- Итак, вечер удался?

Мэй улыбнулась.

- Абсолютно. Похоже, все остались довольны, разве нет?

- Мэй О'Каллахан, ты отлично понимаешь, что я не имею в виду вечеринку в честь дня рождения твоего отца. Я спрашиваю про ту часть вечера, когда я, если можно так выразиться, увела твоего отца в кровать.

- Да, и заметь, больше не появилась. Не подозревала, что у тебя есть привычка сбегать.

- Ну я решила, что мне лучше исчезнуть и не мешать на тот случай, если что-то начнет завязываться между тобой и тем приятным молодым почтальоном, о котором ты постоянно твердишь и на которого пялилась весь вечер.

- О господи, неужели это было так заметно?

- Только мне, той, которая замечает все. И он тоже на тебя пялился. Так что, видимо, насчет другой женщины я ошиблась.

- Да, ошиблась. Он свободен. Я думаю, что женщина, которую ты видела, - это его сестра Изольда. Она живет через несколько домов от него.

- Такая смешная, с безумной прической? И в странной одежде?

Мэй засмеялась.

- Это точно Изольда. И я с ней знакома. Я с ней встречалась, помнишь? Это она вышла на меня и попросила заняться его садом.

- Что ты подразумеваешь под «заняться его садом»? Ты что, ухаживала за садом почтальона и не догадывалась об этом?

- Ну мы никогда с ним не встречались, поэтому я и не знала, что это был он. Я думала, что дом принадлежит совершенно другому человеку - тот дом, где я работаю по четвергам.

- Господи, и ты не могла догадаться. Так расскажи мне, как он себя выдал?

И Мэй, хихикая, рассказала Ребекке про подвеску.

- Так это он тогда подарил тебе ее? И теперь ты получила ее обратно?

- Ну... в некотором роде. Она у меня, но я больше не смогу ее носить.

Мэй услышала, как на другом конце Ребекка тяжело вздохнула.

- Я, видимо, выпила две лишние порции бренди, к тому же мне завтра на работу к восьми утра. Я буду очень признательна, если мне не придется вытягивать из тебя каждое слово.

После того как они закончили разговор, Мэй положила в рюкзак все, что могло ей потребоваться для утренней работы, потом поднялась наверх и легла в кровать, но заснуть ей, конечно, не удалось.

- Что это? - спросила она Пэдди, сразу не сообразив, что это за золотисто-розовый комочек лежит на его ладони. Но он еще не успел ответить, как она сказала: - Ой, - и взяла крошечный кусочек розовой ракушки. - О, это же... - И Мэй снова посмотрела на лицо Пэдди, которое выражало одновременно и смущение, и волнение, и надежду. Она потянулась к его руке, взяла то, что осталось от подвески, и произнесла: - Спасибо. Она мне очень нравилась. И я искала ее.

Мэй отбросила одеяло, вылезла из кровати и стала рыться в ящике шкафа, ища конверт. На нем было написано «Мэя». Пэдди написал «Мэя», а не «Мэй. Имя Мэй» показалось ей ужасно старомодным. Так звали девушку, которой разбил сердце Джерри Сканлон. Так звали девушку, которая долгими неделями, даже долгими месяцами плакала по ночам. И которая была слишком напугана, чтобы хотя бы подумать о новых отношениях.

До того момента, пока она не заметила почтальона и не задумалась о том, осмелится ли она когда-нибудь снова... И сегодня вечером, в тот момент, когда Пэдди О'Брайан, сидя за столом напротив, протянул руку и впервые прикоснулся к ее руке, когда он признался в том, что давно хотел поговорить с ней и пригласить на свидание, она поняла, что ее второй шанс наконец-то пришел.

Его поцелуй на ступеньках крыльца был прекрасен.

Мэй больше не было. С этого момента она будет зваться Мэя. Девушка, которая наконец-то готова начать все с самого начала.

Она отложила в сторону конверт, задвинула ящик и вернулась в кровать.

Послесловие

Воскресный вечер потихоньку прощается с нами, становясь лишь воспоминанием, и нам тоже пора покинуть Килпатрик и его обитателей, чьи судьбы так тесно переплелись в течение столь насыщенной событиями недели.

Нам пора оставить Пэм Трейси, которая в голубом халате сидит у окна своей старой спальни, на ее лице больше нет слез, зато на локте лежит слой лечебной грязи с охлаждающим эффектом.

Пора оставить Кармел Гэннон, которая страдает от головной боли и не может уснуть из-за выпитого вина. И которая твердо решила, что больше никогда не посмотрит в сторону мужчины. Хотя тот механик был довольно привлекательным, если не обращать внимания на отсутствующий зуб.

Пора оставить Пола Райана вместе с его сожалениями и его обреченным на провал планом вернуться в Италию вслед за Франческой. Он еще плохо понимает, но скоро сможет увидеть, как восприняла семья Франчески его измену.

Пора тихонечко покинуть Шона, который наконец-то счастливо и крепко заснул, а также Бернарда, который лежит неподвижно в своей палате под капельницей с морфием и пытается разобраться в той суете, которая поднялась вокруг него после того, как он пришел в себя.

И Марджори О'Ди, которая ворочается во сне после приема трех таблеток снотворного. И которая проснется с полными слез глазами до того, как прозвенит будильник, и не сразу сообразит, что случилось.

К счастью, она не может слышать, как кричит сейчас ее дочь, пиная дверь своей маленькой камеры и выкрикивая ругательства в адрес охраны, находящейся снаружи. Бедная Марджори.

А что делает Ребекка? Она спит спокойным, крепким сном, как и всегда. И при этом громко храпит – хорошо, что ее не слышит сын, который находится в другом конце дома.

Пора покинуть Пэдди О'Брайана с его побитым лицом. Он лежит в кровати и не может заснуть, так как его переполняют мысли о Мэй. Он слишком счастлив. А через три дома Изольда, завернувшись в летнее покрывало, думает о чем-то приятном и хихикает в темноте.

Филипу О'Каллахану, которому уже восемьдесят лет и несколько часов, ничего не снится. Но он спит, и этого достаточно, чтобы он чувствовал себя счастливым. На полу рядом с кроватью стоит обогреватель для ног, который он уже опробовал, закрыв от удовольствия глаза и чувствуя, как тепло проникает в ступни.

Хильда спит в крошечной соседней комнате. Ко сну ее подтолкнули три порции джина с тоником. Какая печаль в том, что на завтра ее ждет небольшая головная боль, если сейчас она может проспать целых восемь с половиной часов.

Нам пора оставить и Мэй – Мэю, – которая погружается в сон и погружается в любовь. И кто знает, может быть, на этот раз ее любовь продлится вечно?

Будем на это надеяться.

Примечания

1

Строчка из детской песенки Peter, Paul & Mary. В оригинале: It's raining, it's pouring, the old man is snoring.

2

Камень Красноречия - камень, вмонтированный в стену замка Бларни. По легенде, поцеловавший его получает дар красноречия.

3

Ирландская народная песня. В оригинале She moved through the fair.